
ВЕСТНИК

Казанского юридического института МВД России

**№ 4 (10)
2012**

Научно-теоретический журнал

Учредитель и издатель –
ФГКОУ ВПО «Казанский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Редакционный совет

д.ю.н., профессор Гишинский Я.И. (СПб, РГПУ им.Герцена)
д.ю.н., профессор Готчина Л.В. (СПб., Санкт-Петербургский университет МВД России)
к.философ.н., Позднякова М.Е. (Москва, Институт социологии РАН)
д.с.н., профессор Егорышев С.В. (Уфа, ВЭГУ)
д.с.н., профессор Невирко Д.Д. (Красноярск, СЮИ ФСКН России)
д.ю.н., профессор Нигматуллин Р.В. (Уфа, Уфимский юридический институт МВД России)
д.п.н., профессор Подгурецки Юзеф (Республика Польша, Опольский университет)
д.с.н., профессор Коробов В.Б. (Москва, Академия управления МВД России)
д.ю.н., профессор Дубровин С.В. (Москва, Московский университет МВД России)

Редакционная коллегия

Председатель – кандидат психологических наук, доцент Ф.К. Зиннуров, начальник Казанского юридического института МВД России

Заместитель председателя – кандидат исторических наук, доцент С.Н.Миронов, заместитель начальника КЮИ МВД России по научной работе

Члены редакционной коллегии:

д.пед.н., к.ю.н., профессор Казанцев С.Я., начальник кафедры криминалистики
д.ю.н. Алиуллов Р.Р., начальник кафедры адм. права, административной деятельности и управления ОВД
д.с.н., профессор Комлев Ю.Ю., начальник кафедры философии, психологии, социологии и педагогики
д.э.н. Хадиуллина Г.Н., профессор кафедры экономической статистики, математики, информатики
д.пед.н. Чанышева Г.Г., профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права
к.ю.н., доцент Гарафутдинов М.Р., начальник кафедры уголовного права
к.и.н., доцент Кабиров Д.Э., начальник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела
к.филос.н., доцент Фаткуллин Ф.Ф., начальник кафедры государственно-правовых дисциплин
к.пед.н., доцент Хрусталева О.Н., начальник редакторского отделения

Выходит с 2010 года ежеквартально.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

ПИ № ФС 77-50418 от 29 июня 2012 г.

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования.

Корректор Н.А. Климанова

Перевод В.А. Богдановская

Компьютерная верстка Ю.Б. Носова

©Казанский юридический институт МВД России. Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел
420059, г. Казань, ул. Оренбургский тракт, 128 (vestnikkui@mail.ru)

Подписано в печать 26.12.2012 г. Формат 60x84 1/8 Усл.печ.л.11,6 Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Тираж 200 экз. Цена свободная.

СОДЕРЖАНИЕ		
<u>РЕФОРМА МВД РОССИИ И ОБЩЕСТВО</u>		
Заманская В.В., Самошин В.А. Полицейский в гражданском обществе: этические аспекты юридической педагогики		4
<u>СОЦИОЛОГИЯ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ</u>		
Комлев Ю.Ю. Девиантность и преступность в high-tech-измерении в условиях современного капи-тализи		14
Кузбагаров А.Н. К вопросу о региональной программе по разрешению конфликтов среди населения (медиация на «вооружении» полиции во благо граждан)		19
Белов Е.А. Организационно-правовые способы профилактики неформальной трудовой деятельности населения		26
<u>ГОСУДАРСТВЕННОЕ И ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО</u>		
Демидов В.Н. Деятельность Конституционного суда по защите прав и свобод граждан в Республике Татарстан.....		29
Щендрыгин Е.Н. Конституционно-правовые основы обеспечения национальной безопасности современной России.....		33
Микерин А.А. К вопросу об основных направлениях реформирования политической системы современной России: историко-политический аспект.....		40
Максакова Р.Н. Место категории «учредительная власть» в системе соотношения категорий «власть», «публичная власть», «власть народа» как общественно–политических и правовых понятий		45
Пальченкова В.М. Организация общественного контроля на международном уровне: историко-правовой аспект.....		51
Костин Ю.В. Актуальные проблемы повышения эффективности противодействия коррупции в органах местного самоуправления современной России.....		57
Шмелева О.Г., Лебедева А.В. Организация межведомственного взаимодействия в рамках реализации Федерального закона № 210 «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг»		63
Косоруков А.А. Понятие договора безвозмездного пользования имуществом и его отличие от других договоров.....		68
Рахимов И.И. Развитие законодательства об охране животного мира Республики Татарстан и перспективы сохранения биоразнообразия.....		74
<u>УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ</u>		
Алиуллов Р.Р. О некоторых аспектах обеспечения личной и общественной безопасности полицией		80
Демидова Е.В. Деятельность специальных учреждений для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной реабилитации, Республики Татарстан		85
Усманов И.М., Шляхтин Е.П. Противодействие преступлениям экстремистского характера в сфере международного спорта в преддверии Универсиады 2013 года.....		90

Шалагин А.Е. Уголовно-правовая защита памятников истории и культуры в российской федерации	96
Ефремова М.А. Информация с ограниченным доступом как объект уголовно-правовой охраны.....	102
<u>УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, ОРД и КРИМИНАЛИСТИКА</u>	
Гайнов И.Д. История становления и развития мер уголовно-процессуального принуждения в России (XIII-XIX века).....	107
Хайдаров А.А. Предварительное и судебное следствие: проблемы соотношения.....	113
Латышов И.В. Некоторые вопросы систематизации объектов судебно-баллистической экспертизы	116
<u>ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ</u>	
Костина Л.Н. О критериях эффективности использования активных форм и методов обучения в подготовке сотрудников Госавтоинспекции.....	121
Шамсеева Г.Х., Шамсеева Г.Г. Заимствования в становлении терминосистемы права татарского языка.....	127
Кизимова И.Г. Условия развития добровольческого движения в высших учебных заведениях ...	131
<u>Международное сотрудничество</u>	
Денисов С.Ф. Органы внутренних дел Украины как субъекты противодействия молодежной преступности.....	133
Житный А.А. О проблемах уголовно-правовой охраны некоторых принципов международного права по законодательству России и Украины	138
Норберт Хонка Гражданское образование в Польше (на примере территориального самоуправления)	143
<u>Трибуна Молодым</u>	
Трефилов А.А. Судебный следователь в дореволюционной России: сравнительно-правовой аспект	148
Белов А.С. Досудебное соглашение о сотрудничестве в российском уголовном процессе: проблемы применения	155
<u>НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ</u>	
Международный научно-практический семинар «Транснациональная организованная преступность. Отмывание денег, розыск финансов и изъятие незаконной прибыли» (26-27 сентября 2012 г.)	159
Об участии в IV Всероссийский социологический конгресс «Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие» (23-25 октября 2012 г.)	161
Межведомственный круглый стол «Профилактика экстремистских проявлений среди несовершеннолетних в современных условиях" (30 ноября 2012 г.)	162
Межведомственный круглый стол «Научно-методическое обеспечение антикоррупционной деятельности» (7 декабря 2012 г.)	164
<u>К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ</u>	168

Заманская В.В.,
доктор филологических наук, профессор
(Московский психолого-социальный университет)
Самошин В.А.,
Участковый уполномоченный полиции
отдела МВД России по району
Западное Дегунино г.Москвы

ПОЛИЦЕЙСКИЙ В ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПЕДАГОГИКИ

Общество нуждается в полиции не только уличающе-наказующей, а возрождающей. Иначе в чем ее смысл? В мести, которую социум осуществляет по отношению к оступившемуся рукой правосудия? Но мы дошли в процессе «цивилизационного развития» до «высшей меры» мести, смертной казни, и не желаем распрощаться с инквизиционными привычками и стереотипами мышления.

Махатма Ганди предупредил: «Око за око – приведет к слепоте Мира». А Мир должен на путь прозрения встать. Полицейский может – и обязан! – оказаться у истоков прозрения мира и человека.

Одну из версий со-мыслия офицера российской полиции и профессора-филолога о гражданском обществе, о свободе как опасности и свободе - гаранте безопасности, о юридической педагогике как этической технологии внедрения в жизнь новых моральных императивов, о ценностях и «персонах» России строящегося гражданского общества, о единственно правильной национальной идее предлагает статья.

Наше время заострило проблему взаимной ответственности общества и полиции.

Мы граждане одной страны. Полицейский является членом нашего общества и единого Отечества. Гражданам приличествует относиться к полицейскому как к согражданину, полицейский в гражданах должен видеть соотечественников.

Мы единое целое. Если подставляем идущим строем полицейским подножки, подобно «интеллигентной» даме с облетевшей мир видеозаписи, то вместе разрушаем единое целое, общее Отечество. Отечество, которое вместе должны укреплять. Для очевидных истин не требуется изысканная интеллигентность. А совесть и ответственность за согражданина и за Отечество - залог рождения общества гражданского.

Простые истины не имеют отношения и к демагогическим всплескам на тему гражданского общества, которое, якобы, проснулось и народ на площади вывело. Что-то или кто-то другой вывели. Но не ответственность за судьбу Отечества и друг друга. И не гражданское общество.

Гражданскому обществу России предстоит создать новую «этическую инженерию». Уважение должно стать базовым этическим принципом гражданского общества, «общественным договором» нового образца.

Постмодернистская ирония деконструировала все и вся, развенчивая-разоблачая негативное, что тоталитарный режим за почти вековую историю «насоиздал». Но когда разъедающая душу и вытравливающая святое из жизни и души ирония подзадерживается, то получаем то, что за последнюю четверть века получили в России. Общество, себя не уважающее. Человека, в душе которого светлого не осталось. И перспективы прискорбные.

Деконструкции тотальным неуважением подвергли всех, от президента до мигранта. В том числе «человека с ружьем» (Н.Погодин). А не страшновато стало жить в результате деконструкций?

Господин полицейский гражданского общества новой России потребует нашего уважения. Антиполицейская истерия в стране очень скоро всех поставит под удар: устра-

нить полицию выгодно преступникам, людям с нечистой совестью и не весьма тщательно вымытыми руками. Заложниками организованной масштабной кампании окажемся мы все: оправдания и перманентные «перестройки» полиции развязывают руки преступному миру. Нам придется, и вскоре, возратить этой профессии истинное и искреннее уважение.

Полицейский - это военный мирного времени: тот же долг, риск, служба, круглосуточная опасная работа. Он невидимо находится рядом каждый обыденный мирный день. В нем хорошо бы быть уверенным больше, чем в себе. Чтобы такая уверенность появилась – а значит, уверенность в нашей жизни – предстоит научиться его уважать. И ему – нас.

Уважение - это животворящий принцип гражданского общества. Без такой нравственной основы оно не возникнет. Личное дело каждого – любить или не любить. Кого любить, кого не любить – тоже дело личное. А Уважение – дело, категория, этический принцип, мораль не личного ареала. Это дело общественное. Теперь, когда мы разучились уважать, обществу предстоит сызнова научиться воспитывать уважение в своих гражданах!

Единственная ценность во все времена и на всех континентах – человек. Пико делла Мирандола из Европейского Возрождения уточнил: уважать человека следует в его «достоинстве человека». Императив золотого правила нравственности – двадцатью пятью столетиями проверенная формула уважения.

Полиция - реальный гарант безопасности любого гражданина. Необходимость полиции человек оценивает, когда оказывается в трудной ситуации и получает помощь. До того он может критично оценивать полицию по «общепринятым» правилам и мнениям.

Полиция перестраивается соответственно новым условиям, новому статусу и предельно высоким требованиям социума. И общество должно радикально изменить отношение к полиции. Необходим диалог, взаимопомощь, обоюдная работа на единый результат.

Российская полиция должна получить возможность сосредоточиться на проблемах взаимодействия с обществом: помощи людям; воспитания граждан; педагогического и психологического сопровождения тех, кому на «пограничной черте» жизни требуется помощь, чтобы сделать правильный выбор, реализовать шанс к возрождению.

Укрупнение обязанностей полицейского новой России изменит отношение к его фигуре: «возвысит» его ответственность, функциональное и авторитетное значение в социуме, будет работать на общественное признание. Уважение к полицейскому-профессионалу дает действенные рычаги построения оптимальных отношений в гражданском обществе. Полицейский находится на пересечении коллизий и жизненных интересов социума. Он «вхож» в дом, в частную жизнь людей в силу положения и профессиональных обязанностей. Он знает жизнь изнутри.

Лучший вид помощи - это забота. Гражданское общество – общество заботящихся друг о друге людей. Если таковым не станет, гражданским оно не станет никогда.

Юридическая педагогика как технология и инструмент построения гражданского общества и есть воплощение заботы о человеке, уважение к нему, помощь оказавшемуся в беде. Полицейский работает с «творческими неудачами» различных институтов и систем общества. Часто в жизненных ситуациях, попадающих в поле зрения полиции, человек находится на пограничье, пребывает в ситуации выбора. От педагогического мастерства полицейского, индивидуальной работы, от философской широты и мудрости, гуманности сердца зависит результат: судьба человека, выбор, дальнейший путь.

Юридическая педагогика взаимодействует со школьной педагогикой, соучаствуя, сострадая, борясь за человека. Юридическая отличается от общей: общая педагогика целенаправлена на положительный результат.

Цель и специфические задачи педагогики юридической смещают акценты. Она задает направление перестройки личности для положительного выхода из критической ситуации. Систематическая работа полицейского с подопечным физически невозможна: человек уйдет в свою жизнь, продолжит ее в соответствии с жизненными приоритетами. Важно, какие приоритеты станут определяющими при исходе из кризисной ситуации. Найти болевые точки,

встревожить струны непростого внутреннего мира, мгновенно поставить «диагноз», дать толчок к прозрению – вот и вся «программа действий» полицейского.

Лишь юридическая педагогика поможет социуму ответить на вопросы за пределами компетенции педагогики общей. Без их решения трудно изменить человека, воздействовать на специфический контингент правоохранительной системы. Без понимания проблемы мы будем «сдавать» и «сдавать» сограждан в ряды «специфического контингента». В причинах и механизмах «опускания» личности на дно лишь юридическая педагогика может разобраться и общество предостеречь. Ее наблюдения и выводы – это советы общей педагогике, ибо обнаруживают пробелы, которые она оставляет.

К такой категории контингента правоохранительных органов, как «бомж», чаще принадлежат люди слабохарактерные, подверженные лени. Человек никогда не принимал на себя ответственность, остался без затянувшейся родительской опеки, не приучен работать, в ситуации «испытания на прочность» он гарантированно войдет в группу риска. Современная школа предвидит подобные плоды ее воспитания? Несет за них ответственность?

Общество в последнее время избавилось от понятия и чувства стыда: без стыда материмся, торгуем телом и честью, без стыда унижаем других. Без возвращения в общественное пользование понятия и чувства стыда ничего радикально не изменить в судьбах «творческих неудач» общей педагогики. По ступеням избавления от стыда происходит «опускание» на дно социальное и собственной беды. У такого человека изначально занижено самоуважение. Морально-интеллектуальные деформации планку самоуважения стремительно низводят до абсолютного нуля.

Но не все слабовольные, лишенные самоуважения, чувства стыда, попадают на дно. Попадают несамостоятельные: они прожили беззаботную жизнь под крылом родителей, им не досталось принимать решения самостоятельно. Страшный сигнал для слепо опекающей «родительской педагогики»! А разве главной жизненной профессии – воспитанию собственных детей – у нас кто-то где-то обучает?!

Функциональное наполнение статуса полицейского, предусмотренное Федеральным законом «О полиции», Кодексом профессиональной этики сотрудника МВД, предоставляет колоссальные возможности для перестройки личности самого полицейского.

Справедливое негодование по поводу должностных злоупотреблений и даже преступлений, случившихся в 2012 году в разных регионах России, перечеркивает самоотверженное и мужественное служение Закону и Отечеству многих тысяч российских полицейских. Справедливо ли это?

Юридическая педагогика окажется спасительным шансом и для полицейского. Она частично переакцентирует деятельность полицейского с уличающе-наказующих функций на воспитательные и «гуманизирующие» перестраивает личность самого юриста, способствует его моральному очищению. Ему чрезвычайно полезно почувствовать свое «опекунство» над оступившимся, как ни покажется на первый взгляд странным, ощутить отеческое отношение к оказавшемуся в беде человеку.

А кто он, оступившийся либо даже закон преступивший? Он в беде оказался и не понимает этого. Правоохранитель, осознавший, что ему важнее всего обязанность обществом поручена и великая власть дана первым раскрыть глаза человеку на его беду, по-иному на задачи своей профессии посмотрит и неминуемо психологически станет перестраиваться.

Забота о человеке – это путь очищения и возвышения того, кто заботится. Как знать, кому забота нужна больше: тому, о ком заботятся, или тому, кто заботится.

Гражданскому обществу необходима гуманная полиция, оно вместе с полицией обязано ее созидать. Для истинно гуманной правоохранительной системы борьба с преступностью не есть борьба с преступником. Это борьба за человека. Гуманизация природы полиции неминуемо изменит ее этические принципы. Изменится сущность ответственности. Ответственность за человека, за судьбу, которую можно спасти. Направить твоей сердечностью, мастерством, сильной и доброй волей по положительному руслу. Если спасти можно, мы обязаны спасти. Потому что мы гражданское общество. Добрая сила и добрая воля участ-

вующего в возрождении человека полицейского возвысит его самого как личность, обладающую узаконенным правом и обязанностью спасать человека!

Осознавший силу соучастия в возрождении человека поднимет ли руку на беззащитного перед его должностными правами? Поднявшего судить всем миром следует. Не в традициях национальных и не в ментальности нашей, веками складывавшейся, унижать и добивать слабого. Врагов умели и прощать, и уважать наши предки!

А заблудившийся в жизни враг ли нам? Если полицейский так его воспринимает, то и борется с ним, как с врагом. Страшная аберрация зрения, жестокая профессиональная и человеческая ошибка! Ее правоохранительным органам не исправить в одиночку.

Только всем миром, лишь – «соборно»! Возродив гуманные истоки морали, национального менталитета, поучительно-трагической многовековой истории. Страстно возжелав всем миром видеть в лице полицейского, военного – защитника! Мы будем иметь такого полицейского рядом, какого захотим иметь. Если изменим наше отношение с тотально-критического на позитивно-созидающее. Он не враг нам. Он – наш. Он наш защитник!

Российская полиция создала мощные по потенциалу инструменты собственной перестройки. Закон «О полиции», Кодекс профессиональной этики сотрудника МВД полезно всем миром прочесть, обсудить и усвоить. А как они «заработают» и какие плоды дадут? «Этическая инженерия» гипотезы рождает. В деяния и в плоды их народ превращает. Или – не превращает...

Российская полиция эпохи демократии по-русски

В Советском Союзе численный состав милиции был значительно меньше, чем в современной России, в Москве – примерно в два раза. Жить было безопаснее. Полиция работает хуже – менее ответственно, менее профессионально? Или изменилась обстановка в обществе?

Каждое время имеет визитную карточку. Эпоха Петра, век Екатерины, но еще и – Время Ломоносова, Державина, «последнего летописца и первого российского историка» Н.М.Карамзина. Век Пушкина, Достоевского, Толстого. На визитных карточках тех Времен – имена Творцов Культуры. Век победившего пролетариата, век возобладавшего бунта, в русском варианте всегда «бессмысленного и жестокого», завершился «безымянно»: имен масштаба прежних столетий на скрижали не вписал. А потом век сжигал своих будущих гениев на кострах революций, мировых, локальных, идеологических войн, морил в лагерях. Наше время тоже имеет реальную возможность войти в историю своей «визитной карточкой». Весьма оригинальной.

По сравнению с эпохой тоталитарного советского устройства в новой демократической России пришлось почти в два раза увеличить численный состав Российской полиции. Пока в два раза. Демократия по-русски рискует превратить «свободную» Россию в полицейское государство. От «гражданского общества», в коем мы, якобы, уже живем, один шаг до полицейского государства?

У общества есть альтернативы? Спрос рождает предложение. Массовая преступность в «модернизированных» формах в условиях деидеологизации, деполитизации, деморализации общества любого президента и любое правительство поставит перед необходимостью множить ряды защитников. Защита безопасности граждан - задача № 1 для Президента, который является гарантом Конституции, гарантирующей гражданам право на жизнь. Если такого права общество и каждый в нем лишены, все прочие права имеют смысл? Демократия по-русски, делая всех нас заложниками преступности, вынуждает руководство увеличивать ряды полиции. Интересная какая-то демократия в нашем национальном варианте получается.

Возможно, «гражданское общество» наше не только не живет пока в условиях демократии, но пока не удосужилось даже приступить к ее построению? Тогда все сходится, и вопросов к «правозащитно» мыслящему нашему электорату больше нет. Кроме защиты прав

секс-меньшинств, нам, действительно, заниматься уже нечем, нас больше уже ничто не тревожит.

Странно, правда, что в нашем «гражданском обществе», в условиях победившей демократии и, наконец, достигнутой деидеологизации полиция приняла на себя столь бесчисленное количество функций. Фактически, те функции, которые прежде для поддержания всей «вертикали» общества в жизнеспособном и жизнедеятельном состоянии выполняли КПСС, ВЛКСМ, пионерская и октябрятская структуры с прекрасно отлаженными и традициями освященными «методологиями и методиками воспитания» (не станем давать оценку им, как не станем и оплакивать расставание с ними!), наше общество теперь добровольно возложило на полицию, которая отнюдь не добровольно вынуждена их исполнять. Свято место пусто не бывает. Средняя школа теперь лишь за «образование» отвечает, за воспитание – ни-ни, не ее «приоритеты».

Новое, «свободное», демократическое, гражданское общество, таким образом, рискует остаться один на один с «модернизированным» преступным миром, если и полиция в ее увеличившемся составе перестанет выполнять свои прямые обязанности: устранение идеологической вертикали не устранило, а лишь многократно заострило проблему безопасности. Но и воспитательные функции в обществе мы охотно возложили на участкового уполномоченного полиции, например, и не только на него одного: есть еще ПДН, ППС, ОМОН и мн.др. Вполне ли мы понимаем, что мы «здесь и сейчас», перелагая родительские, школьные, вузовские функции воспитания на полицию, ежедневно и усердно строим «светлое будущее» новой России – полицейское государство? Если понимаем, значит, нас это устраивает?

Что остается делать полиции в «обновленных» деидеологизированном обществе условиях?

Во-первых, перестраиваться. Хорошо, если реформы полиции дадут положительные результаты ранее, чем ощутит свою непобедимость, на фоне постоянных оправданий и систематических «перестроек» полиции, преступный мир.

Во-вторых, слабо, но отбиваться от нападков небезосновательных: в последнее время было немало поводов дано отдельными лицами в полицейской форме для абсолютно справедливого гнева общества. Но ведь случаи должностных преступлений отдельных «оборотней в погонах» не должны перечеркивать самоотверженное служение народу абсолютного большинства воинов мирного времени? Полиция оказалась в центре общественного внимания, и лишь ленивый сегодня не скажет обличительных слов в адрес полиции. Вместо того чтобы помогать полиции, строить ее вместе с самой полицией, если мы гражданское общество.

Есть и в-третьих. Трудно ли догадаться, что современная полиция – это мы? Это зеркало, которое несколько укрупненно отражает нас самих. Это чуть заостренная, но оттого еще более точная, картина нашего «гражданского общества» в современном варианте. Не с небес ведь те «орлы», что «героически», едва дорвавшись до погон, свалились. Нет, это пришли в современную полицию плоды нашего, уже вполне деидеологизированного, деполитизированного и деморализованного общества. Это как раз первое поколение года рождения перестройки. Бывший глава МВД Татарстана, анализируя трагедию в казанском «Дальнем», подчеркнул: они другие. А мы, вина во всем полицию, об этом не догадываемся? По воспитанию – нашему «воспитанию»! – и плоды. Счастье незаслуженное для нас, что большинство – плоды иного качества. И станем надеяться, что концепция юридической педагогики, которую мы разрабатываем, превратится в способ диалога с такими «другими».

Одно из рабочих названий этой статьи было почти «по Блоку»: «Интеллигенция и полиция». Станным образом проблемы полиции эпохи демократии по-русски связаны с проблемой русской интеллигенции эпохи той же демократии!

Интеллигенция, более чем иные слои общества, располагает интеллектуальным потенциалом, чтобы ситуацию правильно понять, оценить, проанализировать и предложить конструктивные способы ее совершенствования.

Что российская интеллигенция эпохи демократии по-русски?

Вполне оправдывает свой высокий интеллектуальный уровень. Она остроумничает, блестяще упражняется в иронии, просто умничает. То по-быковски, то по-акунински это хорошо у нее получается.

Чего не хватает нашей интеллигенции? Ответственности. За Отечество. За народ. За собственную жизнь. За талант. Возможно, не хватает любви к России. Возможно, излишествуют романтические умонастроения, русским свойственные. Возможно, излишествует склонность к самолюбованию. Во всех случаях, не деловые соображения. Не трезвенность разума и взгляда.

О Бунине Горький сказал как-то: «Его талант, как матовое стекло, отточить бы до блеска стали да ткнуть им куда надо». Век прошел с тех слов. Талант русского интеллигента – так же мерцает. Когда же заблестит? На гранях новой России? России демократической? России гражданского общества? Но все это еще создать предстоит. Хорошо бы, с участием интеллигенции.

Достойно ли могучего творческого потенциала российской интеллигенции некое праздное-«контрольное» гуляние по бульварам? Не маловато ли для полноты творческого самовыражения? Бульварное кольцо для прогулок прекрасно, спору нет. Но так невелико расстояние от кольца бульваров до круга. До очередного замкнутого круга истории. Доколе нашей с вами Родине по замкнутым кругам невыученных нами исторических уроков ходить? Пока не дождемся Того, Кто нас осчастливит? Кто Он, Тот, если это не мы, гражданское общество России, все вместе и каждый в отдельности? И хорошо ли помним, что потехе час, а время – делу? Время нашего труда для нашего счастья настало, гражданское общество России.

По возвращении Страдалец века минувшего Солженицын всех нас спросил: «Как нам обустроить Россию?». Надеялся – вместе думать станем, обустраивать будем вместе. Вот и его уже сколько лет нет. А мы так на его вопрос и не ответили. Ворчим недовольно, злословим желчно, сплетничаем (прекрасное применение много могущему Интернету нашли, лучше не придумаешь!). И еще в «битвах тысячелетия» по типу «стенка на стенку» физически или пропагандистски принимаем участие.

Интеллигенции ли не понять, что стенка на стенку – гарантированный тупик для обеих стенок? И в роли одной из «стенок» мы вынуждаем сегодня оказаться полицию. А кто же другой остановит шквал негатива, в раздувании коего охотно участвует интеллигенция? Вот так они и связаны горько, почти «по-блоковски», полиция и интеллигенция. У Блока масштабнее было, правда – «Интеллигенция и революция». Но и у нас еще не все потеряно. Из искры, как известно, разгорается пламя. Но интеллигенции ли не помнить, что идеологическое обеспечение бунтов по-русски с реками крови человеческой впоследствии чаще принимала именно она? Интеллигенции ли не помнить знаменитую «историческую триаду»: утопия – революция – антиутопия? Иных сценариев на заданную тему история не предложила. Так что, на всякий случай, от утопий, которые всегда «беременные» последующими антиутопиями, подальше. Поближе – к созиданию, которому талант культурного человека ох как пригодится.

Культурный человек сеет вокруг себя мир и добро. От некультурного он тем и отличается. Народ вразумил: сила есть – ума не надо. Интеллигенция сильна умом. Вопрос лишь в том, на что он направлен?

Сейчас он продуцирует, как гласит пропагандистский пиар нового образца, оппозиционные умонастроения. Но оппозиция – это иная, противоположная, альтернативная, оспаривающая существующую позицию. Ее, если она появится, сограждане услышат. В их интеллекте, а еще и совести, сомневаться не стоит, недооценивать их не следует. Ирония и ерничанье – позиция? Хвала народу нашему трезвомыслящему, что такую «оппозицию» он не слышит и слышать не желает.

Позиции рождаются не из злобы. Они рождаются из доброго отношения – к Отечеству, народу, Другому.

Озлобленность и талант - две вещи несовместные. Это знал Гений Толстой, даже когда «не мог молчать». Этот тест не прошел, увы, горячо любимый Бунин в «Окаянных днях», по-человечески стократно понятый и оправданный, но так и не возвысивший поразительной силы талант свой до гения русского, увы. Зло писатель себе позволить не может, иной природы оно, нежели талант. Писателем он будет. Гением – никогда. Опытным путем этот тест на гениальность, говорят, Сальери проверить пробовал. Гением в Века вошел Моцарт.

«Зло и гений – две вещи несовместные». Талант и зло две вещи несовместные. Странная это вещь – талант: лишь на добре разгорается, сколько в огонь зла масла ни подливай.

Чтобы Россия вынужденно не стала полицейским государством – и такой вариант демократии по-русски, и подобная модель гражданского общества в русской интерпретации сегодня не исключены! – надо, чтобы интеллигенция от раздувания костра зла к очагу добра немедленно перешла. Потом поздно будет. И в ответе за очередной плохо усвоенный исторический урок лишь интеллигенция окажется.

«Как нам обустроить Россию?». Культурный человек вокруг себя мир и добро сеет. Если каждый культурный человек станет сегодня сеять вокруг себя лишь добро и мир, нынешняя «демократия по-русски» неминуемо превратится в свободное демократическое Отечество свободных талантливых людей. И подарит миру – Русских Гениев!

А когда стенка на стенку, именно они погибают первыми. Гений – явление очень хрупкое. И встречается один раз за много-много лет. Неужели и наши годы их истребят? И лишь тем мы войдем в историю?

И еще визитную карточку истории предъявим весьма оригинальную. Станем для истории временем, когда численность российской полиции по сравнению с советским периодом пришлось увеличить вдвое. Пока – вдвое. По-другому на пике цивилизации, во втором десятилетии третьего тысячелетия от Рождества Христова, с демократией по-русски было не совладать.

Цена человеческой жизни как предмет юридической педагогики и как национальная идея

Ничего невозможно изменить в мире, где цена человеческой жизни утрачена. Обесценена жизнь Другого и собственная, снижен порог тревожности и ответственности за жизнь. Это параметры больного мира, иррационального сознания, неадекватной психики. Это общий диагноз обитателей нашего времени. Имеют ли смысл «проекты» и «модернизации», если мы не создадим экологию человеческой жизни?

«Сущности бытия» открываются в пограничных ситуациях. В них постигает жизнь юрист. На изломе человеческой судьбы. На переломе между прошлым и будущим, которого может не оказаться. На кромке между нормой и аномалией, моралью и аморальностью. Часто – между жизнью и смертью.

Юридическая педагогика имеет дело с буквальными смыслами проблемы, которая является всеобщей «точкой притяжения»: цена человеческой жизни. Поднявший руку на жизнь другого своеобразное представление о ней имеет. Знающий ей адекватную цену на жизнь другого не посягнет. «Не убий» не потому, что это смертный грех, а потому, что жизнь человека - высшая святыня. Нормальные люди на святыню руку не поднимают.

В подмосковных Химках из ревности и мести мужу мать выбросила с балкона двух сыновей. Чуда не случилось: погибли оба. Так было прервано чудо человеческой жизни той, которая эту жизнь на свет произвела. Это цена человеческой жизни в современном измерении.

Питали ли собственными детьми свои страсти каннибалы в необозримой древности? Мы обитаем на заре третьего тысячелетия. Ницше это время предвидел: «Бог мертв. Все позволено». В дремучей древности богов языческих не изобрели, но что-то останавливало перед поеданием собственного плода. Инстинкты?

Утрата их есть сигнал к тому, что «межевые знаки» нравственности преодолены. Нас ничто не удерживает перед всеобщим падением в бездну, которая открывается за утратой цены человеческой жизни? Ни материнский, ни инстинкт самосохранения? Тогда можно быть спокойным: лететь осталось недолго. Утешает, что летим все вместе.

Это пограничная ситуация, но не в судьбе индивида, коему разум может вдруг изменить. Это пограничная ситуация современного мира. На кромке отвесной скалы действует сегодня полицейский. Работая с наркоманами, с самоубийцами по «модным» суицидальным сценариям. Работая с бесконечностью мира, в коем человеческая жизнь ничего не значит. Из пограничной ситуации ему «сущности бытия» открываются. Нашего бытия.

Ему немного изменить удастся. Может быть, чью-то летящую в бездну руку схватить успеет. Аналогичный исход гарантирован для благих намерений президентов и правительств всех стран. Если даже они волшебным захотят договориться, споткнутся о единый камень. Любая деятельность абсурдна в мире абсурда, в коем не существует цены человеческой жизни!

Цена человеческой жизни должна стать предметом и магистральной идеей юридической педагогики. Развиваясь как наука и практика, она даст ответы на вопросы, которые прежде не осмысливались на должном уровне. О причинах утраты цены человеческой жизни индивидом, социумом, миром, в том числе.

Нам достался «больной» век. «Мир без Бога», осчастливив человека свободой, отдал его на волю «психической преисподней» (К.Юнг), обрек на отчуждение от Бога, Природы, Другого, себя. Неосознанно и постепенно человек утратил хорошее, заложенное традициями, ментальностью, генотипом. Взамен получил страшный симбиоз разрушительных для него и мира «увлечений». Они стали эмблемой его свободы, образа жизни. Дорогой в никуда.

Безжалостная болезнь современного мира – наркомания. Россия, не отказавшись от алкоголизма, впадает в наркозависимость. Болезнь стремительно молодеет. Правомерен вопрос: справится ли страна с засильем двух «искушений»? Как мы планируем справиться? Не пребываем ли в коллективной иллюзии, что все благополучно? Пока идут сериалы – благополучно.

Наша страна ныне один из «благоприятных» регионов для «приручения» наркотическим зельем огромного числа потенциальных потребителей мирового наркобизнеса. Коррупционные «защиты» и лоббирования, пробелы в законодательстве и на отдельных участках границы привели к тому, что наркотики вошли в жизнь как обычный, повседневный, не вызывающий удивления товар! В наркоторговле и наркопотреблении наблюдается самое откровенное презрение к человеческой жизни. Здесь ее не ценит никто! Наркоман не ценит свою жизнь: он знает, что жизнь обрывается в один миг от передозировки. Это новая игра на «остроту чувств»? «Есть упоение в бою у самой бездны на краю» в современном варианте? Наркоторговец не ценит ничью жизнь. Еще один вариант «упоения ... у самой бездны на краю»?

«Брендовой» болезнью времени стал суицид. За последние десять лет суицид подростковый возрос втрое. Самоубийство – явление сугубо «человеческое». Оно присуще лишь человеку, который не ценит свою жизнь! Причины подросткового суицида: месть, депрессия, чувство вины, ощущение безнадежности, ритуальные, «подражательные» акты, «модные» субкультурные, сектантские самоубийства. Почти массовый детский суицид (скорее в качестве пропаганды, нежели в целях борьбы с болезнью, тиражируемый СМИ) отражает небрежное отношение к человеческой жизни, которое царит во взрослом мире. Значит, за детский суицид ответственность несут взрослые!

«Укорененный» в российских традициях алкоголизм перестал быть болезнью индивидов. Это грозная социальная болезнь: она разрушает семьи, снижает продолжительность человеческой жизни, блокирует интеллектуальный рост общества, возвращает бескультурье нации, препятствует должному воспитанию детей, стимулирует рост преступности. Излечима ли тотальная болезнь? При нашем тотальном спокойствии и безразличии вряд ли.

Таковы «пограничные состояния» общества, по коим можно объективно «вычислить» реальную цену человеческой жизни. Если картину дорисовать локальными войнами, привычными к концу второго тысячелетия, терроризмом, тоже уже не «волнительным», то наша аксиологическая шкала цены человеческой жизни окажется странноватой: она не ушла окончательно в «зазеркалье», но и не на земле обитает. Человек перестал дорожить собственной жизнью! Он перестал страшиться смерти! Нормальному сознанию эти симптомы не свойственны даже с учетом механизмов «влечения к смерти», сто лет назад вскрытых и описанных З.Фрейдом. Аномальное стало нормой и в области самоидентификации. Прав английский экзистенциальный психиатр Р.Лейнг: парадигма всеобщей шизофренизации налицо?

Тотальной деконструкции незрелым демократическим мышлением, сформированным постмодернистской иронией, мы подвергли все, не отдавая себе отчета в последствиях. Сокрушительный удар пришелся на главную ценность каждого – цену человеческой жизни.

Констатируя болезни современного мира и индивида, общество видит верхушку айсберга, пренебрегая подводной частью. «Болезни века» страшны разрушительными перспективами. У нас нет адекватной картины деструктивных процессов. Эмоции и общественные «всплески» не в счет, они не врачуют. Мы преступно спокойно запускаем болезнь. Запущенные болезни мстят. Часто – летальным исходом.

Социальное познание и юридическая педагогика, подающие сигналы «от противного», от негативных результатов социальной практики, обнаруживают пределы разрушения, тупики эволюции, если общество не скорректирует моральные принципы. К прогнозам юридической педагогики, «опытной площадки» социального познания, стоит прислушаться своевременно, потом будет поздно. Ныне юридическая педагогика тревожно сигнализирует о кричащей проблеме: цена человеческой жизни.

Цена человеческой жизни – единственная интегрирующая идея, способная объединить всех, если поставить ее разъяснение и пропаганду на должный уровень.

Цена человеческой жизни – лучший по всем параметрам тест. Он беспристрастно выявляет психическую адекватность, человеческую зрелость, гуманность, активную гражданскую позицию индивида и социума, любой политической платформы.

Мы боремся за экологию природы, философствуем об «экологии души». Но имеют ли смысл все «локальные» экологии, если нет экологии человеческой жизни в ее экзистенциальном смысле? Лишь экология сохранности жизни общества и каждого индивида обеспечит реальное продолжение жизни на земле! Она предполагает коренное изменение самоосознания человека, которому дан свыше дар недлительного пребывания в земном бытии.

Каждый человек – мир неповторимый и бесценный. Нет на земле ценностей выше, чем мир человеческой личности. Нет более страшного преступления перед Богом, чем уничтожить человека. Каждый из нас – уникальный канал, предназначенный Господом для откровения Его тайны о бытии. Нам всем надо понять это о себе и Другом, и многие вопросы разом разрешатся!

Сегодня свидетелями и участниками тотального преступления обесценивания человеческой жизни являемся все мы. При нашем деянии, молчаливом согласии, правовом неведении и бессилии, при непробиваемом «пофигизме» мало-помалу на пике цветущей цивилизации, на недостижимой вершине технического прогресса самой «малостоящей вещью» стала человеческая жизнь. Изысканный каламбур истории и безжалостных законов цивилизации: нет цены человеческой жизни, потому что она ничего не стоит к началу третьего тысячелетия!

Свежи в памяти незатухающие дискуссии о национальной идее: ее беспокойные интеллектуалы 90-х в истории искали, пытались изобрести. Сегодня спал градус дискуссий, поухлятя тяга к сенсационности, пришло время нашего трезвения. Истины сами собой проявляются. Национальная идея наша, всего человечества, каждого конкретного человека высвечивается до абсурдности просто. *Цена человеческой жизни.*

Цена человеческой жизни, обесцененная прогрессом до первобытной дикости, в коей предок не мог осознать ее, не выделив себя ни из космоса, ни из хаоса первобытия. А прошедшие тысячелетия «эволюции» ради чего прошли? Чтобы вернуть нас к тому, с чего все начиналось?

Цена человеческой жизни, униженная и попранная так, что мы не люди, а «мясо», то бросаемое очередной харизматической личностью на баррикады очередных битв, то обнажаемое до непозволительной для того, чтобы оставаться женщиной, откровенности на очередном конкурсе красоты.

Цена человеческой жизни, которую в эмбриональном состоянии можно разобрать на составляющие. А потом *из жизни* успешно создадут эффективный медицинский препарат те, кто клятву Гиппократу давал, для омоложения другого *человека*. Он именует себя на языке цивилизованного общения леди, джентльменом (миссис, мисс, сэр, госпожа, господин, сударыня, сударь).

Цена человеческой жизни, на которой можно заработать, если стравить приличной партией наркотиков. Мало ли чем ее можно стравить за хорошие «бабки», и травим!

Цена человеческой жизни, обесценивание коей развязало руки нескончаемым батальонам террористов. Сколько можно в утопию победы сладостно верить, если не восстановим во всем человечестве и в сознании каждого коренное, главное, сущностное, *нормальное* отношение к человеку. Всего лишь *нормальное отношение* к единственному, неповторимому, незаменимому человеку. Единственной «неразменной монете» нашей жизни! Все можно повторить, заменить, подменить на худой случай. Уникальное со-творение Бога и человеческой культуры – человека! – никто никогда не заменит, не повторит, не «клонировать» как богочеловеческое творение. Сегодня мы все в равной мере ответственны за него.

Цена человеческой жизни. Ее надо возрождать, спасать, разъяснять, пропагандировать! Ее, а не очередную тушу для ресниц, которая усовершенствует наше красивое от природы «мясо» для очередного секс-аукциона.

Пропагандировать значит доводить до сознания всех и каждого простейшую из национальных идей: все будет на свете, пока есть человек. Когда его нет, нет ничего.

Земля без человека – пустыня. Без цели, без смысла, без жизни. В пустыне, пора догадаться, ни денег, ни рейтингов, ни славы, ни аплодисментов не заработаешь. Некому будет голосовать и аплодировать. Это главный урок, который полезно усвоить современной политике, бизнесу, культуре. Дабы в цивилизационно-чванливую гордыню не впасть, от которой как раз меньше шага до дикости.

ДЕВИАНТНОСТЬ И ПРЕСТУПНОСТЬ В HIGH-TECH – ИЗМЕРЕНИИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО КАПИТАЛИЗМА

Преступность не стоит на месте. Существующие модели постоянно видоизменяются и совершенствуются...
Ж.Беннет

В статье рассматривается логика развития современного информационного, потребительского общества, ориентирующегося на императив виртуализации социально-криминальной реальности и ее дальнейшее отчуждение в технологическом пространстве. В этой связи автор показывает новые формы мошенничества и иных преступлений в эпоху НИТЕСН, раскрывает типы новых девиантов от компьютерной революции.

Беглый взгляд на социальную историю показывает, что современный человек живет в эпоху ошеломляющих социальных изменений: крах биполярного мира, распад государств, глобализация, перенаселение, рост социального неравенства, разрыв в развитии между странами «золотого миллиарда» и всем остальным миром, формирование новых информационных технологий и коммуникационных систем, рост глобальных рисков (ядерная угроза, религиозный экстремизм и терроризм, экологические катаклизмы и многое другое).

П.Штомка определяет социальные изменения как «необратимые перемены социальной системы, рассматриваемой как целостность»[1, с.19-44]. Социальные изменения возникают в том числе и благодаря инновационной деятельности людей, которая складывается из отдельных сознательно или несознательно сопряженных социальных действий и взаимодействий в поисках или по результатам новых технических или технологических решений. За открытием и внедрением новой техники или технологии (колесо, печатный станок, паровая тяга, компьютер, сотовая связь и т.п.) следует социальный прогресс. Вместе с тем инновации в технике и технологиях создают не только прогрессивные изменения, но и порождают сложные социальные проблемы. В частности, возникают новые девиации и растут масштабы уже существующих, таких как: преступность, коррупция, алкоголизм, наркотизм, проституция, торговля людьми и человеческими органами.

Функционалист Д.Белл, исходя из технологического детерминизма, ввел в научный оборот понятие «постиндустриальное общество», которое складывается в наиболее промышленно развитых странах, где в связи с развитием научно-технической революции происходят крупные технологические и социальные преобразования; доминирует не производство, а сфера обслуживания и маркетинга (информационное, техническое, туристическое, научное обслуживание). Так, США достигли постиндустриального уровня развития к 1960 году, поскольку в сфере услуг в этот период было занято не менее 50% работающего населения. Многие западноевропейские страны перешли на постиндустриальный уровень развития в 80-90-е годы XX века.

Постиндустриальное общество способно производить как аграрную, так и промышленную продукцию, намного превышающую собственные потребности с минимальным использованием соответствующей занятости и ручного труда. Доля занятых в производственном секторе реально снижается до 30%. При этом продолжительность рабочего дня работников в развитых странах составляет в среднем по 6-8 часов в день при 4-5 дневной рабочей неделе. Люди все меньше работают и все больше потребляют. Стремительный рост массового потребления товаров и услуг в постиндустриальную эпоху порождает повседневную философию консюмеризма как систему доминирующих идей и ценностей потребительского поведения.

К.Гелбрейт, А.Тоффлер, У.Ростоу, Ж.Бодрийяр обосновывают концепт «общество потребления», поскольку очевидными стали потребительские сдвиги в массовом сознании и поведении людей в постиндустриальных странах. Сегодня и Россия переживает потребительский бум, что еще 15-20 лет назад было трудно представить. При этом особенно заметны перемены, вызванные технологическими нововведениями и, прежде всего, тем, что практически любой индивид сегодня имеет компь-

ютер, доступ в Интернет и пользуется сотовой связью. Высокотехнологичные гаджеты и информационные ресурсы стали объектами активного и массового потребления россиян.

Однако эти перемены сформировали не только новые ценности и нормы потребительского поведения, но и релятивизировали и транспонировали некоторые ценности индустриальной эпохи: в обществе потребления стало приветствоваться то, что осуждалось в пору индустриального капитализма. Произошла определенная нормализация девиантности. Неслучайно Н.Луман и У.Бек, описывая постиндустриальную современность, использовали категорию *«общество риска»*. Это общество, в котором развиты производство, потребление, технологии, обеспечена экономическая эффективность. Однако рост благосостояния сопровождается напряжением и рисками на рынке труда (сокращаются рабочие места, необходимо постоянно менять профессии), в сфере экологии (загрязняется окружающая среда), в сфере социального контроля над девиантностью (размываются нормы, дифференцируется девиантность, растет армия девиантов). Причем в обществе потребления страховаться от количественного и качественного возрастания рисков становится все сложнее.

М.Фуко сосредоточился на анализе роли дисциплинарных институтов (бюрократии, формального социального контроля) в обществе потребления и определил его современное состояние как *«дисциплинарное»*, где власть имущие поддерживают порядок с помощью институтов формального социального контроля и принуждения, *«административного ресурса»*. Все это основательно отчуждает индивида от общества и государства, способствуя девиантации социума. Криминологи (Т.Матисен, Н.Кристи, Я.Гишинский и др.) - теоретики социального контроля ставят роковой диагноз дисциплинарному обществу массового потребления, обозначая его метафорой кризис *«наказания»* или полицейского контроля [2].

С развитием компьютерной революции, новых систем связи, с созданием *«мировой паутины»* стало реальностью массовое потребление людьми современных информационно-телекоммуникационных услуг и технологий для обработки и передачи данных, знаний, а также сетевых товаров. По оценке экономиста Д.Койл, доля высокотехнологичных сетевых товаров в общем объеме экономики постоянно растет, особенно в таких отраслях, как массовые коммуникации, сфера развлечения и финансов [3,с.156]. Как известно, в начале индустриальной эры 90% производства обеспечивало 100 % продукции, тогда как в информационном веке 3% производителей создают 100 % товаров и услуг. Сервисно-ориентированный социум потребления в условиях глобализации стал, по терминологии И.Масуды, *«информационным обществом»*. Информация приобрела качество ключевого ресурса новейшего времени, сравнимого с такими природными ресурсами, как нефть, газ, уголь, золото.

Информатизация общества спровоцировала процесс его дальнейшей девиантации. Процесс, что называется, пошел еще дальше и глубже, поскольку сложилась и стала распространяться логика виртуализации социальной реальности. Иначе говоря, происходит замещение социальных практик образами-симуляциями сначала в кибер-пространстве Интернета, а затем и во всех сферах деятельности (политике, экономике, сфере культуры, социализации и социального контроля). Действительно, следуя логике виртуализации, на современном рынке перед потребителем конкурируют бренды, а не реальные свойства товара; в политике потребитель политических услуг выбирает образ политика, а не его реальные практики; в киберпространстве сети Интернет хакеры воруют не реальные банкноты, а их виртуальные аналоги. Девиантность и преступность перешагнули из социальной реальности в реальность виртуальную. Причем совокупный ущерб от сетевых кибер-преступников только в Германии составил за 2010 год, по оценкам полиции, 61,5 млн евро[4,с.276].

По мысли Д.В.Иванова, вследствие виртуализации информационного общества на этапе постмодерна стал формироваться современный глэм-капитализм [5]. Глэм-капиталисты не живут по заповедям индустриального общества. Они в каждом новом проекте капитализируют броские образы гламура, превращая их в новый технологичный источник баснословных доходов. Сверхновые буржуа, или *«бобосы»*, как только источник дохода теряет максимальную отдачу, тотчас переходят к другому перспективному глэм-проекту. Эти новые капиталисты как правообладатели изобретений, бизнес-идей, текстов, музыки, контролируя самые притягательные бренды, быстро сколачивают состояния. Их бизнес – создание продукта, привлекательного для лидеров консьюмеризма. Они ориентируются на *«потогонное»* потребление, а не на трудовую этику традиционных буржуа, описанную

М.Вебером. Отсюда, глэм-капиталисты – лучше других занимаются «созидательным разрушением», ниспровергая социальные нормы индустриального общества.

В постиндустриальном, потребительском, дисциплинарном, информационном обществе, переходящем, следуя логике информационно-технологического детерминизма и виртуализации, в глэм-капитализм, девиантность стала не только трудно отличимой от нормативности, но и трудно контролируемой формой социального бытия. Новая эпоха постоянно синтезирует и воспроизводит новые, в том числе информационно-технологически обусловленные практики социальных отклонений. Неслучайно ряд зарубежных и отечественных девиантологов (С.Спитсер, Д.Доунс, П.Рок, Ф.Шмаллегер, Г.Барак, Я.Костюковский и др.) исследуют метаморфозы девиантности, разрабатывая, в том числе, проблематику преступности, связанную с развитием HIGH-TECH.

Анализ зарубежных и отечественных источников позволяет сделать ряд следующих обобщений:

1. Девиации и преступления широко распространились в информационной сфере. Незаконный доступ к информации – легкий путь к обогащению и недобросовестной конкуренции при использовании патентов на новые продукты, на химический состав инновационных и эффективных лекарств, на корпоративные маркетинговые стратегии и бренды, на финансовые ресурсы корпораций. Девиантность в информационной сфере приобретает все более изощренные и слабо контролируемые формы. Достаточно сказать, что в Европе каждый десятый покупатель в целях экономии на лекарственных препаратах пользуется интернет-магазинами, где каждые 9 из 10 разрекламированных лекарств являются подделками. Этот результат – явное следствие незаконного доступа преступников к конфиденциальной информации фармацевтических компаний.

2. Похищение программных продуктов. Использование несанкционированного доступа к базам данных и серверам компаний разработчиков программных продуктов и аппаратных гаджетов – еще один путь к девиантности и нелегальному обогащению. Широко известно, что в одной из компаний Силиконовой долины, специализирующейся на разработке операционных систем, программист взломал защиту, используя номера телефонов, введенные в компьютер. Программа, скопированная злоумышленником, обошлась компании в несколько миллионов долларов. Реализация ее «пиратских» копий нанесла огромный урон разработчикам и законным владельцам программного продукта.

3. Похищение конфиденциальной информации. Девиации с использованием девайсов (сканеров и декодеров), разработанных по военным заказам для сканирования электромагнитного излучения, могут практически на любом расстоянии от компьютера снимать информацию при обработке и чтении цифровых данных. Этим не преминули воспользоваться девианты от хайтека.

4. Уничтожение или изменение приватных или конфиденциальных корпоративных данных с целью компьютерного хулиганства. Некоторые девианты-хакеры преднамеренно уничтожают или изменяют данные в персональных компьютерах, в информационных сетях своей компании или в компаниях-конкурентах. Как известно, первый прецедент по заражению компьютера бывшего работодателя вредоносной программой (вирусом) был создан в 1988 году американцем Дональдом Барлесом с целью «насолить» своему бывшему боссу. Создание и распространение разрушительных компьютерных программ-вирусов («червей», макро- или полиморфных вирусов) получило массовое распространение, в том числе среди молодых людей.

5. Деятельность хакеров послужила толчком для бурного развития компьютерной преступности. По оценкам аудиторской фирмы Ernst & Young, стоимость компьютерных преступлений в такой высокотехнологичной стране, как США, составила только в 1996 году от \$ 3 млрд до 5 млрд долларов в год. Впрочем, реальные финансовые потери бизнеса от преступников в мире компьютеров существенно далеки от экспертных данных.

6. Несанкционированное копирование и тиражирование программных продуктов. Как свидетельствует отчет компании Software Publishing Association (SPA), глобальные потери от компьютерного пиратства в том же году составили 11,2 млрд долларов, поскольку на мировом рынке программных продуктов почти каждая вторая разработка является пиратской копией. Некоторые развивающиеся страны имеют особенно высокий уровень незаконного использования. Так, например, из всех компьютерных программ, используемых во Вьетнаме, 99% скопированы

незаконно.

7. Телефонный фрикинг как форма незаконного доступа к телефону практикуется уже несколько десятков лет. С развитием сотовой связи этот вид девиации получил массовое распространение, включая кражу или нелегальное использование сим-карт сотовых телефонов вызываемых абонентов и кодов доступа с целью обогащения за чужой счет. В настоящее время на первый план выходят взломы голосовой почты. Частные голосовые почтовые ящики, используемые для хранения вербальных сообщений, стали объектами преступной деятельности молодых фрикеров.

8. Девиантная киберпанк-субкультура хакеров и фрикеров. Компьютерные преступления и хулиганства совершаются в виртуальной реальности киберпространства, которое конструируют информационные HIGH-TECH технологии и психология человека, взаимодействуя в электронной сети. Киберпространство - это место, где компьютеры и человеческие существа сосуществуют и взаимодействуют друг с другом, удовлетворяя потребность в симуляциях реального мира, которые активно стимулируют своими сверхпотребительскими проектами глэм-капиталисты. Виртуальная среда дает возможность бесконечных анонимных межличностных контактов, ролевых игр, общения, наслаждений и сделок. Рост числа пользователей сети Интернет, разделяющих ценности девиантной киберпанк-субкультуры, формирует в условиях релятивизации базовых норм индустриального капитализма тенденцию увеличения количества компьютерных девиаций и преступлений. Среди них: воровство и пиратское тиражирование компьютерных программ, бесплатные междугородные телефонные переговоры, несанкционированный доступ к компьютерам, мошенничество с кредитными картами (денежные авансы и несанкционированные закупки товаров), создание и тиражирование компьютерных вирусов.

9. В кибер-пространстве Интернета в XXI веке получили широкое распространение электронные платежи виртуальными деньгами, существующими в виде битов на компьютерах сервис-провайдеров банков. Взлом защиты компьютера снабжает хакеров информацией, которая помогает быстро и легко отправлять большие суммы денег в любую точку мира. Несмотря на многомиллиардные «электронные» сделки, происходящие каждый день в мире бизнеса, не существует точных данных в отношении убытков, понесенных в таких операциях компаниями и частными лицами. Они отсутствуют из-за того, что высокотехнологичный уровень преступников настолько эффективен, что не позволяет даже установить момент утечки денежных сумм или их размер.

10. Девиантологи считают совокупность компьютерных преступлений хакеров новой формой преступности «белых воротничков». Действительно, их объединяет то, что:

- оба типа преступлений совершаются без использования насилия с помощью высокотехнологичного оборудования и имеют далеко идущие социальные последствия;
- последствия этих преступлений в глазах общественного мнения выглядят как менее опасные, чем деликты с применением физического насилия;
- преступники имеют доступ к компьютерам, информационным технологиям и технические навыки;
- их действия обычно связаны с манипуляцией информацией, которая прямо или косвенно создает прибыль или убытки;
- выделенные преступления могут быть совершены одним человеком или несколькими людьми в сговоре, в том числе с организацией;
- они латентны, их трудно обнаружить;
- для предотвращения таких преступлений требуется сочетание правовых, технических, социально-психологических знаний, а также знаний из области безопасности, аудита, менеджмента.

11. Типология HIGH-TECH-девиантов. Одна из самых простых классификаций может быть построена на основе психологических характеристик хакеров, стремящихся к девиантному самовыражению или к получению компенсации за чувство личной неполноценности. Среди них можно выделить:

- *пионеров* - лиц, которые используют новейшие компьютеры, технологии сотовой связи и Интернета;
- *хулиганов*, обуреваемых чувством обиды;

•*гедонистов* – тех, кто получает удовлетворение от вскрытия защиты новых компьютерных систем. Чем дальше такая система удалена географически от хакера, тем больше уровень удовольствия от взлома;

•*вандалов* - злоумышленников, которые намеренно стремятся причинить вред без видимой выгоды для себя;

•*наркоманов* или *компьютерных «ботаников»*, у которых сформировалась аддикция, поэтому жить без взломов компьютерных программ они не могут.

Таким образом, по мере технологического прогресса девиантность и преступность постоянно дифференцируются, а ее носители изощренно используют в своих целях все новые технологические возможности. Современные девианты и преступники широко используют не только огнестрельное оружие, телефон, лекарственные препараты, транспорт, но и компьютеры, сотовую связь, Интернет. Незаконная деятельность на основе современных технологий столь же разнообразна, как и сами технологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Штомка П. Социология социальных изменений /пер. с англ.; под ред. В.А. Ядова. М.: Аспект Пресс,1996.

2. Гишинский Я. Девиантология: Социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». -2 –е изд., испр. и доп. - СПб.: Издательство Р.Арсланова «Юридический центр Пресс»,2007.

3. Койл Д. Секс,наркотики и экономика, Нетрадиционное введение в экономику /Пер с англ. – 2-е изд., испр.- М.: Альпина Бизнес Букс,2005.

4. Девиантность в обществе потребления: коллективная монография/ Под ред Я.И. Гишинского и Т.В.Шипуновой. – СПб.: Издательский дом «Алеф-Пресс»,2012.

5. Иванов Д.В. Глэм-капитализм. СПб: Петербургское востоковедение,2008.

К вопросу о региональной программе по разрешению конфликтов среди населения (медиация на «вооружении» полиции во благо граждан)

В статье рассматриваются проблемные вопросы, связанные с разрешением конфликтов среди населения в Российской Федерации. Автором статьи излагается предложение о создании правовой модели, которую можно принять и внедрить в рамках региональной государственной программы в примирении конфликтующих сторон.

Ключевые слова: конфликт, полиция, пилотный регион, конфликтологи, конфликтологические клиники, юридические клиники.

Конфликты и споры сегодня являются теми составляющими, на которые самые различные общественные и государственные институты стали обращать самое пристальное внимание. Одни конфликты порождают качественно новый характер в отношениях конфликтующих, а другие могут привести к серьезным драмам как самих сторон конфликта, так и тех, кто рядом с ними. Последние без сомнения нуждаются в наблюдении (контроле) за ними, а если потребуется, и во вмешательстве третьих лиц с общественным (публичным интересом) вплоть до пресечения такого конфликта силой. Применительно к тем группам конфликтов, которые указаны выше, органы внутренних дел (далее – ОВД или полиция) в процессе выполнения своих задач соприкасаются и с теми, и с другими. Так, например, в процессе дознания или предварительного расследования факта причинения вреда жизни гр. А. может стать известно, что гр.А. был участником двух враждующих преступных группировок (криминальной разборки). С другой стороны, ОВД имеет дело с конфликтами на бытовой почве, в которых, например, соседи квартир через стенку, по площадке или комнат в коммунальной квартире не могут найти тишины, автономности и др. форм, чтобы не мешать друг другу. Сами по себе конфликты первой группы вряд ли следует «примирять», полицией участие в преступных группировках преследуется и карается по уголовному закону. В этой связи именно вторые и представляют авторский интерес в данной статье. Немного статистики.

В 2010 г. в ОВД по Адмиралтейскому району г.Санкт-Петербурга гражданами (жителями) подано 46 439 заявлений. Результаты работы по ним:

- возбуждено уголовных дел – 3 105;
- отказано в возбуждении уголовных дел – 13 648;
- передано по подследственности и территориальности – 3 664;
- не принимались решения – 26 022.

В части последних, а таких **56 %**, следует отметить, что большая половина граждан остались с проблемой **один на один**. Вроде и обратился гражданин к властям, ища защиты, а не тут-то было.

В 2011 г. по тому же Адмиралтейскому району г.Санкт-Петербурга было подано 50 125 (по сравнению с предыдущим больше на 3 686) заявлений. По ним:

- возбуждено уголовных дел – 2 791;
- отказано в возбуждении уголовных дел – 14 100;
- передано по подследственности и территориальности – 3 560;
- возбуждено дел об административном правонарушении – 1 146;
- отказано в возбуждении дела об административном правонарушении – 68;
- передано по подведомственности – 641;
- приобщено к ранее зарегистрированным сообщениям о том же происшествии – 5 964;
- приобщены к материалам специального номенклатурного дела, т.е. не принимались решения – 21 586, что составляет – **43 %**.

В условиях критики в адрес недавней милиции в связи с «показателями» учета обращений граждан невольно приходится констатировать, что это только официальные цифры. Скольким гражданам отказали в приеме обращений, можно только догадываться, но проблема не в этом.

На сегодняшний день в условиях, когда общество ожидает от ОВД положительных результатов, когда в действительности объектом (предназначением) деятельности полиции являются защита прав и свобод граждан [1], полиция должна максимально реализовать свой потенциал в деле служения - человеку и гражданину, идя с ним плечо к плечу. Еще недавно граждане проявляли свою активную гражданскую позицию в деле противодействия правонарушениям (главным образом административно- и уголовно-правовым) в форме добровольно-народных дружин (ДНД). Современное общество существенно изменилось, изменились социально-экономические потребности его людского субстрата, стойкое место заняли товарно-денежные отношения, - в таких условиях должна меняться и полиция. В обществе, в котором растет активность в поиске удовлетворения благ, возрастает насыщенность происходящими событиями и фактами, в которых сталкиваются интересы отдельных индивидов и даже отдельных групп с одной стороны и власти - с другой. Все это ставит перед властью задачу найти такие приемы и способы управления обществом, которые были бы адекватными, безущербными, результативными и способными удовлетворять интересам каждого в отдельности, в том числе «индивида (группы)» и «власти». Обеспечительная роль права также ставит перед наукой права новые задачи поиска адекватных институтов, отвечающих потребностям человека, общества и власти.

Именно такое направление Президент России Д.А. Медведев озвучил в своем выступлении на расширенной коллегии МВД России 10 февраля 2012 г., на котором он призвал участников к построению *партнерской модели* взаимоотношений полиции и общества, закрепленной в Законе «О полиции» [2]. Президент России также отметил, что «полиция обязана помогать гражданам во всех потенциальных конфликтных ситуациях, от этого не уйти, даже если это, как принято говорить, вообще и не дело правоохранительных органов. Поэтому вам (*полиции, курсив мой – К.А.*) всегда всё равно придётся приходить на помощь тем, кто нуждается в этой помощи» [3]. Подводя итоги первого года работы полиции, в интервью СМИ Министр внутренних дел Российской Федерации в вопросе о преобразованиях в МВД России также выделил необходимость гуманизации «форм и методов работы полиции, переход взаимоотношений органа правопорядка и общества к партнерской модели, направленной на обеспечение эффективной защиты прав и свобод граждан» [4].

События, которые произошли в феврале 2012 г. в отделах полиции № 75 Санкт-Петербурга, «Дальний» в г. Казани, вызвали в обществе особую широкий резонанс.

Известный экономист Е.Ясин в своем интервью корреспонденту «Российской газеты» заметил: «У нас в стране крайне низкий уровень межличностного доверия. Люди не доверяют друг другу и одновременно публичным институтам» [5]. Ссылаясь на данные Европейского социального обзора, Е. Ясин отмечает, «что в России из выборки двадцати европейских стран полиция как публичный институт занимает последнее место» [6]. Такое же положение в целом сложилось и по отношению к силовым структурам. Не безупречны в России парламент и политические партии.

Анализ публикаций, выступлений участников прошедших заседания Общественного совета при МВД России 27 марта 2012 г., заседания круглого стола «Духовность. Нравственность. Закон» 28 марта 2012 г. [7] дает основания сделать как минимум два вывода.

Во-первых, образовалось четкое понимание того, что пока реформа в МВД России не принесла ожидаемых результатов. В этой связи не буду сторонником высказываний о «тупике» - выход всегда есть. Здесь ясно одно и стоит согласиться с писателем Даниилом Корецким: «Изменения ... должны произойти не только в системе полиции, но и во всем государстве» [8].

Во-вторых, необходима консолидация нашего общества, сплочение его членов в борьбе за дело достижения единого результата.

Однозначно можно констатировать тот факт, что «противоядием» или средством разрешения такой социальной задачи является нравственность, в том числе ее составляющие, такие как: добро, справедливость, гуманизм, положительный образ, любовь в Родине и др. [9]. Нельзя не сослаться на призыв к «нравственному консенсусу», к которому призывает Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл [10].

В ряду факторов, которые улучшат положение полиции, нельзя не упомянуть несвойственность отдельных функций полиции, избавиться от которых принятием Закона «О полиции» не удалось.

Так, своим постановлением Правительство РФ от 21 марта 2012 г. № 212 [11] перевело с полиции на Федеральную службу судебных приставов и погранслужбу проведение мероприятий по депортации либо административному выдворению иностранных граждан и лиц без гражданства за пределы РФ при невозможности установления приглашающей стороны. В принципе, приведенные выше цифры об обращении в полицию граждан - свидетельство того, что полиция остается тем самым органом, в который граждане обращаются по старинке, как в Советском Союзе, по любому вопросу. В свое время бывший начальник ГУВД по Санкт-Петербургу и Ленинградской области Пиотровский В.Ю. по результатам своих встреч с жителями районов Санкт-Петербурга отмечал, что из 10 обращений 9 носят бытовой характер и не имеют отношения к деятельности милиции. Отсюда вывод: граждане в поиске решения своих проблем, по сути, не знают, куда обращаться, и «власть» (региональная, муниципальная) здесь не должна оставаться в стороне.

Вернемся к «нравственности» и «полиции». Полиция - это власть, а власть в вопросах помощи нуждающимся всегда должна быть готова к действию, оперативному и жесткому, в противном случае эффект ожидания от нее помощи нуждающимся нивелируется [12]. Другое дело, что полиция должна быть доброжелательна к людям и исходить именно из этих начал, если же требуется применить «силу», то она ее должна применить. Также не могу не упомянуть о презумпциях добросовестности, разумности, справедливости. Должна ли полиция опираться на указанные факторы? Безусловно - да.

Указанные презумпции прямо закреплены в гражданском законодательстве (ст. 10 ГК РФ) в качестве принципов осуществления и защиты гражданских прав, и такая схема успешно работает уже многие и многие годы. В своей преподавательской деятельности автор всегда доводит до обучаемых закрепленную в ГК РФ схему в отношениях между субъектами гражданского права, будь то гражданин или власть, и если ставится вопрос о правовом положении гражданина, то в первую очередь должна сработать схема: гражданин в своем поведении действовал разумно и добросовестно, обратное подлежит доказыванию, откуда и берет начало презумпция невиновности в уголовном праве. Задача, конечно же, не просто довести, а привить это качество обучаемым.

Итак, мы имеем гражданина – личность с одной стороны и власть с другой. Очевидно, что оба эти субъекта пока не находят «нравственного консенсуса». В таких ситуациях со времен Римского права известен подход о привлечении арбитра. Автор ни в коем случае не сопоставляет указанных субъектов в качестве противников, наоборот, обе стороны готовы и идут навстречу друг другу, но встречаются на пути с препятствиями и предателями типа Евсюкова, «сотрудников» из ОП «Дальний» г. Казани и др. Если последними должны заниматься сами ОВД, то препятствия объективного характера можно преодолевать институтами квазиарбитража с участием посредников, конфликтологов, миссию которых можно использовать в деле поиска консенсуса между конфликтующими, в случаях когда А. подрался с В., когда владелец собаки И. не поделил территорию с владельцем собаки П. во время ее выгула.

Сегодня большая надежда на посредничество возлагается на деятельность суда (арбитражного суда), когда истцу и ответчику предлагается самим разрешить конфликт, для чего в России принят специальный Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [13], внесены изменения и дополнения в ГПК РФ, АПК РФ, ГК РФ. Однако следует разделять правовые конфликты сторон гражданского или арбитражного процесса, которые исходят из частноправовых интересов и к которым применим Закон № 193, и конфликты, подведомственные полиции, которые содержат в себе публично-правовые интересы, урегулирование которых сегодня не подчиняется указанному Закону № 193 или иным законодательным актам. По факту, участковый уполномоченный полиции, к которому напрямую попадает львиная доля обращений и заявлений граждан, по результатам проверки либо возбуждает производство по делу (уголовное, административное), либо отказывает. Именно последние и должны быть объектом работы посредничества, института, который должен стать такой моделью, в которой стороны конфликта могут определить судьбу конфликта не с позиции силы или права, а с *позиции интереса*, в котором есть место проявлению их стойкости, терпимости друг к другу, их нравственного консенсуса. Такой подход максимально отвечает требованиям поиска путей профи-

лактики и предупреждения более тяжких последствий конфликта, когда его стороны готовы пустить ножи, другое оружие или предметы, но откажутся от затеянного на стадии вынашивания замысла преступления или иного правонарушения. Несомненно, здесь важно найти то «поле конфликта», на «территории» которого есть место для его урегулирования. Границы такого поля сегодня в принципе определены, прежде всего это преступления, а также административные правонарушения. Однако альтернативные санкции последних, раскаяние в содеянном, отказ от более тяжких последствий, по сравнению с уже совершенным, вполне можно использовать в пользу примирения конфликтующих.

По своей ценности настоящая статья может быть привлекательна предложением о создании правовой модели, которую можно принять и внедрить в качестве и в рамках региональной государственной программы, т.к. каждый регион России имеет свои традиции, устои, обычаи и др. факторы, которые необходимо избрать в деле моделирования примирения конфликтующих. В качестве пилотного региона, в котором автор предлагает отдельные районы Санкт-Петербурга, в которых сконцентрирована большая часть населения, отчего образуется высокий фон конфликтогенности. Санкт-Петербург является крупным мегаполисом, в котором сосредоточено огромное количество жителей, каждый из которых, как и другие, является личностью со своими правами и законными интересами. В своей жизнедеятельности каждый человек стремится создать для себя блага (семейные, бытовые и др.), следуя этому естеству, встречается с такими же равными по образу и подобию лицами, в связи с чем неизбежно столкновение их интересов, потребностей. Важно понимать, что можно и нужно использовать энергию такой личности, объединить ее с интересами государственных органов, которые проявляют ее в рамках своей компетенции в деле решения общих задач, и направить на достижение общих для них целей. Тот же нравственный потенциал конфликтующих, их моральные устои, их качества толерантности и готовности к консенсусу можно и нужно использовать.

Так, население Адмиралтейского района Санкт-Петербурга на 01.01.2011 г. составляло 156, 84 тыс. жителей [14]. Если использовать эту цифру и соотнести ее с приводимыми на сайте администрации района цифрами о территориальности, то картина следующая.

- Площадь дворовых территорий – 959,9 тыс. кв. м.

Плотность: на 1 человека приходится - 6,1 кв. м.

- Площадь жилой застройки – 1951,2 тыс. кв. м.

Плотность: на 1 человека приходится – 12,44 кв. м.

- Площадь жилищ. фонда – 4478,5 тыс. кв.м.

Плотность: на 1 человека приходится – 28, 5 кв.м.

Представьте, что площадь дворовых территорий на 1 человека составляет 6 кв.м. Сюда необходимо добавить домашних животных (собак), автомобили и др. составляющие. Местные новостные репортажи содержат сведения о конфликтах, возникающих на почве того, что люди не смогли поделить территорию для выгула собак. Часто ссоры происходят с применением силы, иногда используется оружие. Таких примеров, к сожалению, немало. Так, жители одного из районов Санкт-Петербурга – жертвы «собачьих проблем» – обратились 11 марта 2011 г. с открытым письмом к прокурорам города и Ленинградской области, в котором, с одной стороны, слышна просьба о помощи, а с другой - намек на последствия в форме самосуда или массовых беспорядков в случае бездействия властей [15]. Другой случай произошел в п. Ленсоветовский Ленинградской области, где женщина-владелец собаки нанесла смертельное ножевое ранение своему соседу по подъезду, такому же владельцу собаки. По версии следствия, они не поделили время выгула своих питомцев на одной и той же территории [16]. Проблемы дележа территорий между владельцами собак и обычных граждан сегодня также приводят к серьезным проблемам. 28 октября 2012 г. в Москве состоялся митинг в защиту домашних собак, пострадавших от дог-хантеров.[17]

Выход возможен, и «власть», прежде всего, региональная, как никто другой, должна быть заинтересована его найти с привлечением активной помощи общественных организаций и таких же граждан. Судя по шквалу критики в адрес полиции, такие организации вполне могли бы внести свой вклад в дело укрепления законности и толерантности в обществе.

Идея модели: создание условий для жителей Санкт-Петербурга (региона), ставших участниками отдельных конфликтов (конфликты между соседями, собаководами, семейные и др., им подоб-

ные. В полиции их называют *конфликты на бытовой почве*), самим урегулировать сложившиеся конфликтные отношения с участием обученного посредника (процедура медиации). Сегодня это конфликты в сфере отношений частного и (или) частно-публичного обвинения, а также те конфликты, которые при естественном развитии событий могут получить уголовно-правовую оценку, но на определенном этапе (вынашивания преступного замысла) еще можно все урегулировать, убедить отказать от задуманного правонарушения. Подведомственность этих обращений в основном образует огромное количество дел, подведомственных полиции, главным образом, участковым уполномоченным полиции, а также мировым судьям, которые рассматривают как гражданские, так и административные и уголовные дела. Так, в ходе ссоры в коммунальной квартире, в которой уже не один десяток лет проживают три семьи, А. после распития горячительных напитков, с помощью топора пытался открыть дверь в комнату соседа, в результате чего причинил имущественный ущерб. Помимо этого, им был причинен физический вред собственнику комнаты, куда «ломился», а также был нарушен общественный порядок, т.к. гражданин А. кричал, нецензурно выражался в присутствии детей. Пострадавшие обратились в полицию. Поведение А. в части причинения материального ущерба квалифицируется по ст. 167 УК РФ и, согласно УПК РФ, подведомственно мировому судье, в то время как иные действия подпадают под юрисдикцию полиции, в рамках которой участковый уполномоченный полиции, инспектор по делам несовершеннолетних реализуют свои функции как представители власти. Прошло время, осознал А., что натворил, выбрал путь к примирению. Конфликт удалось разрешить в его пользу только при участии представителей власти.

Этот пример со всей очевидностью показывает необходимость некоего «мягкого права», промежуточного официально признанного института – медиации по делам, подведомственным полиции, обращение к которому давало бы реальную возможность урегулирования конфликта, возникшего на бытовой почве, до появления представителя власти, обращение к которому должно быть отдаленной «перспективой» для гражданина А. и который бы, во-первых, выполнял только функцию правоохраны, во-вторых, являлся надежным гарантом действия права с его принудительным содержательным механизмом с защитной функцией пострадавшего и общественного порядка.

Миссия конфликтующих: жители Санкт-Петербурга – непосредственные участники конфликтов на бытовой почве, сами могут или должны участвовать в формировании толерантной, миролюбивой и устойчивой общественной среды, внося тем самым свой вклад в формирование гражданского общества. Конфликтующие с помощью таких публичных посредников сами бы вырабатывали приемлемую для них позицию, которая устроит другую конфликтующую сторону (win-win).

Воплощение идеи и осуществление миссии возможно в условиях разработанной и принятой программы, действие которой предполагается в определенном месте или регионе (субъекте РФ), по типу государственного заказа.

Регион (место) действия программы: в порядке эксперимента - территория (район) Санкт-Петербурга, в котором (ых) зарегистрировано за определенный промежуток времени большое количество конфликтов на бытовой почве.

Время действия программы: в порядке эксперимента - не менее 3-х лет. Этот период оправдан тем, что меньший срок не позволит провести более или менее объективное сравнение, а больший период будет чувствителен или обременителен с позиции финансового обеспечения в случае его провала (в чем автор сомневается).

С учетом специфики природы и особенностей конфликта на бытовой почве, развития его перспектив (неблагоприятных для одной или обеих сторон), специфичен субъектный состав государственной региональной программы.

Субъектный состав программы:

1. **Выгодоприобретатель** – житель Санкт-Петербурга.
2. **Государственный заказчик** – Правительство города Санкт-Петербурга, муниципальные образования.
3. **Разработчик программы** – рабочая группа из числа преподавателей вузов Санкт-Петербурга (например, СПб университета МВД России), ГУ МВД России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, а также лица от заинтересованных общественных организаций в Санкт-Петербурге (напри-

мер, Центр толерантности, Санкт-Петербургская региональная общественная правозащитная организация «Дом мира и ненасилия» и др.).

4. Реализуют программу:

4.1. Лица по типу ДНД, формируемые из числа пенсионеров, в т.ч. органов внутренних дел, судей в отставке, военнослужащих запаса, пользующихся определенным авторитетом у жителей города, способные вести общественную работу, имеющие активную жизненную позицию и прошедшие подготовку по учебной программе (до 100 часов) «Урегулирование конфликтов на бытовой почве с участием посредника (процедура медиации)». По данным ветеранских организаций, только ветеранов МВД сегодня более 40 тысяч человек.

4.2. Лица, указанные в п. 4.1, осуществляют посредническую деятельность под руководством старшины из числа медиаторов, под патронажем и при содействии участкового уполномоченного полиции, который не занимается разрешением конфликта до безуспешности решения проблемы самими конфликтующими.

4.3. Лица, указанные в п. 4.1 и 4.2, осуществляют деятельность в опорных пунктах полиции.

Указанные в п. 4.2 и 4.3 предложения целиком вписываются в те рамки, которые в качестве задач указал Президент России министерству. Так, указана необходимость обеспечения качественной работы территориальных отделов и пунктов полиции. Последние - «это передний край общения с людьми, именно туда приходят люди со своими проблемами, со своими бедами, и они должны знать, что всегда найдут понимание и, как минимум, первичную квалифицированную помощь» [18].

4.4. Лица, указанные в п. 4, проходят обучение по соответствующей программе, в центрах по подготовке посредников (медиаторов), идея которого уже более 2-х лет не находит своей поддержки ни в руководстве СПб университета МВД России, ни в органах власти города.

5. Реализация программы возможна при условии наделения соответствующей квазифункцией участкового уполномоченного полиции, что потребует внесения поправок в Закон «О полиции».

Финансирование программы: за счет государственного заказчика.

Объем финансирования включает:

1) Деятельность субъектного состава:

Центр - обучение медиаторов;

Посредники (медиаторы) – оплата труда за счет соответствующих статей бюджета Санкт-Петербурга;

Участковые уполномоченные полиции – федеральный бюджет (денежное довольствие).

2) Место - опорные пункты полиции – содержатся за счет регионального бюджета (города Санкт-Петербурга). Сегодня опорные пункты обеспечены отоплением, мебелью, ПЭВМ, телефоном, факсом, бытовой техникой (микроволновые печи) и др.

Для реализации предложенного необходима совместная инициатива полиции, образовательных учреждений, а также регионального субъекта РФ, включая муниципальные образования.

Предложенный вариант подлежит коррекции, но вполне приемлем для любого региона. Помимо этого, деятельность медиаторов по разрешению конфликтов при опорных пунктах полиции можно в смежном подходе совместить с функцией общественной приемной, куда могут обратиться граждане, не нашедшие защиты даже после обращения с заявлением, где разъяснят им их права и обязанности, но уже не без участия юристов; куда вполне можно привлечь к прохождению практики будущих юристов, психологов, конфликтологов, а также задействовать деятельность юридических или конфликтологических клиник учебных заведений.

Сейчас перед полицией стоит важнейшая задача – заслужить уже в новом качестве уважение населения. Сами по себе пропагандистские кампании вряд ли могут быть эффективными, а вот обрести доверие населения к полиции можно внимательным и доброжелательным отношением к людям через новый социальный институт медиации, в котором есть место деятельности и полиции, и региональной и муниципальной властям, а также деятельности общественных организаций, которые не должны вмешиваться в деятельность органов власти, в т.ч. полиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. См.ст. 1 Федерального закона от 07.02.2011 N 3-ФЗ "О полиции" // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900.
2. URL: <http://президент.рф/выступления/14474>
3. Там же.
4. Полиции – год. Реформа продолжается // Российская газета. 2012. 1 марта. С. 6.
5. Вырваться из треугольника недоверия // Российская газета. 2012. 3 апреля. С. 5.
6. Там же.
7. URL: <http://www.mvd.ru/>
8. Корецкий Д. Взгляд. Пойдут ли в полицию гуманисты? Камера смотрит в мир // Российская газета. 2012. 21 марта. С. 10.
9. См., напр.: Б. Дубин, Д. Корецкий.
10. URL: http://www.mvd.ru/news/show_103795/
11. О внесении изменений в пункт 3 Правил расходования средств на мероприятия по депортации либо административному выдворению иностранных граждан и лиц без гражданства за пределы Российской Федерации при невозможности установления приглашающей стороны: постановление Правительства РФ от 21.03.2012 г. № 212 // Российская газета. 2012. 28 марта. С. 18.
12. К вопросу о твердой позиции власти по отношению к тем, к кому она адресована в конкретных отношениях, можно привести проект изменений в отношениях между властью и призывниками. Согласно проекту поправок в действующее законодательство о призыве, Совет Федерации предложил вместо того, чтобы разносить повестки по домам и вручать их новобранцам под роспись, ввести схему их оповещения – как только исполнится юноше 18 лет, его обяжут по закону в течение двух недель получить в военкомате повестку на призывную комиссию, а за отказ или опоздание без уважительных причин грозит уголовная ответственность по ст. 328 УК РФ. См. Армия: Будущим солдатам предложат лично забирать повестку в военкомате. Сам себе призывник // Российская газета. 2102. 28 марта. С. 1, 4.
13. Собрание законодательства РФ. 2010. № 31. Ст. 4162.
14. URL: http://www.gov.spb.ru/gov/admin/terr/reg_admiral/info
15. URL: http://poterjashka.org/news/peticiya_prokuroram_spb_i_lo_o_nagnetanii_socialnogo_konflikta/
16. URL: <http://www.tv100.ru/news/Sobachij-konflikt-stal-prichinoj-ubijstvu-43994/>
17. URL: <http://www.newstube.ru/media/v-moskve-proshel-miting-v-zashhitu-zhivotnyx>.
18. URL: <http://президент.рф/выступления/14474>

Е.А. Белов,
кандидат социологических наук, доцент
(Казанский юридический институт МВД России)

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ СПОСОБЫ ПРОФИЛАКТИКИ НЕФОРМАЛЬНОЙ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ

В статье раскрываются социально-экономические аспекты неформальной занятости населения. Предлагается анализ отдельных статей УК РФ, КоАП РФ и иных нормативных правовых актов, регламентирующих сферу товарно-денежных отношений. Определяются возможности норм административного права по регулированию неформальной трудовой деятельности.

Ключевые слова: неформальная занятость, нормы административного права, трудовые отношения, безработица, самозанятость.

Неформальная занятость населения является сопутствующим явлением функционирования рыночной экономики. Ее доля в производстве товаров и услуг изменяется в зависимости от развитости экономических, социальных, культурных и иных основ государственного устройства. В странах с большой долей государственного участия в экономике, например, Китае, КНДР и др., возможно сдерживание теневизации трудовых отношений за счет административных мер и жесткого правового ограничения.

При «железном занавесе» в СССР доля теневых отношений в ВВП не превышала 15% [4. С. 72]. Рядовой гражданин стоял в многолетних очередях на приобретение товаров длительного пользования (в т.ч. автомобиля, стиральной машины и т.п.), но в большинстве своем не имел возможности приобретения данных вещей в обход установленных норм.

В дальнейшем, с переходом к рыночной форме организации экономической деятельности, российское общество трансформировало или приобрело такие феномены, как безработица, самозанятость, гастарбайтерство, неформальная занятость и т.п. Разрастающийся частный сектор, увеличивающиеся потребности, снятие «железного занавеса» и т.п. явились благодатной почвой для формирования самостоятельного теневого сегмента рынка труда. Рыночные отношения без надлежащего государственного контроля обусловили повышение роли теневых форм деятельности. Значительная часть предприятий не выдержали конкуренции с импортными товарами и ушли «в тень». Данный процесс вполне объясним в рамках классической камералистской концепции Ф. Листа [3. С.27]. С некоторой долей условности, в переводе на теневой сегмент рынка труда, идеи данного подхода могут быть представлены в виде внешнего, по отношению к государству, фактора воздействия на экономическое пространство. Свобода частных интересов всех участников глобального рынка при наличии собственной слабо развитой экономики обрекает ее на неконкурентоспособность. При этом заведомая проигрышность в открытой конкуренции с импортными товарами стимулирует развитие теневой экономики с уклонением от налогообложения.

Современные социально-экономические отношения унаследовали административную заорганизованность деятельности. Административные барьеры, неэффективные правила регистрации и осуществления хозяйственной деятельности обуславливают поведение отдельных субъектов на рынке труда. Их успех связан не только с производственной деятельностью, но и дополняется умением исключать издержки, связанные с официальным регулированием деятельности. Основной причиной теневой экономики, пишет Э. Сото, принято считать неэффективный правовой режим. По его словам, «чтобы уйти от насилия и бедности, нужно признать собственность и труд людей, которых легальный сектор ныне отторгает, чтобы вместо бунта воцарился дух сотрудничества и ответственности» [5. С. 41].

Теневая занятость в различных проявлениях имеет место практически во всех сферах взаимоотношений индивидов. Причем эти отношения деформируются под ее воздействием, а сама занятость искажается и трансформируется в иное образование. Под занятостью мы стали

понимать рэкет, «крышевание», проституцию и т. п. На фоне этого работа без лицензии, деятельность без соответствующей регистрации и т. п. кажутся абсолютно безобидными.

Анализ причин совершения правонарушений на рынке товаров и услуг позволяет выявить основные мотивирующие факторы [1. С. 48-53]:

- отсутствие отечественного производства или высокая цена отечественных товаров (услуги, предоставляемой гражданами РФ);
- заинтересованность в быстром получении прибыли;
- низкие доходы значительной части населения;
- несовершенство законодательства;
- неэффективность работы органов власти.

С целью предупреждения противоправных деяний в сфере производства и реализации товаров (услуг) необходимо учитывать общественную опасность деяния. К примеру, в ст. 238 УК РФ установлена ответственность за производство, хранение, перевозку либо сбыт товаров и продукции, а также выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности. Наряду с этим ст. 14.4 КоАП РФ закрепляет административную ответственность за продажу товаров, выполнение работ либо оказание населению услуг ненадлежащего качества или с нарушением санитарных правил. Каждый из указанных составов имеет присущий только ему объект, субъект, объективную и субъективную стороны. Уголовное законодательство охраняет наиболее важные общественные отношения, которым причиняется или реально может быть причинен значительный вред с целью пресечения деятельности подпольных фабрик и цехов, а также различных предприятий, выпускающих и реализующих товары, оказывающих услуги или выполняющих работы, не отвечающие требованиям безопасности жизни и здоровья потребителей. Нормы КоАП РФ аналогично направлены на защиту общественных интересов, но предусматривают наказание за совершение менее опасных правонарушений, в частности, за нарушение сроков реализации товаров.

Основываясь на понимании общественной опасности деяния, в современной законодательной практике имеются прецеденты отнесения административно наказуемого правонарушения, в случае его неоднократности, в категорию преступления. К примеру, речь идет о статье 151.1 УК РФ «Розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции». В примечании к статье отмечено, что если лицо ранее привлекалось к административной ответственности за аналогичное деяние в течение ста восьмидесяти дней, то это является фактом неоднократности и, соответственно, предусматривает уголовную ответственность. Данная норма также отмечена в ст. 14.16 КоАП РФ, которая, согласно Федеральному закону № 253-ФЗ от 21.07.2011 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части усиления мер по предотвращению продажи несовершеннолетним алкогольной продукции», дополнена пунктом 2.1. «Розничная продажа несовершеннолетнему алкогольной продукции, если это действие не содержит уголовно наказуемого деяния». Идентичная норма обсуждается в Государственной Думе в плане ужесточения ответственности за управление транспортным средством в пьяном виде [1].

В СССР, признавая, что факты хулиганства причиняют большой вред обществу, оскорбляют честь и достоинство советских граждан, был принят Указ Президиума ВС СССР от 26.07.1966 № 5362-VI «Об усилении ответственности за хулиганство». В статье 9 данного нормативного акта вводилось понятие злостного хулиганства и была предусмотрена уголовная ответственность за действия, совершенные лицом, ранее судимым за хулиганство. Наказанием в данном случае являлось лишение свободы на срок от одного года до пяти лет.

Фактически неоднократность совершения административно наказуемого деяния не является объективной стороной правонарушения. Это говорит о неоднозначности такой нормы, как ужесточение ответственности за повторное совершение аналогичного деяния в течение определенного срока. Однако в случае признания общественной опасности неформальной занятости граждан, на наш взгляд, следует предусмотреть ужесточение ответственности за повторное совершение правонарушений на рынке товаров и услуг (Ст. 14.1, 14.4, 18.10 и др. КоАП).

Целесообразно обращать более пристальное внимание на понятие «причиненный ущерб». Это касается практически всех преступлений в сфере экономической деятельности, предусмотренных главой 22 УК РФ, а также правонарушений в области предпринимательской деятельности по статьям 14.1 - 14.19 КоАП РФ. К примеру, если в связи с продажей нелегальной продукции (контрабанда, контрафакт) причинен крупный ущерб, необходимо применять санкции уголовного законодательства (лишение свободы с конфискацией продукции). В случае если деятельность не причинила существенного ущерба, следует ограничиться штрафными санкциями.

В настоящее время назрела необходимость пересмотра размера административного штрафа. Максимальная сумма штрафа для граждан на сегодняшний день, согласно статье 3.5 КоАП, составляет пять тысяч рублей. Если раньше эта сумма считалась достаточной, то сейчас размер потенциальной выгоды при несоблюдении закона во много раз превышает размер вероятностного ущерба. Целью наказания является предупреждение совершения правонарушений и преступлений. А этого сложно добиться при незначительности санкций.

Возвращаясь к вопросу повышения ответственности за продажу несовершеннолетним алкогольной продукции, следует обратить внимание на Федеральный закон № 193-ФЗ от 12.11.2012 «О внесении изменений в статьи 3.5 и 14.16 Кодекса РФ об административных правонарушениях», в котором предусмотрено, что розничная продажа несовершеннолетнему алкогольной продукции, если это действие не содержит уголовно наказуемого деяния, влечет наложение штрафа на граждан в размере от 30 тысяч до 50 тысяч рублей, на должностных лиц - от 100 тысяч до 200 тысяч рублей, на юридических лиц от 300 тысяч до 500 тысяч рублей (ранее - от 3 тысяч до 5 тысяч рублей, от 10 тысяч до 20 тысяч рублей и от 80 тысяч до 100 тысяч рублей соответственно). Возможно, аналогичные санкции необходимо предусмотреть и по отдельным статьям 14 главы КоАП РФ.

Согласно теории повседневной деятельности [6], преступление не требует особых предпосылок и, как естественное социальное явление, совершается, когда складываются благоприятные возможности. Если объект проступка не защищен в достаточной мере и полученный результат сулит выгоду для злоумышленника, правонарушение совершается. Соответственно, необходимо сделать так, чтобы противоправная деятельность изначально была непривлекательной.

Таким образом, если государство заинтересовано в снижении уровня неформальной занятости, то необходимо выработать комплексные меры, направленные на вытеснение из системы общественных отношений норм и ценностей, противоречащих трудовой морали и праву. Законодателю необходимо определить степень опасности для общества определенных видов трудовой деятельности и ужесточить соответствующие нормы. Следует ввести практику усиления ответственности за повторное совершение противоправного деяния. Необходимо учитывать явный и неявный ущерб от определенного вида неформальной деятельности. При этом основная цель вышеобозначенных направлений действий должна заключаться в формировании механизмов, позволяющих создать условия, при которых неформальная занятость населения станет экономически невыгодной.

Литература

1. Алиуллов Р.Р., Белов Е.А., Романюк В.С. Предупреждение правонарушений в сфере потребительского рынка.- Казань, 2010.
2. Госдума ужесточает ответственность за повторное нарушение [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rbcdaily.ru /2012/10/16/society/ 562949984934418> (дата обращения: 11.10.2012).
3. Лист Ф. Национальная система политической экономии.- М., 2005.- 219 с.
4. Новиков Г.С. Сравнительный анализ развития отечественной экономики в советский и постсоветский период: монография.- Омск, 2009.- 183 с.
5. Сото Э. Иной путь. Невидимая революция в третьем мире.- М.: Catallaxy, 1995.- 317 с.
6. Felson M. Crime and Everyday Life.- Second Edition.- Thousand Oaks, CA: Pine Forge Press, 1998.- 579 p.

В.Н. Демидов,
кандидат юридических наук, профессор
Председатель Конституционного суда
Республики Татарстан

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ И СВОБОД ГРАЖДАН В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН

В статье рассматривается работа Конституционного суда Республики Татарстан в части принятия им судебных решений, обеспечивающих права и свободы граждан. Определена правовая природа Конституционного суда Республики Татарстан как органа конституционного правосудия, приведены примеры принятых им судебных решений и раскрыто их значение для обеспечения прав и свобод граждан в Республике Татарстан.

Ключевые слова: Конституционный суд, конституционное правосудие, права и свободы, защита прав, судебное решение, правовая позиция, правовая норма.

Конституция Республики Татарстан содержит положения, имеющие определяющее значение для стабильного социально-экономического развития республики, обеспечения основных прав и свобод человека и гражданина. Роль Конституции в государственно-правовой системе Татарстана, в жизни региона в целом требует закрепления в ее тексте определенных гарантий, обеспечивающих точную и безусловную реализацию конституционных положений всеми государственными, муниципальными органами, должностными лицами и гражданами. Одной из таких конституционных гарантий стало создание органа регионального конституционного правосудия, которым в нашей республике является Конституционный суд Татарстана.

Согласно статье 109 Конституции Республики Татарстан и статье 3 Закона Республики Татарстан «О Конституционном суде Республики Татарстан» Конституционный суд наделен такими важными и ни с кем не разделяемыми полномочиями, как толкование Конституции Республики Татарстан, рассмотрение дел о конституционности законов Республики Татарстан, иных нормативных правовых актов органов государственной власти и местного самоуправления, споров о компетенции между органами государственной власти Республики Татарстан, между органами государственной власти Республики Татарстан и органами местного самоуправления, между органами местного самоуправления, проверка по жалобам на нарушение конституционных прав и свобод граждан и запросам судов конституционности законов Республики Татарстан или их отдельных положений, нормативных правовых актов Президента и Кабинета Министров Республики Татарстан, а также органов местного самоуправления.

Конституционный суд Татарстана, осуществляющий свои функции более 12 лет, с 29 июня 2000 года, заменил действовавший ранее (с декабря 1990 года) Комитет конституционного надзора Республики Татарстан, который был в некоторых аспектах своей деятельности прообразом Конституционного суда, но при этом являлся не судебным, а совещательным органом, действовавшим при республиканском парламенте и формулировавшим ему свои рекомендации. Конституционный суд осуществляет судебную власть в форме конституционного судопроизводства. Деятельность Конституционного суда Республики Татарстан на региональном уровне по существу аналогична деятельности Конституционного Суда Российской Федерации в общегосударственном масштабе.

Правовые основы создания Конституционного суда Татарстана были заложены Конституцией республики, которая еще в 1992 году одной из первых среди субъектов Российской Федерации закрепила положение о судебном органе конституционного контроля, а также определила его полномочия. Впоследствии Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 года № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», определяя строение данной системы, также предусмотрел возможность создания региональных органов конституционного правосудия в форме конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации. В соответствии с данным Законом конституционные (уставные) суды

отнесены к судам субъектов Российской Федерации и включены в состав единой судебной системы Российской Федерации. Эта федеральная норма предусматривает возможность создания в субъектах Федерации своих конституционных (уставных) судов, но не обязывает их к этому, оставляя решение данного вопроса на усмотрение самих российских регионов. Республика Татарстан в июне 2000 года окончательно сделала свой выбор в пользу обеспечения на своем уровне конституционной законности, создания дополнительного механизма формирования правового государства, защиты прав и свобод человека и гражданина.

Таким образом, создание Конституционного суда Татарстана придало целостность системе органов государственной власти республики, основанной на принципе разделения властей, обеспечив присутствия в ней республиканского органа судебной власти. Кроме того, это событие увеличило численность органов конституционного судопроизводства, функционирующих на уровне субъектов Российской Федерации, и стало значимой вехой в становлении российской региональной конституционной (уставной) юстиции. В соответствии с установленными законодательством полномочиями Конституционный суд Татарстана осуществляет судебный контроль за соблюдением республиканской Конституции, обеспечивает ее верховенство в правовой системе республики, гарантирует защиту конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Практика работы Конституционного суда Татарстана, как и остальных конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации, показывает, что защита конституционных прав и свобод человека и гражданина в сложившихся в государстве на современном этапе его развития условиях выходит на первый план как в количественном, так и в качественном отношении. Дела по защите основных прав и свобод человека и гражданина в практике Конституционного суда Татарстана являются самой многочисленной из категорий дел, рассматриваемых им при осуществлении своих судебных полномочий. Возможность обжалования гражданами и организациями положений республиканских и муниципальных нормативных правовых актов, касающихся осуществления ими основных прав и свобод, стала для них дополнительным, по сравнению с не имеющими своего органа конституционного (уставного) правосудия регионами, механизмом защиты данных прав и свобод.

Как показывает статистика, все большее количество граждан обращается в Конституционный суд Республики Татарстан за защитой своих прав и свобод. Доля рассмотренных в суде дел по жалобам граждан и их объединений на нарушение основных прав и свобод в общей практике Конституционного суда Татарстана превышает 80 процентов и из года в год увеличивается. Наиболее значимую часть составляют дела о предоставлении гарантий конституционных прав граждан в области социальной защиты и социального обеспечения. Доля обращений граждан по этим вопросам в общем количестве жалоб достигает 60 процентов. Социальная направленность итоговых решений Конституционного суда республики по данной категории дел предопределяется тем обстоятельством, что чаще всего в суд обращаются пенсионеры, ветераны Великой Отечественной войны и других вооруженных конфликтов, ветераны труда, инвалиды, члены многодетных семей, малообеспеченные граждане, жертвы техногенных катастроф (например, ядерных испытаний на Семипалатинском полигоне), а также иные лица, являющиеся получателями мер государственной поддержки. В частности, предметом рассмотрения Конституционного суда Татарстана становились правовые нормы, регулирующие порядок предоставления социальной помощи гражданам при внесении ими платы за жилье и за предоставленные им коммунальные услуги, правовые основания пенсионного обеспечения отдельных категорий граждан, условия проведения капитального ремонта в многоквартирных жилых домах, порядок оказания бесплатной медицинской помощи на территории Республики Татарстан.

Так, 29 июня 2010 года Конституционный суд Татарстана вынес постановление по делу о конституционности отдельных положений Закона Республики Татарстан от 8 декабря 2004 года № 63-ЗРТ «Об адресной социальной поддержке населения в Республике Татарстан» в связи с жалобой гражданина Ю.Я. Семибратова, являющегося лицом, подвергшимся

радиационному воздействию вследствие ядерных испытаний на Семипалатинском полигоне. По данному делу суд исследовал вопрос предоставления гражданам, имеющим одновременно право на получение мер социальной поддержки в соответствии с данным Законом и федеральными законами, мер социальной поддержки по одному из оснований по выбору гражданина, если иное не установлено федеральным законом. Конституционный суд республики признал оспариваемую норму соответствующей Конституции Республики Татарстан. При этом, исходя из проведенного анализа положений Федеральных законов, регламентирующих предоставление мер социальной защиты гражданам, подвергшимся воздействию радиации вследствие ядерных испытаний на Семипалатинском полигоне и катастрофы на Чернобыльской АЭС, а также правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, Конституционный суд Татарстана рекомендовал республиканскому законодателю внести в оспариваемую норму необходимое уточнение в условия предоставления мер социальной поддержки данным категориям граждан, что, как указал суд, явилось бы дополнительной гарантией соблюдения прав и законных интересов граждан, подвергшихся радиационному воздействию. Принимая во внимание данную правовую позицию Конституционного суда, Государственный Совет Татарстана внес в указанный республиканский Закон соответствующее дополнение. Примечательно, что в результате внесенных по рекомендации Конституционного суда поправок гарантии соблюдения прав в сфере социального обеспечения получили сразу две категории граждан – лица, подвергшиеся радиационному воздействию и вследствие ядерных испытаний на Семипалатинском полигоне, и вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС.

В практике Конституционного суда Республики Татарстан также есть дела по жалобам граждан на нарушение их гражданских (личных) и политических прав и свобод. Так, в постановлении от 24 мая 2007 года Конституционный суд Республики Татарстан подтвердил правомерность закрепленной в Уставе муниципального образования города Казани процедуры избрания на должность Мэра города Казани, согласно которой Глава муниципального образования города Казани избирается Городской Думой из своего состава тайным голосованием и данный порядок утрачивает силу со дня избрания депутатов Городской Думы второго созыва. Конституционный суд в своем решении указал, что предусмотренный оспариваемыми нормами порядок избрания Мэра города Казани не ограничивает право граждан на осуществление местного самоуправления, право избирать и быть избранным в органы местного самоуправления.

В постановлении от 17 апреля 2012 года по делу о проверке конституционности отдельных положений Закона Республики Татарстан «О соблюдении покоя граждан и тишины в ночное время» в связи с жалобой гражданина Д.А. Фролова Конституционный суд Республики Татарстан сформулировал правовую позицию, касающуюся реализации конституционных прав на охрану здоровья, отдых, свободу совести и свободу вероисповедания. Суд, в частности, подтвердил правомерность осуществления религиозных обрядов, культов и иных церемоний в ночное время, указав при этом, что его правовая позиция в равной мере распространяется на все конфессии в Республике Татарстан. Данное судебное решение способствовало сохранению традиций межконфессионального мира и согласия, устоявшихся в Татарстане. Оно получило широкий общественный резонанс, в том числе в религиозной среде. Трагически погибший в результате террористического покушения настоятель Апанаевской мечети Казани Валиулла хазрат Якупов так комментировал указанное постановление: «На мой взгляд, Конституционный суд Республики Татарстан принял очень взвешенное решение. Если бы решение суда было бы другим, то оно стало бы дискриминационным по отношению к достаточно большому сегменту населения Казани и Татарстана, которое заинтересовано в том, чтобы слышать азан... Если мы живем в едином обществе, то должны относиться с уважением к некоторым проявлениям конфессиональной культуры. Они могут кому-то не нравиться, но искусство совместного проживания в общем доме в том и заключается, что на некоторые вещи приходится закрывать глаза. А разрушить всегда легче, чем создать, но в

течение столетий мы создали такой паритет. И республиканский закон о тишине принимался после тщательного обсуждения. Мы были рады, что наш депутатский корпус отнесся с уважением к таким моментам, которые затрагивают чувства людей, их святыни. Так что я считаю, что это решение очень адекватно и поддержало эту традицию межконфессионального мира и взаимного уважения. От этого решения выиграло все общество» [1].

Правовые позиции Конституционного суда республики содержат ориентиры для законодательной и другой правотворческой деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления Республики Татарстан. В частности, в феврале 2012 года Конституционный суд Республики Татарстан рассмотрел дело о проверке конституционности отдельных норм Положения об организации деятельности станции скорой и неотложной медицинской помощи и Положения об организации деятельности отделения скорой медицинской помощи, утвержденных приказом Министерства здравоохранения Республики Татарстан от 7 августа 2000 года № 694 «О совершенствовании организации скорой медицинской помощи населению Республики Татарстан», в связи с запросом Уполномоченного по правам человека в Республике Татарстан. Указанные положения данных нормативных правовых актов, ставшие предметом рассмотрения в Конституционном суде Татарстана, устанавливали, что в рабочие дни и часы станции (отделения) скорой медицинской помощи не осуществляют межбольничные перевозки. Поводом для обращения Уполномоченного по правам человека в Республике Татарстан в Конституционный суд стала поступившая к Уполномоченному по правам человека жалоба гражданки В.Н. Воропаевой на нарушение ее конституционных прав и свобод, в которой указывалось, что сотрудники скорой медицинской помощи, ссылаясь на указанные нормы, отказались принять вызов на перевозку ее сына из одного медицинского учреждения в другое, что, по мнению автора жалобы, повлекло не оказание своевременной медицинской помощи больному и привело к его смерти. Конституционный суд в своем постановлении по данному делу в очередной раз обратил внимание правоприменителей на установленное Конституцией Республики Татарстан требование о том, что любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения.

Данные примеры наглядно демонстрируют роль Конституционного суда Республики Татарстан как органа судебного конституционного контроля, стоящего на защите прав и свобод человека и гражданина, гарантированных Конституцией. Итоговые решения Конституционного суда по жалобам граждан и их объединений на нарушение основных прав и свобод позволяют вносить необходимые коррективы в республиканское законодательство, обеспечивать соответствие правоприменительной практики положениям Конституции Республики Татарстан и по сути представляют собой эффективный инструмент отстаивания гражданами и их объединениями своих законных интересов в отношениях с государством. Тем самым осуществление Конституционным судом Республики Татарстан своей правозащитной функции свидетельствует о важной роли института регионального конституционного (уставного) правосудия и способствует повышению правовой защищенности граждан, проживающих в Республике Татарстан.

ЛИТЕРАТУРА

1. Интервью настоятеля Апанаевской мечети Казани Валиуллы хазрата Якупова «Искусство совместного проживания в том и заключается, что на некоторые вещи приходится закрывать глаза» Интернет-порталу 116.ru // URL: <http://116.ru/text/pulse/511085.html>

Щендригин Е.Н.,
доктор юридических наук, профессор, за-
служенный юрист Российской Федерации
(Орловский государственный университет)

Конституционно-правовые основы обеспечения национальной безопасности современной России

Анализируя конституционно-правовые основы обеспечения национальной безопасности современной России, автор исследует основные позиции по этому вопросу, нашедшие отражение в Конституции Российской Федерации, Концепции национальной безопасности Российской Федерации и Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года.

Ключевые слова: национальная безопасность, Стратегия национальной безопасности, конституционные нормы, политическая безопасность, национальные интересы

За последние годы в Российской Федерации произошли колоссальные изменения в осмыслении проблем национальной безопасности и становлении конституционно – правовых основ обеспечения национальной безопасности современной России.

Развитие конституционных и концептуальных основ обеспечения национальной безопасности Российской Федерации нашло свое воплощение в нормативных правовых актах и доктринах, официально принятых и действующих в настоящее время.

Ключевую роль в определении конституционно-правовых основ обеспечения национальной безопасности современной России играет Конституция Российской Федерации. Важно подчеркнуть, что Конституция Российской Федерации выступает одновременно источником и основой правовых норм в сфере обеспечения национальной безопасности современной России.

Уже в преамбуле Конституции Российской Федерации содержатся исходные принципы формирования российской государственности, ее функционирования и развития, которую своим волеизъявлением образует народ. Так, в ней указывается, что Конституцию принимает многонациональный народ, «соединенный общей судьбой на своей земле». Это означает, что существует определенная территория и население, соединенные вместе. Ведь территория и население выступают первоосновой национальной безопасности, поскольку люди, создавая государство, становятся нацией.

Кроме того, в преамбуле содержатся и другие базовые принципы объединения людей на данной территории, а именно: «утверждение прав и свобод человека, гражданского мира и согласия», что выражается как национальная ценность.

Не менее важным для развития правовых норм является принцип «сохранности исторически сложившегося государственного единства», что требует неделимости безопасности, ее равенности для всех народов, этнических групп и общностей, проживающих на территории Российской Федерации.

В качестве принципов национальной безопасности Российской Федерации следует рассматривать такие исходные положения, содержащиеся в преамбуле, как «возрождение суверенной государственности России», «утверждение незыблемости ее демократической основы», «стремление обеспечить благополучие и процветание России» и «ответственность за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями». Эти принципы направлены на сохранение именно содержательной стороны процесса обеспечения национальной безопасности, поскольку априори задают ее уровень, а именно такой, на котором они реализуются [1].

Важным для национальной безопасности является положение преамбулы, согласно которому население России «сознает себя частью мирового сообщества». Это означает, что в

современных отношениях безопасность нации должна обеспечиваться не за счет и не в ущерб другим народам и нациям. Второе вытекающее из этого принципа требование следует рассматривать в том смысле, что Российская Федерация, ее безопасность является элементом более высоких систем безопасности – региональной (например, европейской, азиатской и др.) и международной, или всеобщей.

Изложенные в преамбуле принципы предопределили содержащиеся в Конституции РФ нормы, которые как выступают базовыми правовыми основами национальной безопасности России, так и регулируют общественные отношения в этой сфере, поскольку Конституция – это закон прямого действия.

Положения, содержащиеся в преамбуле, находят свою детализацию в статьях Конституции и предопределяют развитие конституционных принципов и норм в законодательстве Российской Федерации, в частности, по национальной безопасности.

Для национальной безопасности основополагающими являются те нормы Конституции РФ, которые определяют совокупность и приоритетность объектов, чьи интересы подлежат безусловной защите, сохранению и развитию.

Так, согласно ст. 2 Конституции РФ, «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» [2]. В этой статье содержатся исключительные нормы и приоритетность в обеспечении национальной безопасности. Речь идет о том, что первоначальным, основным объектом национальной безопасности выступает человек, его права и свободы. Это означает:

- во-первых, что главным является человек, а затем гражданин, т.е. всем людям, находящимся на территории Российской Федерации, гарантируется безопасность;
- во-вторых, правами и свободами человека, содержащимися во «Всеобщей декларации прав человека» [3], обладают все люди, в том числе граждане Российской Федерации;
- в-третьих, в обязанности государства вменяется защищать и соблюдать указанные права и свободы;
- в-четвертых, права и свободы человека и гражданина выступают первичными перед интересами государства.

Важное значение для содержания и приоритетности обеспечения прав и свобод человека и гражданина имеет норма п.1ст. 55, согласно которой «перечисленные в Конституции Российской Федерации основные права и свободы не должны толковаться как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина». Тем самым в Конституции как бы имплементируются документы ООН, определяющие совокупность прав и свобод человека и гражданина. Очевидно, что между человеком и гражданином в РФ различия состоят не в правах и свободах, а в обязанностях. Для первых они более узкие, чем для вторых.

Таким образом, конституционные нормы не только регулируют отношения гражданина и государства в сфере безопасности, но и устанавливают их первенство в обеспечении. К тому же ст. 7 Конституции гласит, что «осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц», а это предопределяет отношения безопасности между гражданами.

Вместе с тем в жизни людей возникают ситуации, когда их права и свободы необходимо ограничивать, причем им же во благо. Очевидно, что такие ситуации должны быть оговорены в соответствующих законах, поскольку в противном случае могут возникнуть желание и возможность под видом обеспечения безопасности установить тотальный контроль за поведением и деятельностью граждан, как это было в отечественной истории. Произвольное ограничение прав и свобод человека и гражданина в России не допускается ни под каким видом. Однако согласно ст. 55, «права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц,

обеспечения обороны страны и безопасности государства». То есть ограничение прав и свобод может быть допущено в исключительных случаях, которые являются исчерпывающими, и на основании только федеральных законов.

Например, согласно п.1 ст. 56, «в условиях чрезвычайного положения для обеспечения безопасности граждан и защиты конституционного строя в соответствии с федеральным конституционным законом могут устанавливаться отдельные ограничения прав и свобод с указанием пределов и срока их действия».

Более того, Конституция строго запрещает ограничивать целый ряд прав и свобод, в частности, предусмотренных статьями 20, 21, 23 (ч. 1), 24, 28, 34 (ч. 1), 40 (ч. 1), 46–54 [2].

Такая жесткая норма с необходимостью обязывает государство, особенно такие его институты, как Федеральное Собрание и Конституционный Суд, не допускать превышений в ограничении прав и свобод человека и гражданина.

Таким образом, права человека и гражданина, их сохранение, защиту и реализацию следует считать не только конституционным интересом, но и базовой ценностью, показывающей уровень национальной безопасности. Иными словами, конституционные нормы в области прав и свобод человека и гражданина выступают тем основанием, нарушение которого влечет потерю безопасности Российской Федерации.

Особую значимость в обеспечении национальной безопасности имеет конституционная норма, напрямую определяющая требование к незыблемой основе национальной безопасности – территории. Согласно п.3 ст. 4 Конституции, «Российская Федерация обеспечивает целостность и неприкосновенность своей территории». Это означает, что любые попытки или нарушение территориальной целостности, независимо от того, чем оно вызвано: внешними или внутренними факторами, - следует рассматривать как угрозу национальной безопасности [1].

Очевидно, что потеря территории, независимо от того, какие этнические представители на ней проживают и каково их желание в ее отношении, приводит к нарушению всей системы общественных отношений, регулируемых данной нормой-принципом. Поэтому территориальный вопрос – это всегда вопрос нации и ее безопасности и требует всеобщего решения.

Важно подчеркнуть, что нормы Конституции не дают основания каким-либо территориальным образованиям к выходу из состава Российской Федерации, из чего следует, что национальная безопасность по масштабу не может сужаться. Вместе с тем, согласно п.2 ст. 65, «принятие в Российскую Федерацию и образование в ее составе нового субъекта осуществляются в порядке, установленном федеральным конституционным законом». Это значит, что национальная безопасность может только расширяться по масштабу, а расширившись, не может сужаться.

Конституция содержит и другие правоустанавливающие нормы, распространяющие свое действие на сферу национальной безопасности. Так, согласно ст. 3, «носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ. Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления» [2]. Эта статья предопределяет отношения гражданина и государства. Интерес граждан состоит в соблюдении суверенитета и независимости государственной власти и ее подотчетности своим гражданам. Речь идет о том, что никакая другая власть, кроме власти народа, не может иметь никаких полномочий в отношении власти государства. Иными словами, народ (совокупность людей, общество) имеет свои жизненно важные интересы, среди которых - независимость власти государства от других подобных властей [1].

Конституция однозначно устанавливает полномочия и ответственность уровней и органов государственной власти в сфере национальной безопасности. Например, п. "м" ст.71 относит к ведению Российской Федерации "оборону и безопасность; оборонное производство; определение порядка продажи и покупки оружия, боеприпасов, военной техники и друго-

го военного имущества; производство ядовитых веществ, наркотических средств и порядок их использования".

Согласно п."ж" ст.83, Президент РФ «формирует и возглавляет Совет Безопасности Российской Федерации, статус которого определяется федеральным законом» [2].

Конституция РФ содержит норму, которая предопределяет иерархию законодательства, в том числе в сфере национальной безопасности. Так, п.2 ст. 4 Конституции определяет, что «Конституция Российской Федерации и федеральные законы имеют верховенство на всей территории Российской Федерации». Это значит, что все федеральные конституционные и федеральные законы, в том числе издаваемые по вопросам национальной безопасности, не должны противоречить нормам Конституции [1].

Анализ нормативных правовых документов и научной литературы в сфере обеспечения национальной безопасности позволяет утверждать, что исходя из содержания и особенностей тех или иных сфер жизни общества и угроз безопасности личности, общества и государства, национальную безопасность можно разделить на политическую, экономическую, социальную, экологическую, информационную, военную и другие виды безопасности.

Политическая безопасность - такое состояние политической системы, которое гарантирует права и свободы граждан, социальных групп, обеспечивает баланс их интересов, стабильность и целостность государства, его благоприятное международное положение.

Политическая безопасность - это составная часть, главное звено и основа национальной безопасности. Неотъемлемым признаком политической безопасности государства является суверенитет. Это понятие определяется как возможность ведения государством независимой внешней и внутренней политики. Другими словами, суверенитет - это верховенство государственной власти внутри страны, означающее подчинение ему всех лиц и организаций в пределах государственной территории и независимость в международных отношениях.

Экономическая безопасность - состояние жизнедеятельности личности, социальной группы и общества в целом, при котором гарантируется защита их материальных интересов, гармоничное, социально ориентированное развитие экономики, обеспечивается способность государства определять без вмешательства извне пути и формы своего экономического развития.

Социальную безопасность можно определить как такое состояние развития личности, различных групп населения, общества и государства, при котором они сохраняют удовлетворенность своим социальным статусом, а отношения внутри них и между ними не носят конфронтационный характер.

Под информационной безопасностью понимается способность государства защищать все сферы общественной жизни, сознание и психику граждан от негативного информационного воздействия, обеспечение управленческих структур достоверными данными для их успешного функционирования, недопущение утечки закрытой общественно ценной информации и сохранение постоянной готовности к информационному противоборству внутри страны и на мировой арене.

Военная безопасность - это состояние, при котором нация не жертвует своими интересами из-за боязни оказаться вовлеченной в войну и способна надежно и эффективно защищать их военными средствами и методами, если войны избежать не удалось.

Специфика этого вида безопасности заключается в том, что военная безопасность служит условием обеспечения многих других видов безопасности и в то же время обеспечивается на их основе.

Исторический опыт показывает, что отсутствие или слабость государства в военном отношении часто подталкивали другие страны к вооруженной агрессии, осуществлению своих интересов в конкретном регионе за счет игнорирования или ущемления чужих.

Анализируя конституционно-правовые основы обеспечения национальной безопасности современной России, следует указать, что на смену «Концепции национальной безопасности Российской Федерации» (в ред. 2000 г.) пришла «Стратегия национальной безопасно-

сти Российской Федерации до 2020 года» (Стратегия). Она была утверждена указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 года № 537 [4].

Представляется, что необходимость ее разработки и принятия была вызвана рядом важных факторов.

Во-первых, обострением межгосударственных противоречий, связанных с неравномерностью их развития и углублением разрыва между уровнями благосостояния стран.

Во-вторых, уязвимостью всех членов международного сообщества перед лицом новых вызовов и угроз.

В-третьих, с укреплением новых центров экономического роста и политического влияния складывается качественно новая геополитическая ситуация, связанная с решением имеющихся проблем и урегулированием кризисных ситуаций на региональной основе без участия нерегиональных сил.

В-четвертых, несостоятельностью систем глобальной и региональной безопасности (ориентированной, особенно в Евро-Атлантическом регионе, только на Организацию Североатлантического договора).

В-пятых, несовершенством правовых инструментов и механизмов, создающих угрозу обеспечению международной безопасности.

В-шестых, необходимостью решения важных внутренних вопросов в области здравоохранения, образования, науки, экологии, культуры, а также повышения уровня благосостояния граждан и экономического роста.

«Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» - своего рода ответ на новую международную обстановку.

Она является базовым документом по планированию развития системы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. В ней излагаются порядок действий и меры по обеспечению национальной безопасности. Стратегия - основа для конструктивного взаимодействия органов государственной власти, организаций и общественных объединений для защиты национальных интересов Российской Федерации и обеспечения безопасности личности, общества и государства.

Кроме того, в этом документе уточнен и конкретизирован ряд важных понятий современной теории национальной безопасности.

Так, «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» определяет, что национальная безопасность - состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства.

Национальные интересы Российской Федерации характеризуются как совокупность внутренних и внешних потребностей государства в обеспечении защищенности и устойчивого развития личности, общества и государства.

Угроза национальной безопасности трактуется как прямая или косвенная возможность нанесения ущерба конституционным правам, свободам, достойному качеству и уровню жизни граждан, суверенитету и территориальной целостности, устойчивому развитию Российской Федерации, обороне и безопасности государства.

Стратегические национальные приоритеты определяются как важнейшие направления обеспечения национальной безопасности, по которым реализуются конституционные права и свободы граждан Российской Федерации, осуществляются устойчивое социально-экономическое развитие и охрана суверенитета страны, ее независимости и территориальной целостности.

В Стратегии определены национальные интересы Российской Федерации и стратегические национальные приоритеты.

Национальные интересы нашего государства на долгосрочную перспективу заключаются в:

- развитии демократии и гражданского общества, повышении конкурентоспособности национальной экономики;
- обеспечении незыблемости конституционного строя, территориальной целостности и суверенитета Российской Федерации;
- превращении Российской Федерации в мировую державу, деятельность которой направлена на поддержание стратегической стабильности и взаимовыгодных партнерских отношений в условиях многополярного мира.

Таким образом, Стратегия национальной безопасности Российской Федерации – это принципиально новый документ. В нем впервые четко отражены стратегические национальные приоритеты и обозначены основные критерии оценки состояния национальной безопасности.

Стратегические национальные приоритеты характеризуются как внутренние и внешние суверенные потребности государства в обеспечении национальной безопасности.

Основными приоритетами национальной безопасности Российской Федерации являются национальная оборона, государственная и общественная безопасность.

Для обеспечения национальной безопасности Российская Федерация сосредоточивает свои усилия и ресурсы на следующих приоритетах устойчивого развития:

- повышение качества жизни российских граждан путем гарантирования личной безопасности, а также высоких стандартов жизнеобеспечения;
- экономический рост, который достигается прежде всего путем развития национальной инновационной системы и инвестиций в человеческий капитал;
- наука, технологии, образование, здравоохранение и культура, которые развиваются путем укрепления роли государства и совершенствования государственно-частного партнерства;
- экология живых систем и рациональное природопользование, поддержание которых достигается за счет сбалансированного потребления, развития прогрессивных технологий и целесообразного воспроизводства природно-ресурсного потенциала страны;
- стратегическая стабильность и равноправное стратегическое партнерство, которые укрепляются на основе активного участия России в развитии многополярной модели мироустройства.

Основными критериями оценки состояния национальной безопасности Российской Федерации являются:

- уровень безработицы (доля от экономически активного населения);
- уровень роста потребительских цен;
- уровень государственного внешнего и внутреннего долга в процентном отношении от валового внутреннего продукта;
- уровень обеспеченности ресурсами здравоохранения, культуры, образования и науки в процентном отношении от валового внутреннего продукта;
- уровень ежегодного обновления вооружения, военной и специальной техники;
- уровень обеспеченности военными и инженерно-техническими кадрами;
- децильный коэффициент (соотношение доходов 10% наиболее обеспеченного и 10% наименее обеспеченного населения).

В целом, реализация «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» призвана стать мобилизующим фактором развития национальной экономики, улучшения качества жизни населения, обеспечения политической стабильности в обществе, укрепления национальной обороны, государственной безопасности и правопорядка, повышения конкурентоспособности и международного престижа России. Основное содержание обеспечения национальной безопасности состоит в поддержании правовых и институцио-

нальных механизмов, а также ресурсных возможностей государства и общества на уровне, отвечающем национальным интересам Российской Федерации.

Состояние национальной безопасности Российской Федерации напрямую зависит от экономического потенциала страны и эффективности функционирования системы обеспечения национальной безопасности.

Важно отметить, что безопасность общества в целом зависит от состояния защищенности всех его сфер (областей), таких как здравоохранение, образование, культура, наука, экология и т.д.

Анализ нормативных правовых документов позволяет выделить основные принципы обеспечения национальной безопасности современной России:

1. Приоритет национальных интересов.
2. Законность.
3. Ответственность органов и сил национальной безопасности за ее обеспечение в лице их руководящих должностных лиц перед законом.
4. Информированность общества при строгом соблюдении государственной, служебной и коммерческой тайны.
5. Единство государственной политики в области обеспечения национальной безопасности.
6. Эффективность и оптимальность мер по обеспечению национальной безопасности.

Таким образом, анализ конституционно-правовых основ обеспечения национальной безопасности Российской Федерации показывает, что национальными интересами России на современном этапе развития российского общества и государства являются: предотвращение угроз национальной безопасности России по всему их спектру; территориальная целостность страны; сохранение гражданского мира, свободы и обеспечение прав человека; обеспечение интересов России в политической и геополитической сфере; обеспечение экономических интересов Российской Федерации.

К основным объектам национальной безопасности относятся: личность, ее права и свободы; общество, социальный мир и согласие; государство, его конституционный строй, суверенитет и территориальная целостность.

ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ницевич В.Ф. Национальная безопасность России. - М., 2007. - С.24-29.
2. Конституция Российской Федерации (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ)// Парламентская газета. - 2009. - N4.
3. Всеобщая декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.
4. О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: Указ Президента РФ от 12.05.2009 N 537 //Российская газета. - 2009. - N 88.

К вопросу об основных направлениях реформирования политической системы современной России: историко-политический аспект

В статье выявляются основные тенденции и перспективы развития политической системы современной России. Характеризуется качественное состояние конституционно-го регулирования федеративных отношений и обозначаются некоторые направления его дальнейшего совершенствования.

Ключевые слова: политическая система, федерация, политическая партия, федеративные отношения

Политическая система современной России динамично развивается. В процессе поэтапного реформирования она неизбежно сталкивается с новыми вызовами, угрозами и рисками для развития общества и государства. Важнейшим стратегическим национальным приоритетом, позволяющим обеспечить устойчивое социально-экономическое развитие страны, по сей день остаётся охрана государственного суверенитета Российского государства, его территориальной целостности. Обеспечение незыблемости конституционного строя Российской Федерации занимает не последнее место в перечне её национальных интересов на долгосрочную перспективу[1]. Мировой экономический кризис, продемонстрировавший социально-экономические изъяны западных либеральных политических режимов, обострение международных противоречий и т.п. актуализируют задачу выявления тенденций, определения направления дальнейшего пути политического развития России. Ситуация осложняется усиливающейся политической поляризацией российского общества, отсутствием общей национальной идеи.

В развитии отечественной политической системы в 2000-х гг. всё отчетливее выделяются этапы, характеризующиеся особым содержанием и направленностью.

Вектор развития политической системы в 2000-х гг. определялся политикой укрепления вертикали власти, имевшей целью вывод страны из хаоса 90-х, борьбу с экстремизмом и сепаратизмом, унификацию политико-правовой системы страны, централизацию федеративных отношений, консолидацию федеральной и региональных элит. Содержанием её в черед прочего стало учреждение института полномочного представителя Президента в федеральных округах, изменение порядка наделения полномочиями высшего должностного лица субъекта федерации, введение нового порядка формирования Совета Федерации, создание Государственного Совета РФ, масштабная ревизия двусторонних договоров, заключённых между федеральным центром и регионами [2]. Важной вехой в реформировании российской партийной системы стало повышение требований для регистрации общественного объединения в качестве политической партии: "...в политической партии должно состоять не менее пятидесяти тысяч членов политической партии, при этом более чем в половине субъектов Российской Федерации политическая партия должна иметь региональные отделения численностью не менее пятисот членов..." [3]. Серьёзные изменения вносятся в избирательное законодательство: повышен до 7% порог допуска федеральных списков кандидатов к распределению мандатов в Государственной Думе РФ, отменены возможности голосовать против всех, голосовать по одномандатным округам [4].

Главными положительными результатами реформы политической системы 2000-2008гг. стало сохранение политического единства государства, консолидация политической элиты страны, унификация законодательного процесса и системы российского законодательства.

Проводимые меры встретили массовую поддержку со стороны граждан России, что проявилось в том числе и в популяризации Президента В.Путина и консолидировавшей в

своих рядах представителей федеральной и региональных элит политической партии «Единая Россия». В Государственной Думе 5-го созыва (2007-2011 гг.) депутаты от «Единой России» имели 70 % мест, что обеспечивало квалифицированное большинство и открывало широкий простор законодательной деятельности. Посредством ресурса «Единой России» была проведена корректировка Конституции в части увеличения срока полномочий Президента и Госдумы до шести и пяти лет соответственно, о чём заявил ещё 5 ноября 2008 года в послании к Федеральному Собранию РФ Президент Медведев [5]. А 7 ноября 2008 г. премьер В. Путин на встрече с руководством партии "Единая Россия" заявил: "Думаю, что "Единая Россия" должна поддержать позицию президента и за счет своего политического ресурса обеспечить прохождение президентских предложений через федеральный парламент, а при необходимости и через законодательные собрания регионов" [6].

Достижение некоторой политической стабильности, консолидация конфликтовавших на протяжении 90-х гг. федеральной и региональных элит породили в обществе надежды на дальнейшее повышение роли и ответственности государственной власти в решении многочисленных социальных проблем.

Однако дальнейшее реформирование политической системы России характеризуется последовательной либерализацией и децентрализацией, что составляет содержание нового этапа развития политической системы.

В сентябре 2009 г. президент Д. Медведев опубликовал в интернет-издании «Газета.Ru» статью «Россия, вперёд!», в которой изложил своё представление о будущем развитии России, в том числе и её политической системы. Важным элементом будущей политической системы, судя по содержанию статьи президента, должны были стать политические партии: «Партии и их коалиции будут формировать федеральные и региональные органы исполнительной власти (а не наоборот), выдвигать кандидатов на пост главы государства, руководителей регионов и местного самоуправления. Они будут иметь длительный опыт цивилизованной политической конкуренции. Ответственного и содержательного взаимодействия с избирателями, межпартийного сотрудничества и поиска компромиссных вариантов решений острейших социальных проблем. Соединят в политическое целое все части общества, граждан всех национальностей, самые разные группы людей и наделенные широкими полномочиями российские земли» [7]. Необходимым условием обновления партийной системы в статье ставится достижение межпартийного консенсуса, в том числе и в отношении основ конституционного строя: «Политическая система будет обновляться и совершенствоваться в ходе свободного соревнования открытых политических объединений. При сохранении межпартийного консенсуса по стратегическим вопросам внешней политики, социальной стабильности, национальной безопасности, основ конституционного строя, охраны суверенитета нации, прав и свобод граждан, защиты права собственности, неприятия экстремизма, поддержки структур гражданского общества, всех форм самоорганизации и самоуправления» [7].

Приведённые цитаты, думается, свидетельствуют о некоторой идеализации роли партийной системы, пусть и высокоразвитой, в упрочнении федеративного государства в условиях предполагаемой широкой децентрализации. Подобное соревнование политических объединений должно проходить на «ровном» конституционно-правовом поле, с безусловным принятием ими установленных государством «правил игры». Говорить о межпартийном консенсусе по вопросам, составляющим функциональную нагрузку государства (внешняя политика, нац. безопасность, основы конституционного строя, охрана суверенитета и т.п.) как о необходимом условии обновления политической системы вряд ли стоит. Государство как основной элемент политической системы должно обеспечивать прочный фундамент функционирования и развития институтов гражданского общества.

К сожалению, за весь срок работы Государственной Думы 5 созыва (2.12.2007 – 26.12.2012) не было принято каких-либо мер, направленных на реальное укрепление конституционно-правовых основ российской государственности. Последовательная либерализация

политической системы переносит нагрузку в решении важных социальных проблем на плечи не развитого ещё гражданского общества, освобождая от ответственности государство. Вместе с тем предпринятая ревизия конституционного законодательства, результатом которой стало увеличение сроков полномочий президента и парламента, способствовала, прежде всего, укреплению личной власти президента и влияния правящей партии «Единая Россия», консолидировавшей в своих рядах представителей чиновничьих бюрократических структур федерального и регионального уровней.

В ноябре 2011 года, накануне декабрьских выборов в Государственную Думу РФ, лидеры «Единой России» поставили вопрос о дальнейшей децентрализации федеративных отношений, а Президент России Д.Медведев согласился с тем, что вопросы децентрализации полномочий и повышения роли регионов должны найти отражение в государственной политике [8]. Декабрьские выборы в Госдуму, хотя и были проведены на «высоком организационном уровне» в большинстве регионов, продемонстрировали падение доверия к сложившемуся политико-правовому режиму. Отсутствие ощутимого улучшения уровня жизни граждан, безответственность и произвол госчиновников, небывалый размах коррупции, лишавшей страну потенциала для дальнейшего развития, явились неизбежными причинами прокатившихся по стране массовых акций протеста, выразивших сомнения в легитимности результатов выборов в Государственную Думу.

В своём послании к Федеральному Собранию 22 декабря 2011 г. Президент Д.Медведев озвучил ряд инициатив по дальнейшему развитию политической системы страны. Важнейшими новшествами, реализованными в развитие положений этого программного документа, стали упрощение порядка регистрации политических партий и возобновление прямых выборов высших должностных лиц субъектов федерации. В соответствии с внесёнными изменениями в законодательство численность членов партий снижается с минимальных 40 тысяч до 500, расширены возможности партий по подаче регистрационных документов, упрощается система их отчетности [9]. Кандидаты на должность высшего должностного лица субъекта РФ, выдвигаемые политическими партиями либо в порядке самовыдвижения, должны получить поддержку депутатов представительных органов муниципальных образований и (или) избранных на муниципальных выборах глав муниципальных образований соответствующего субъекта РФ [10].

В складывающейся социально-политической обстановке указанные меры, направленные на демократизацию политической системы, получают весьма специфическое наполнение. Увеличение числа политических партий будет способствовать значительному «размыванию» оппозиции, прежде всего левой. Так называемый муниципальный фильтр, который должны проходить кандидаты на пост высшего должностного лица в субъектах, в условиях, когда муниципальный уровень представляет собой, по сути, «нижний этаж» государственных структур, вряд ли окажет содействие демократизации института выборов глав регионов.

Проводимая реформа политической системы всё более ассоциируется в общественном сознании с укреплением личной власти Президента и его партии, а отнюдь не с укреплением государства, роль которого как основного элемента политической системы неуклонно падает. Видимое политическое единство и согласие установлены не на основе создания, укрепления соответствующих политических институтов, но на основе партийной консолидации, иерархии и дисциплины. Показательно, кстати, что в данном функциональном отношении «Единая Россия» всё чаще сравнивается с КПСС, имевшей конституционный статус «ядра политической системы».

Исторический опыт свидетельствует о необходимости своевременной модернизации конституционного законодательства в условиях динамичного изменения экономической и политической конъюнктуры. Сохранение политического единства страны возможно лишь при условии создания чётких институциональных форм политического устройства, закреплённых в основном законе страны.

Представляется, что уже к концу прошлого десятилетия сложились необходимые предпосылки дальнейшего укрепления конституционного строя России путём устранения из конституционного законодательства положений, являющихся источником противоречий федеративных отношений на протяжении 1990-х гг. и составляющих источник перманентной конфликтности и по сей день. Действующая Конституция была принята в непростой ситуации обострения политического конфликта и революционных преобразований, явившись во многом следствием компромисса. Многие её положения, в том числе и затрагивающие основы конституционного строя, не поддаются однозначной трактовке, сохраняют пространство для политического манёвра. Кроме того, не может не вызывать опасений и то, что за период проведения политики выстраивания вертикали власти были преодолены далеко не все противоречия между федеральным и республиканским конституционным законодательством. Например, действующая редакция Конституции Республики Татарстан сохранила положение о суверенном статусе республики в составе Российской Федерации, вопреки постановлению Конституционного Суда РФ, не признававшему за республиками в составе России подобный статус.

Подобные недостатки конституционного регулирования должны являться объектом тщательного анализа и подлежать устранению.

Справедливо заметить, что сложившаяся сегодня на практике модель российского федерализма вполне оправдывает себя. Она является залогом прочности и устойчивости государства, что само по себе жизненно необходимо для социально-экономического развития страны, роста жизненного уровня ее населения, сохранения великого духовного и многообразного культурного наследия ее народа.

Фактически нивелирован статус различных типов субъектов Российской Федерации путем введения единообразного порядка организации их законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти и разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти РФ и органами государственной власти субъектов РФ. Сохраняющиеся различия носят лишь номинальный характер, что трактуется как дань исторически сложившейся традиции. Таким образом, современная Россия - фактически симметричная федерация.

Разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации осуществляется преимущественно Конституцией; Федеративный и иные договоры о разграничении предметов ведения и полномочий фактически изъяты из разграничительного процесса. Таким образом, современная Россия - фактически конституционная федерация. Представляется целесообразным и своевременным придание оформившейся модели конституционного статуса, устранив из текста основного закона положения, допускающие возможность «люфта» между различными моделями федеративного устройства.

Для пересмотра положений Конституции, имеющих отношение к затронутой проблематике, необходима поддержка тремя пятими голосов от общего числа членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы и созыв Конституционного Собрания в соответствии с федеральным конституционным законом (ст.135 Конституции РФ).

Таким образом, одной из возможных и целесообразных альтернатив дальнейшего реформирования политической системы России является разработка, широкое общественное обсуждение проблем оптимизации конституционных основ российского федерализма, публичное обсуждение и принятие федерального конституционного закона о Конституционном Собрании Российской Федерации.

ЛИТЕРАТУРА

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. N 537 //Российская газета. 2009. 19 мая.
2. Микерин А.А. Административная реформа и новые контуры модели российского федерализма// Государственно-правовая политика в северо-западном регионе: материалы

международной научно-практической конференции, 29-30 октября 2010 г. СПб., 2010. С. 105-109.

3. О внесении изменений в Федеральный закон "О политических партиях": Федеральный закон Российской Федерации от 20 декабря 2004 г. N 168-ФЗ// Российская газета. Федеральный выпуск. 2005. 24 мая.

4. О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 18 мая 2005 г. N 51-ФЗ// Российская газета. Федеральный выпуск. 2004. 24 декабря

5. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации 5 ноября 2008 года //Президент России. Официальный сайт. <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2008/11/208749.shtml> (23.10.2012)

6. Путин В.В.: "Единая Россия" должна обеспечить поддержку положений Послания президента// Вести (интернет-газета). 2012. 23 октября <http://www.vesti.ru/doc.html?id=221599> (23.10.2012)

7. Дмитрий Медведев: Россия, вперед! // Газета.Ру 10.09.09. http://www.gazeta.ru/comments/2009/09/10_a_3258568.shtml (23.10.2012)

8. Заседание президиума Госсовета по вопросу повышения роли регионов в модернизации экономики//Президент России. URL: <http://kremlin.ru/news/13477> (11.12.2011)

9. О внесении изменений в Федеральный закон "О политических партиях": Федеральный закон Российской Федерации от 2 апреля 2012 г. N 28-ФЗ// Российская газета. Федеральный выпуск. 2012. 4 апреля.

10. О внесении изменений в Федеральный закон "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации" и Федеральный закон "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации": Федеральный закон Российской Федерации от 2 мая 2012 г. N 40-ФЗ// Российская газета. Федеральный выпуск. 2012. 4 мая.

Р.Н. Максакова,
к.ю.н., доц.,
(Институт права имени Владимира Сташиса
Классического частного университета,
г. Запорожье, Украина)

Место категории «учредительная власть» в системе соотношения категорий «власть», «публичная власть», «власть народа» как общественно–политических и правовых понятий

Автор отмечает, что современные научные исследования власти как общественно–политического и правового явления должны уделять особое внимание поискам единых подходов к пониманию категории «учредительная власть» в системе власти. В результате этих поисков можно будет разработать правильные, взвешенные и научно обоснованные позиции относительно форм и субъектов реализации учредительной власти в демократическом обществе.

Ключевые слова: власть, власть народа, государство, общество, публичная власть, человек, учредительная власть.

Исследование содержания, а также соотношения понятий «власть», «публичная власть», «власть народа» остается актуальным вопросом современной науки. Эти категории составляют научный интерес как для правоведов, политологов, социологов, историков, так и для рядовых граждан, так как вопрос власти, ее природы, субъектов, способов и порядка реализации в любом обществе всегда были и остаются одними из самых болезненных вопросов, которые возникали в процессе развития человечества. Новый этап конституционного процесса в Украине, начало которого связывают с созданием и деятельностью Конституционной Ассамблеи, актуализировал среди огромного количества – вопрос выявления места учредительной власти в системе власти в целом. Каково содержание учредительной власти, какие существуют формы её реализации, а также другие вопросы учредительной власти активно обсуждаются на конференциях, становятся предметом ряда научных изысканий.

Понятие и содержание выбранных нами в качестве предмета исследования научных категорий стали предметом разработки большого количества работ, среди которых труды Ю. Бальция, М. Вебера, А. Горных, Д. Квадранта, Б. Краснова, А. Крусян, М. Мажейко, А. Мучника, В. Погорилка, М. Теплюка, Ю. Тодыки, Ю. Фрицкого, Г. Чапалы, Ф. Шамхалова, В. Шаповала.

Целью представленной научной статьи является определение места категории «учредительная власть» в системе соотношения понятий «власть», «публичная власть», «власть народа».

Категория "власть" является многогранным общественно–политическим и правовым понятием. Существуют различные его определения. В современной энциклопедической литературе власть определяется как: 1) отношения между людьми, когда одни командуют, а другие подчиняются, 2) способность достигать поставленной цели, 3) способность социально–политической системы обеспечивать выполнение принятых ею решений; 4) способ самоорганизации человеческого сообщества, основанной на распределении функций управления и исполнения, 5) возможность и способность осуществлять свою волю [1].

Разнообразие подходов к определению этого понятия является характерным не только для современной научной мысли. Вопрос власти начинает беспокоить исследователей еще в древние времена, тем не менее их взгляды на определение и содержание власти также не однозначны. Дело в том, что при исследовании содержания одного и того же явления, в данном случае власти, представители разных наук используют этот термин для отражения различных явлений, имеющих лишь некоторые из присущих власти признаков. Так, философы говорят о власти объективных законов общества, социологи – о власти социальной, политологи

– о власти политической, экономисты – о власти в хозяйственной сфере, или же вообще этот термин употребляется в отношении явлений, которые не являются социальными, – богословы говорят о власти Бога, психологи – о власти человека над собой, а представители естественных наук – о власти над природой.[2] Следует поддержать позицию Г.В. Чапалы, который отмечает, что эти подходы лишь дополняют друг друга, а попытки дать всеобъемлющее определение власти должны сочетать все стороны власти как многоаспектного общественного явления, ибо все они ограничивают понимание власти лишь одним из ее проявлений; что же касается формирования чисто юридического понятия власти – надо ограничить ее рядом признаков, прежде всего таких, как легальность и легитимность.[3]

Власть – в классических философских концепциях – особые отношения между людьми, способность осуществлять свою волю. [4] Воля – феномен саморегуляции субъектом своего поведения, что обеспечивает векторную ориентацию имманентных состояний сознания на объективированную цель и концентрацию усилий на достижение последней. Через акт воли субъект объективирует (посредством уяснения своих потребностей), легитимирует (на основании осуществления выбора) и санкционирует в качестве цели субъективное желание, что конструируется в этом процессе как цель деятельности, которая объективно реализуется, выступая, с одной стороны, результатом рефлексии над потребностями, а с другой – прогностическим образом будущего продукта деятельности.[5]

Проблема власти была систематически проанализирована в социологии Вебера, который ввел понятие легитимности господства (признания власти управляемыми индивидами), выделил легальный, традиционный, харизматический виды власти, а также личностный и формально-рациональный типы власти.

Следует отметить, что в политико-юридической литературе отсутствует единообразное понимание власти. Это следует не только из многозначности, разноплановости и разноречивости самой категории "власть", но и обусловлено различными философско-методологическими подходами к пониманию этого социального феномена. Вместе с тем большинство ученых едины в том, что власть является сложным, многосторонним явлением, которое проявляется в различных организационных формах, методах и способах ее осуществления, находит свое проявление в системе отношений, определениях, целях и т. д.

В настоящее время при анализе власти рассматривают в качестве ее видов политическую, экономическую, государственную, семейную власть, учитывая различные ее формы (господство, руководство, управление, организация, контроль) и методы (авторитет, право, насилие).[6]

Определяя назначение в обществе и сущностные характеристики власти, Ф. Шамхалов указывает, что власть возникла вместе с человеческим обществом и вместе с ним прошла длинный путь становления и развития. Она коренится в самой природе человека как общественного существа. В развитии и функционировании общества власть всегда играла и продолжает играть незаменимую роль; невозможно любое общество представить без той или иной власти, с этим феноменом в той или иной форме мы сталкиваемся во всех сферах жизни. Иначе говоря, власть составляет базовую характеристику общества, она выполняет много разнообразных задач управления обществом и регулирования социально-экономических, политических и других процессов и явлений. Это, утверждает автор, вполне понятно, если учесть, что именно власть является тем стержнем, который объединяет людей в одно целое, делает из хаотической множественности людей единое сообщество, которое имеет свои особые интересы и волю к совместной жизни. Без власти не может быть и самого человека, и человеческого общества, поскольку само возникновение человека, его выход из животного или стадного состояния тесно связаны с укрощением отдельных природных задатков, преодолением индивидуалистических и агрессивных устремлений отдельно взятого индивида интересам такого, социальной жизни, интересам общины.

Власть – древнее, универсальное свойство любой социальной организации, в которой в обязательном порядке присутствуют как элемент господства, так и элемент подчинения.

Под властью в самом широком смысле этого слова, отмечает Ф.Шамхалов, как правило, понимают способность ее субъекта – отдельного человека, группы, руководства профсоюзной организации, крупной корпорации или заинтересованной группы – навязать свою волю другим людям, коллективам, организациям, распоряжаться и управлять их действиями, используя различные насильственные и ненасильственные средства и методы, с тем чтобы приспособить их поведение к своим собственным интересам.

Власть – это прежде всего система общественных отношений между теми, кто ее имеет, и теми, на кого она распространяется (подвластными). В этом смысле власть – это присущее обществу волевое отношение между людьми. Власть необходима, указывал Аристотель, прежде всего для организации общества, которое немыслимо без подчинения всех участников единой воле, для поддержания его целостности и единства. Здесь имеются в виду ведущие и ведомые, речь идет об отношении субъекта и объекта власти. Первостепенная значимость субъекта выражается в распространенном отождествлении власти с ее носителем. Отношение объекта к субъекту властвования меняется от решительного сопротивления к добровольной покорности. Вообще, подчинение, которое базируется на страхе, привычке, убеждении, так же свойственно человеку, как стремление к господству.

Понятие власти, пишет Ф. Шамхалов, дает ключ к пониманию социальных, религиозных, политических и других институтов, социально-политических движений и общества в целом. Само слово "власть" употребляется в очень широком смысле. Говорят о родительской, хозяйской, военной власти, о власти предпринимателя над своими работниками, власти учителя над учениками. Философы говорят о власти духа, ума, культуры, естествоиспытатели – о власти над природой, политики – о политической власти, психологи – о власти человека над собой. Научный подход к определению власти, по мнению автора, требует учета многих форм ее проявления в обществе, а значит, выяснения специфических особенностей отдельных ее видов – экономической, политической (в том числе государственной, общественной), семейной; разграничения классовой, групповой, личной властей, переплетающихся между собой, однако не сводящихся друг к другу; разграничение особенностей, форм и методов проявления власти в различных социальных, экономических и политических системах. Естественно, что и содержание всех видов власти, в том числе политической и экономической, оказывается в строго определенных формах, к которым этот автор причисляет господство, руководство, управление, организацию и контроль.[7]

В отечественной науке в последние годы феномен власти также рассматривается как многогранное явление, пронизывает различные сферы человеческого бытия. В научной литературе, отмечает, в частности, украинский правовед М.А. Теплюк, предложены различные подходы к пониманию власти, причин ее возникновения. Исходя из методологии познания, истоки власти, по мнению автора, следует искать в материальных условиях жизни общества. Природа власти, ее значение для человека станут более понятными, если познать ее сущность и назначение в обществе. Наиболее продуктивным названный автор считает представление, что связывает власть с условиями осуществления общественного производства как материальной основы существования людей, с тем, что феномен власти проявляется в процессе социального управления. Он определяет власть как направляющую основу для социального управления. Характер управления общественными процессами зависит от характера власти, реализации которой управление всегда подчиняется.

С возникновением в обществе отношений частной собственности, отмечает далее М.А. Теплюк, "общественная власть приобретает политический характер. Субъектом политической власти становится господствующий слой или общественный класс, который реализует свою власть через ряд классовых организаций (носителей политической власти), главной из которых становится государство. Только на основе государственной власти утверждается реальная политическая власть того или иного общественного слоя. Государственная власть является способом реализации политической власти".[8]

Исследуя вопрос соотношения государственной и политической власти, Ю.О. Фрицкий пришел к выводу, что «первичной, господствующей во взаимоотношениях политической власти с государственной всегда есть политическая власть, а вторичной – государственная власть, оптимальная организация и функционирование которой напрямую зависит от содержания этой политики, которая проводится в государстве, однако, в свою очередь, государственная власть одновременно может в определенной степени влиять на эту политику с помощью Конституции, законов и других нормативно–правовых актов».[9]

Критикуя высказанные в литературе точки зрения относительно природы государственной власти, М.А. Теплюк отмечает, что "не всякая общественная власть имеет политический характер, но всякая политическая власть стремится приобрести публичную форму, выступать, прежде всего, как государственная власть. Это происходит потому, что политическая власть, по словам автора, принадлежит только определенной части социально расслоенного общества и поэтому не может выполнить функцию управления им в общественных интересах". Имманентной функцией публичной власти является, как утверждает автор, исполнение "общих дел", обусловленных интересами общества как целостности. Публичная власть, отмечает он, "является необходимым условием реализации общих интересов всех членов общества, независимо от их социального положения".

А.Р. Крусян также отмечает, что публичная власть – это "власть, которая распространяется на всех членов общества ("publicum"), а не на отдельную личность, обладающая таким свойством, как всеобщность, имеет общественный характер".[10]

Вместе с тем, указывает далее М.А. Теплюк, публичная власть в современном обществе имеет сугубо политический характер; поэтому любой аппарат публичной власти, наконец, реализует власть субъекта политической власти, а общие интересы реализуются публичной властью лишь в той мере, в какой они совпадают с интересами последнего. При этом стремление политической власти приобрести публичную форму проявляется не только на уровне общества в целом, но и на уровне территориальных составляющих частей страны.

Публичная форма политической власти обеспечивает устойчивость власти господствующего слоя путем легитимации этой власти (идеологической, структурной, персональной), благодаря которой (легитимации) реализация политической власти опирается на ее признание большей частью общества. Процессу легитимизации политической власти служат политические партии (организации, которые формируют политическую волю определенных классов и обеспечивают ее воплощение в деятельности публично–властных институтов). Конституирование политической власти какой–то отдельной части общества как публичной власти дает возможность использовать монополию публичной власти на применение принуждения к членам общества от имени всего общества. Основными формами осуществления публичной власти в современном демократическом обществе, отмечает М.А. Теплюк, является государственная власть и муниципальная, или коммунальная власть (власть местного самоуправления).[11]

Примерно в этом же аспекте рассматривает феномен публичной власти А.Р. Крусян.[12] Публичная власть осуществляется не только государством, но и другими негосударственными самоуправляющимися системами. Государственная власть и самоуправляющаяся (муниципальная) власть являются видами публичной власти и в своей совокупности составляют публичную власть.[13]

Публичная власть в национальной энциклопедической литературе определяется как общественно–политическая власть, народовластие. Основными видами публичной власти являются: 1) власть народа как непосредственное народовластие, непосредственная демократия (выборы, референдумы и т.д.); 2) государственная власть – законодательная, исполнительная, судебная; 3) местное самоуправление – местная публичная власть, которая осуществляется, в частности, территориальными общинами, представительными органами местного самоуправления (советами), исполнительными органами советов, сельскими, поселковыми, городскими головами и т.д.[14]

В любом правовом государстве народ признается единственным источником власти и основным субъектом конституционно–правовых отношений. Поэтому для представителей юридической науки именно власть народа должна составлять основу для проведения любого исследования такого явления, как власть.

Признание за народом (под которым понимают совокупность граждан или совокупность избирателей) власти в государстве закрепляется в большинстве конституций зарубежных государств, при этом лишь некоторые основные законы запрещают «подмену» носителя власти, присвоения и осуществления власти политической партией, общественной организацией, любой группой лиц или отдельным лицом. В некоторых государствах (например, в Азербайджане, Армении, Молдове, России, Таджикистане, Узбекистане) узурпация власти в государстве определяется как преступление.[15]

Существование отдельной власти – власти народа признается, как уже было отмечено, во многих конституциях мира, но иногда эта власть называется по-особенному – учредительной властью. Так, например, Конституция Алжира 1976 года предусматривает существование на территории государства таких видов власти, как политическая, законодательная, исполнительная, судебная, контрольная и учредительная.

На существование отдельной власти – власти народа обращал внимание и итальянский социолог Д. Квадранта, который отмечал, что в современное время, кроме трех ветвей власти (законодательной, исполнительной и судебной), четвертой власти – печати и пятой – телевидения, надо признать и существование шестой власти – граждан.

Представители отечественной научной мысли иногда для определения власти народа также применяют категорию "учредительная власть" и подчеркивают особое значение именно первоначальной учредительной власти народа, и отмечают, что именно эта власть (власть народа) может рассматриваться как ведущая правовая категория, ключевое понятие современного конституционализма.[16]

При этом следует обратить внимание, что представители современной науки отходят от первоначального понимания и значения учредительной власти как власти, образующей конституцию, которое было выдвинуто в XVIII веке революционной буржуазией на основании учения о народном суверенитете и стало важнейшей юридической гарантией верховенства конституции в системе источников буржуазного права. Современные теории демократии провозглашают принадлежность всей полноты государственной власти народу, в связи с чем противопоставление ей особой учредительной власти утратило свое первоначальное значение.

Проведенное нами исследование понятия, содержания и соотношения категорий «власть», «публичная власть» и «власть народа» как общественно–политических и правовых явлений приводит к выводу о том, что актуальным предметом исследования современной науки должны быть вопросы учредительной власти. Категория «учредительная власть» не является чем–то новым, потому что истоки формирования учения об учредительной власти начали зарождаться еще в конце XVI века и нашли свое оформление в теории учредительной власти, которую сформулировал Е.Ж. Сиейес в XVIII веке. Принято считать, что именно он впервые употребил понятие «учредительная власть». Среди разновидностей категории «власть» учредительную власть принято относить к системе публичной власти. При этом следует отметить, что современная научная мысль до сих пор не выработала единого подхода к определению понятия «учредительная власть». Существуют разногласия и в подходах относительно ее содержания (одни ученые отождествляют ее с властью народа, а другие считают ее одной из форм реализации власти народом).

В связи с этим современные научные исследования власти как общественно–политического и правового явления должны уделять особое внимание поискам единых подходов к пониманию категории «учредительная власть» в системе власти, что позволит разработать верные, взвешенные и научно обоснованные позиции относительно форм и субъектов реализации учредительной власти в демократическом обществе.

1. Юридична енциклопедія: В 6 т. / редкол.: Ю.С. Шемшученко (відп. ред.) та ін. – К.: Укр. енцикл., 1998. – Т.1: А–Г. С. 489.
2. Краснов Б.И. Власть как явление общественной жизни // Социально–политические науки.– 1991.– № 11. – С. 27.
3. Чапала Г.В. Місцеве самоврядування в системі публічної влади: теоретико–правовий аналіз: монографія. – Харків: Право, 2006. – С. 10.
4. Горных А.А. Власть/ Новейший философский словарь : 3–е изд., исправл. / гл. ред. А.А. Грицанов – Минск.: Книжный дом, 2003. – 1280 с. – (Мир энциклопедий). – С. 176.
5. Мажейко М.А. Воля / Новейший философский словарь : 3–е изд., исправл. / гл. ред. А.А. Грицанов – Минск: Книжный дом, 2003. – 1280 с. – (Мир энциклопедий). – С. 184.
6. Новейший философский словарь / сост. А.А. Грицанов.– Мн.: Изд. В.М. Скакун, 1998.– С. 124.
7. Шамхалов Ф. Собственность и власть.– М.: Издательство “Экономика”, 2007.– С. 102-107.
8. Теплюк М.О. Конституційно–правові проблеми організації публічної влади в Україні: автореф. дис...канд. юрид. наук: 12.00.02.– К., 2008.– С. 6-7.
9. Фрицький Ю.О. Теоретичні засади державної влади в Україні: автореф. дис...докт. юрид. наук: 12.00.02.– К., 2009.– С. 14.
10. Крусян А.Р. Взаимодействие местных органов исполнительной власти и органов местного самоуправления в Украине: дис. ... канд. юрид. наук. – Одесса, 1999. – С. 9-15.
11. Теплюк М.О. Конституційно–правові проблеми організації публічної влади в Україні: автореф. дис...канд. юрид. наук: 12.00.02.– К., 2008.– С. 7.
12. Крусян А.Р. Указ.раб. С. 15.
13. Бальцій Ю.Ю. Правовий статус міського голови в Україні: дис. ... канд. юрид. наук. – Одеса, 2006. – 210 с. – С. 81.
14. Юридична енциклопедія: В 6 т. / редкол.: Ю.С. Шемшученко (відп. ред.) та ін. – К.: Укр. енцикл., 1998. – Т.5: П–С. – С. 196.
15. Шаповал В.Н. Сравнительное конституционное право. – К.: ИД «Княгиня Ольга», 2007.– С.168.
16. Мучник А.Г. Комментарий к Конституции Украины.– 2–е изд., исправ. и доп.– К.: Парламентское издательство, 2003.– Кн.1– С. 132; Тодика Ю.Н. Конституционное право Украины: отрасль права, наука, учебная дисциплина: уч. пособие.– Харьков, 1998.– С. 99–100; Конституційні засади організації державної влади: Теорія і практика // Голос України 9 квітня 2008 рік. – № 318 (4318) // Сайт газети «Голос України» Режим доступу: <http://www.golos.com.ua/article/1207663208.html>.; Конституційне право України/ за заг. ред. В.Ф. Погорілка. – К.: Наукова думка, 3–тє видання, 2002.– С. 286.

В.М. Пальченкова,
заведующая кафедрой теории и
истории государства и права, кандидат исторических наук, доцент

(Институт права имени Владимира Сташиса
Классического частного университета, г. Запорожье, Украина)

ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ НА МЕЖДУНАРОДНОМ УРОВНЕ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Осуществлена периодизация организационного оформления общественного контроля пенитенциарной системы в свете международных стандартов с учетом правовых основ внешнеполитической деятельности на разных этапах развития украинской государственности.

Ключевые слова: конгрессы ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, международные пенитенциарные конгрессы, Российская империя, Украина, УССР.

В современных условиях Украина переживает целый ряд социальных, политических и правовых изменений. Полноценное вхождение Украины в европейское пространство предусматривает не только выполнение требований украинского законодательства и ратифицированных международно-правовых актов, но и тщательное изучение европейского и международного опыта. Развитие процессов гуманизации социально-правовых институтов общества, расширение прав и правовых гарантий граждан, с одной стороны, с другой – возрастающие негативные явления, в том числе и нарушения правопорядка, диктуют необходимость поиска обеспечения надежной защиты общества от преступности, в том числе и путем установления общественного контроля за содержанием лиц, отбывающих наказание.

Следует отметить, что общество всегда принимало действенные меры по недопущению нарушений закона для удержания своих членов от совершения противоправных действий. Однако, как ни прискорбно отмечать, Украина является одним из «лидеров» по применению меры пресечения «содержание под стражей» и уголовных санкций с назначением наказаний в виде лишения свободы. Несмотря на присоединение к международным документам по правам человека и взятие перед европейским сообществом обязательств по соблюдению прав каждого гражданина, государству не удастся качественно реформировать систему исполнения наказаний. Украинское законодательство в сфере общественного контроля и социальной реабилитации бывших правонарушителей является несовершенным и сегодня находится на важном и ответственном этапе становления. Действующие законодательные нормы недостаточно полно отражают все аспекты этой проблематики, кроме того, в настоящее время не представлено эффективных мер для решения проблем внедрения механизма общественного контроля пенитенциарной системы. Во многом несовершенство общественного контроля объясняется реальными трудностями, сложившимися в современном украинском обществе.

Важнейшим источником идей по усовершенствованию системы исполнения наказаний и внедрению действенного контроля за пенитенциарной системой является международный опыт. Обмен опытом по внедрению различных форм контроля, в том числе общественного, создание эффективного надгосударственного контрольного механизма является неотъемлемой частью международного пенитенциарного сотрудничества. Субъекты международного контроля занимают значительное место в обеспечении законности деятельности пенитенциарных систем на принципах гуманизма, незыблемости прав человека. Именно эти обстоятельства и определяют необходимость ориентации на международные нормы и правила, сложившиеся на основе опыта различных стран, имеющих схожие проблемы. В этой связи

для общественности, которая занимается контролем деятельности пенитенциарных учреждений, важно ориентироваться не только в действующем законодательстве своего государства, но и в международном праве и законодательстве.

На практике международные стандарты могут оказать неоценимую помощь в решении многих спорных вопросов, определить позицию и найти необходимые доводы в принятии решений администрацией пенитенциарных учреждений.

Общественность при существовании пробелов в законодательстве непосредственно может применять нормы международного права и на их основании эффективно защищать и реализовывать права, законные интересы осужденных, а также лиц, освободившихся из мест лишения свободы. Все сказанное обязывает еще раз обратиться к историко-правовому опыту обеспечения контроля над процессом исполнения и отбывания наказаний, в том числе и лишения свободы.

История международного пенитенциарного сотрудничества охватывает достаточно длительный период. Остановимся на основных этапах организационного оформления основ общественного контроля за исполнением уголовных наказаний. Мы присоединяемся к позиции А.Н. Джужи, который выделил три основных этапа международного сотрудничества в сфере контроля за исполнением наказаний и обращения с осужденными, отбывающими наказание [1. С.151]. Однако их характеристика и хронологические рамки требуют некоторого уточнения с учетом особенностей развития правовых основ внешнеполитической деятельности на разных этапах развития украинской государственности.

С нашей точки зрения, можно определить следующие этапы международного сотрудничества.

Первый этап начал отсчет с конца XVIII в. и продолжался до 1872 г. На этом этапе большинство украинских земель входило в состав Российской империи. На международной арене Украина не была представлена как отдельный субъект международного права, а участие в международной деятельности, в том числе и в пенитенциарной сфере, принимали некоторые представители от научных кругов, например, профессора Киевского и Харьковского университетов. Этот период зарождения международного пенитенциарного сотрудничества традиционно связывают, во-первых, с широким распространением в мире концепций основоположников пенитенциарной науки Д. Говарда и Дж.Бентама, во-вторых, с прогрессом пенитенциарной политики США и появлением первых пенитенциарных систем, Пенсильванской и Оборнской.

В начале 40-х гг. идеи о возможности и необходимости обмена информацией по вопросам пенитенциарной политики и практики в межгосударственных масштабах получили резонанс во всем мире, а необходимость их реализации на практике настолько возросла, что не могла не принять определенные организационные формы. Одной из таких форм стало проведение международных конгрессов, первая волна которых проходила в период с 1846 по 1857 гг. Именно в этот период проведено три конгресса: во Франкфурте-на-Майне (1846 г.), Брюсселе (1847 г.) и вновь во Франкфурте-на-Майне (1857 г.). По своей организационно-правовой структуре и значимости, а также установлению задач и целей их достижения современные ученые относят указанные конференции к международным мероприятиям [2. С.38-41].

Первые конгрессы носили частный характер, а инициаторами их созыва и непосредственными участниками были не официальные представители государств, а отдельные частные лица (благотворители, врачи, общественные деятели), которые на основе популярных либеральных взглядов проявляли заинтересованность проблемами пенитенциарной системы. То есть на первом этапе международного сотрудничества в пенитенциарной области общественность сыграла роль инициатора и организатора, начав первые международные конгрессы, содержание которых носило преимущественно благотворительный характер. Повестка дня первого конгресса отличалась узостью пенитенциарной проблематики и в основном касалась

изучения опыта внедрения одиночного тюремного заключения, которое с точки зрения тогдашних «тюрьмоведов» было «перспективным» видом наказания.

В период с 1857 по 1872 гг. ни одного международного конгресса в области пенитенциарного дела не было проведено, что объясняется революционными событиями в странах Западной Европы.

Второй этап международного сотрудничества по решению пенитенциарных проблем связан с проведением второй волны международных пенитенциарных конгрессов и охватывает период с 1872 по 1950 годы. Начало проведения конгрессов было связано с признанием необходимости участия государств в решении пенитенциарных проблем на международном уровне, в том числе в части определения места и роли общества, в осуществлении контроля за исполнением наказаний, что привело к объединению усилий правительств ряда стран.

Рассматривая участие украинских представителей в работе конгрессов, важно отметить, что этот этап четко делится на два периода: первый (с 1872 по 1917 гг.), когда Украина оставалась составной частью Российской империи и не была субъектом международного права; второй (с 1917 по 1950 гг.) характеризуется так называемой делегированной международной правосубъектностью. В этот период формирование правового поля деятельности Украины как номинального субъекта международных отношений осуществлялось исключительно СССР. Конституция СССР 1924 г. провозгласила, что правительству СССР делегируются полномочия и представительство союзных республик в международных отношениях, установление дипломатических связей и заключение договоров с другими государствами. Таким образом, УССР лишалась полномочий и права заключать с другими государствами экономические и политические договоры, в том числе в пенитенциарной сфере.

На втором этапе было проведено двенадцать международных конгрессов, они, как правило, созывались один раз в пять лет. Однако, как и в прежние времена, периодичность международного сотрудничества нарушалась мировыми войнами. Большинство, а именно восемь конгрессов, прошли в период до 1914 г.: в Лондоне (1872), Стокгольме (1878), Риме (1885), Санкт-Петербурге (1890), Париже (1895), Брюсселе (1900), Будапеште (1905), Вашингтоне (1910), в межвоенный период прошло три конгресса: в Лондоне (1925), Праге (1930), Берлине (1936), а после окончания второй мировой войны один - в Гааге (1950). На последнем, двенадцатом конгрессе было принято решение о передаче координации международного сотрудничества в пенитенциарной области ООН.

Результатом работы международных пенитенциарных конгрессов второй волны стало принятие серии резолюций, которые носили рекомендательный характер для государств-участников по совершенствованию пенитенциарного дела. Принятые документы позволили ускорить прогресс в пенитенциарной области и стандартизировать отдельные аспекты ее функционирования [3]. Особый интерес представляет обсуждение вопросов, связанных с участием общественности в деятельности пенитенциарной системы, в том числе по введению общественного контроля в форме наблюдательных комиссий, определению роли общественности в ресоциализации осужденных и создании попечительских обществ для осужденных и их семей [4]. Следует отметить, что идеи, выработанные в результате совместной деятельности многих стран, прочно вошли в жизнь и не потеряли актуальности и сегодня.

После завершения второй мировой войны начинается третий исторический этап международного сотрудничества в области решения пенитенциарных проблем, который продолжается до сегодняшнего дня. Он в первую очередь связан с работой главного центра решения мировых противоречий – ООН, которая 1 декабря 1950 взяла на себя обязанности Международной уголовной и пенитенциарной комиссии и должна созывать каждые пять лет международные конгрессы по проблемам предотвращения преступности и обращения с правонарушителями, подобные тем, которые ранее организовывала названная комиссия [5]. Таким образом, было положено начало деятельности ООН по согласованию пенитенциарной политики на международной арене в области практики назначения и исполнения уголовных наказаний, установления общепризнанных стандартов и принципов обращения с правонарушите-

лями и создания эффективных контрольных механизмов по соблюдению международных стандартов в пенитенциарной области.

Основной характеристикой третьего этапа стало преодоление глобальных проблем нового тысячелетия, в том числе предупреждения преступности, защиты прав человека в пенитенциарной системе, разработки эффективных контрольных механизмов, обеспечения стандартов ООН по обращению с правонарушителями. Следует указать, что для Украины как одного из субъектов международного сотрудничества третий этап делится на два периода. Первый период охватывает время от момента передачи ООН функций Международной уголовной и пенитенциарной комиссии в 1950 г. до 1990 г. Он характеризуется вступлением международной правосубъектности УССР в составе СССР согласно закону СССР от 01 февраля 1944 г. «О предоставлении союзным республикам полномочий в области внешних сношений и о преобразовании в связи с этим Народного Комиссариата Иностранных Дел из общесоюзного в союзно-республиканский Народный Комиссариат», который подтвердил международно-правовую субъектность УССР и стал правовой основой для ее непосредственного участия в международной жизни [6. С. 29]. В это время Украина, находясь в составе СССР, теоретически имела свое представительство на уровне независимого государства, но фактически ее деятельность была ограничена рамками проведения единой советской политики. Однако именно благодаря этому закону Украинская ССР стала одним из государств-основателей ООН, а ее делегации получили представительство в главных комитетах и комиссиях организации. Первая делегация от СССР приняла участие в работе второго конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, который состоялся в Лондоне в 1960 г. [7. С.42-44].

Второй период начинается с июля 1990 г., когда Верховный Совет УССР, выражая волю украинского народа, провозгласил Украину суверенным государством [8. С.1]. Сегодня Украина, в соответствии с разделом X Декларации о государственном суверенитете, выступает равноправным участником международного общения, признает преимущество общечеловеческих ценностей, активно участвует в общеевропейском и субрегиональном сотрудничестве.

Основная роль в выработке специальных международных правил, стандартов и рекомендаций по обращению с правонарушителями принадлежит Международным конгрессам ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (с 2005 г. Конгрессы ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию) [9], которые внесли значительный вклад в решение многих проблем, связанных с исполнением наказаний в виде лишения свободы, в том числе разработали стандарты и принципы участия общественности в деятельности пенитенциарной системы.

К настоящему времени под эгидой ООН было проведено двенадцать международных конгрессов, решения которых существенно повлияли на международное сотрудничество в научной, правовой, законодательной, практической плоскости введения контроля за деятельностью пенитенциарных учреждений, в том числе со стороны гражданского общества. Конгрессы ООН проходили: в Женеве (Швейцария) в 1955 г., Лондоне (Великобритания) в 1960 г., Стокгольме (Швеция) в 1965 г., Киото (Япония) в 1970 г., Женеве (Швейцария) в 1975 г., Каракасе (Венесуэла) в 1980г., Милане (Италия) в 1985 г., Гаване (Куба) в 1990 г., Каире (Египет) в 1995 г., Вене (Австрия) в 2000 г., Бангкоке (Таиланд) в 2005 г., Сальвадоре (Бразилия) в 2010 г.

На заседаниях конгрессов были определены основные направления пенитенциарной реформы в сторону «нормализации», т.е. установления соответствующих стандартов, которых должно придерживаться мировое сообщество [10. С.147-162]. Начиная с первого конгресса этого этапа международного сотрудничества постоянно рассматривались вопросы пенитенциарной теории и практики, среди которых основное внимание принадлежит разработке правил обращения с разными категориями осужденных, защиты их прав путем создания международных и национальных превентивных механизмов. Так, например, основным ре-

результатом работы Первого Конгресса стало принятие 30 августа 1955 Минимальных стандартных правил обращения с заключенными (далее - МСП), несмотря на то, что МСП не имеют обязательной юридической силы, за непродолжительное время они получили широкое признание в мире как авторитетные практические рекомендации по руководству местами лишения свободы и обращению с осужденными и стали признанным эталоном, с которым сравниваются все остальные стандарты обращения с правонарушителями. МСП сформулированы в простой, доступной форме и представляют собой «минимальные условия, которые ООН считает наиболее подходящими для обращения с правонарушителями» [11]. Среди таких минимальных условий МСП провозгласили введение обязательной внутригосударственной формы контроля пенитенциарных учреждений.

Сегодня Конгрессы ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию как крупные международные форумы оказывают влияние на национальную политику и практику, развивают международное сотрудничество в этой области, способствуют обмену мнениями и опытом, вырабатывают рекомендации относительно различных вариантов политики на национальном, межрегиональном и международном уровнях. Конгрессы, в частности, призваны служить площадками обмена мнениями и опытом в области исследования права и разработки программ, выявления новых тенденций и проблем в области предупреждения преступности и уголовного правосудия между государственными, межправительственными и неправительственными организациями и отдельными экспертами, представителями разных специальностей и областей знаний [12]. Однако, изучая материалы конгрессов, надо констатировать, что, к сожалению, со временем они утратили свою первичную цель - сотрудничество в пенитенциарной сфере и превратились скорее в международные форумы криминологов под эгидой ООН, а вопросы, связанные с исполнением уголовных наказаний, заняли в их повестке дня второстепенное место. Так, например, если на первом конгрессе все четыре вопроса были посвящены пенитенциарным проблемам, на втором – три вопроса из шести, то на десятом и одиннадцатом конгрессах обращения с правонарушителями касались в контексте проблем предупреждения преступности и уголовного правосудия, а на двенадцатом пенитенциарные проблемы рассматривались на семинарах, которые проводились в рамках конгресса.

Обобщая вышесказанное, можно констатировать, что стратегическое направление деятельности украинского государства по формированию новой уголовной политики, отказ от чрезмерных репрессий должны предусматривать качественное гуманистическое реформирование законодательства Украины, в том числе, уголовно-исполнительного. Становление Украины как демократического, правового государства требует коренного изменения приоритетов деятельности органов уголовной юстиции прежде всего в аспекте обеспечения неотвратимости наказания, защиты прав, свобод и интересов человека, а также переосмысления института уголовного наказания. Наказание должно выполнять не только карательную функцию, но и создавать условия для формирования положительных черт личности преступника, чему должно способствовать общество, в том числе и жестко контролируя деятельность пенитенциарной системы.

В связи с этим целесообразно возродить сотрудничество в пенитенциарной сфере на международном уровне, а исходя из исторического опыта, именно неправительственные организации, такие как Международная пенитенциарная реформа, Международный уголовный и пенитенциарный фонд, Лига Говарда по реформе пенитенциарной системы, Международная амнистия и другие, должны стать инициаторами этого процесса и обеспечить защиту прав, свобод и интересов лиц, находящихся в местах отбывания наказания.

Литература

1. Кримінально-виконавче право України : (Загальна та Особлива частини) : [навч. посіб.] / О. М. Джужа, С. Я. Фаренюк, В. О. Корчинський та ін. ; за заг. ред. О. М. Джужа. – 2-е вид., перероб. та допов. – К. : Юрінком Інтер, 2002. – 448 с.
2. Гулямова Д.С. История международного сотрудничества в области обращения с осужденными // Государство и право: теория и практика: материалы международной заоч. научной конференции (г. Челябинск, апрель 2011 г.)/ под. общ. ред. Г.А.Ахметовой. – Челябинск: Два комсомольца, 2011. – С.38-41.
3. Долженкова Г.Д. Международное пенитенциарное сотрудничество в области социального обеспечения осужденных к лишению свободы // Журнал российского права. – 2001. - № 3. – С.59-66.
4. Пальченкова В.М. Запровадження основ громадського контролю в рішеннях міжнародних пенітенціарних конгресів (друга половина XIX початок XX ст.) // Держава та регіони. Науково-виробничий журнал. Серія: Право. – 2012. – № 3. – С. 9-14.
5. Передача функций международной уголовной и пенитенциарной комиссии // A/RES/415 (V) от 01.12.1950 г.
6. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР (1938 – июль 1956) / под ред. Л.И.Мальденштама. – М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1956. – 502 с.
7. Викторова И.Б. Учреждения ООН по предупреждению преступности и борьбе с ней. – М. : ВНИИ МВД СССР, 1980. – 64 с.
8. Шкуратенко О.В. Правові засади зовнішньополітичної діяльності Української РСР як члена ООН (40-і – початок 60-х років XX століття): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – К., 2007. – 22 с.
9. Роль, функции, периодичность и продолжительность конгрессов Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями // A/RES/56/119 от 19.12.2001 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/ga/documents/gares.shtml>
10. Платек М. Значение минимальных правил ООН обращения с заключенными и Европейских тюремных правил для процесса нормализации // Неустанно прививать убеждение: материалы для сотрудников исправительных учреждений. – Варшава, 2002. – С. 147–162.
11. Мінімальні стандартні правила поводження з в'язнями // Права людини і професійні стандарти для працівників пенітенціарної системи в документах міжнародних організацій. Міжнародний благодійний фонд Відродження. – К.: Вид-во «Сфера», 2002. – С.61 – 76.
12. Двенадцатый конгресс Организации объединенных наций по предупреждению преступности и уголовному правосудию. Сальвадорская декларация о комплексных стратегиях для ответа на глобальные вызовы: системы предупреждения преступности и уголовного правосудия и их развитие в изменяющемся мире // A/RES/65/230 от 21.12.2010 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.un.org/ru/ga/documents/gares.shtml>

Актуальные проблемы повышения эффективности противодействия коррупции в органах местного самоуправления современной России

В статье анализируются современные представления о коррупции как социально-правовом явлении, характеризуются организационно-правовые основы противодействия коррупции в современной России, рассматриваются актуальные проблемы повышения эффективности противодействия коррупции в органах местного самоуправления Российской Федерации.

Ключевые слова: коррупция, противодействие коррупции, местное самоуправление.

Коррупция в современной России превратилась в такое социальное явление, которое воспринимается уже не просто как одно из неизбежных, сопутствующих развитию российского общества и государства зол, а как зло, несущее с собой глобальные угрозы национальной безопасности Российской Федерации.

Коррупция стала для России начала XXI века основным препятствием для политического, экономического и духовного возрождения, превратилась в реальную угрозу национальной безопасности страны, главный тормоз на пути любых социально-экономических и политических преобразований современного российского общества и государства.

Термином коррупция уже с древнейших времен обозначались «ухудшение», «подкуп», «порча», «разложение», а также характеризовались различные степени нравственного падения человека и общества.

Употребление термина «коррупция» применительно к политике приписывается еще Аристотелю, который определял тиранию как неправильную, испорченную, т.е. коррумпированную форму монархии. В римском праве этим термином обозначалась деятельность нескольких лиц, направленная на нарушение нормального хода судебного процесса или управления обществом. Наиболее интересным является определение коррупции, сделанное Н. Макиавелли, - это использование публичных возможностей в частных интересах [1].

В русском языке термином коррупция обозначается «продажность», «лихоимство», «мздоимство», «поборы» [2]. Более позднее толкование данного термина в русском языке носит многозначный характер: подкуп, порча, разложение и даже злоупотребление служебным положением в корыстных целях.

Такое широкое толкование коррупции означает объединение под одним названием очень разных по своим криминологическим характеристикам явлений: и хищений, и должностных преступлений, и подкупа – продажности.

Анализируя современные представления о коррупции, можно привести следующие определения коррупции, предлагаемые различными исследователями:

- использование субъектом управления своих властных полномочий вопреки интересам службы из личной заинтересованности (Комиссаров В.С.);
- социальное явление, заключающееся в корыстном использовании должностным лицом органов государственной власти и управления своего служебного положения для личного обогащения (Кабанов П.А.);
- разложение управленческого аппарата, основанное на использовании чиновниками своего служебного положения в корыстных целях (Борзенков Г.Н.);
- явление в сфере социального управления, выражающееся в злоупотреблении субъектами управления своими властными полномочиями путем их использования в личных (в широком смысле – индивидуальных и групповых материальных и иных) целях (Мишин Г.К.);
- социальное явление, характеризующееся подкупом-продажностью государственных или иных служащих и на этой основе корыстным использованием ими в личных либо в узко-

групповых корпоративных интересах официальных служебных полномочий, связанных с ними авторитета и возможностей (Долгова А.И.);

- злоупотребление властью как результат ее использования в личных целях, которые не обязательно должны быть материальными (Д.Бейли);

- отклоняющееся поведение, соединенное с частной мотивацией, означающее, что частные (индивидуальные, групповые) цели преследуются за публичный счет (К. Фридрих);

- поведение, которое отклоняется от формальных обязанностей публичной роли под воздействием частных (индивидуальных, семейных) материальных или статусных целей либо нарушает правила, запрещающие определенные виды относительно частного влияния (Дж. Най) [3].

Приведенный перечень определений коррупции (далеко не полный) свидетельствует, что общим для всех является тезис о злоупотреблении служебным положением в корыстных целях. То есть лица, обладающие полномочиями, пользуются ими не ради достижения целей, для реализации которых они и наделены данными полномочиями, а используют их в целях обогащения, в личных и групповых интересах. Такая ситуация наиболее характерна для институтов власти в системе государственного управления [4].

Закон Российской Федерации № 273-ФЗ от 25 октября 2008 года определяет, что коррупция - «злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами» [5].

Таким образом, современную коррупцию можно рассматривать в качестве социального явления, содержание которого представляет собой совокупность преступлений, совершенных лицами, официально привлеченными к управлению (государственными и муниципальными служащими и иными лицами, уполномоченными на выполнение публичных функций), использующими различным образом имеющиеся у них по статусу возможности для незаконного извлечения личной выгоды.

Анализ научной литературы и исторических источников позволяет сделать вывод о том, что коррупция как массовое явление была присуща всем временам и народам, приобретающая иногда характер бытового явления. Вместе с тем коррупция всегда являлась и является не только социальным, но и политическим явлением, поскольку непосредственно связана с осуществлением государственной власти.

Вполне очевидно, что коррупция влияет на выработку и реализацию политических решений, а они, в свою очередь, - на состояние коррупции в государстве. В политическом аспекте коррупция оказывает непосредственное влияние на осуществление всего спектра правоохранительной деятельности, включая правосудие.

В большинстве случаев при привлечении к ответственности высокопоставленных чиновников юридическому решению предшествует решение политическое. В этой связи необходимо указать, что проблема противодействия коррупции – это не только проблема правоохранительных органов. По большому счету, это проблема политического руководства государства. Как показывает мировой и отечественный опыт, эффективность борьбы с коррупцией во многом зависит от политической воли руководителей государства, и она является решающим фактором эффективности борьбы с коррупцией.

Исторический опыт свидетельствует, что в нашей стране борьба государственной власти с коррупцией всегда носила своеобразный характер. Нередко она была обусловлена причинами и мотивирована обстоятельствами, прямо не связанными с конкретными преступлениями. Характерна она была и для дореволюционной России, и для советского периода отечественной истории.

Важно подчеркнуть, что коррупция в современной России стала негативным фактором, ослабляющим влияние власти, разрушающим государственность, обессиливающим экономику, сильно подрывающим авторитет страны на мировой арене и в конечном итоге создающим угрозу национальной безопасности страны.

В последние годы практически ни один документ, характеризующий социально-экономическую и политическую ситуацию в Российской Федерации, не обходится без упоминания о необходимости решительной борьбы с коррупцией. В конце XX – начале XXI веков слова «коррупция», «коррупционная преступность», «борьба с коррупцией» прочно вошли в нашу жизнь и непременно присутствуют во многих современных нормативных правовых актах (указах Президента Российской Федерации, постановлениях Правительства Российской Федерации, федеральных и региональных программах по борьбе с преступностью). Так, начиная с 1991 года Президентом и Правительством, Верховным Советом, обеими палатами Федерального Собрания Российской Федерации принято свыше 270 нормативных правовых актов различной природы (не считая индивидуальных), в которых в том или ином контексте использовались термины «коррупция», «коррупционность» или однокоренные слова.

Научные исследования показывают, что коррупция в современной России определяется в значительной степени неэффективностью государственного управления, особенностями общественного менталитета, спецификой политической культуры, неразвитостью гражданских институтов, призванных контролировать органы исполнительной власти.

По мнению различных экспертов, экономические потери от коррупции в современной России составляют от 5 до 50 процентов валового внутреннего продукта страны. Ежегодный ущерб, причиняемый коррупцией экономике России, составляет 40 млрд рублей, о чем говорится в сообщениях МВД. Однако согласно некоторым зарубежным экспертным оценкам, эта сумма оказывается гораздо выше: 20 млрд долларов. Опросы населения показывают, что свыше 70% россиян в той или иной форме сталкивались с вымогательством взяток.

Коррупция в современной России стала социальным явлением, оказывающим негативное влияние на поступательное развитие общества и представляющим собой реальную угрозу функционированию публичной власти, верховенству закона, демократии и правам человека, социальной справедливости.

Именно поэтому в современной России проблеме противодействия коррупции сегодня уделяется такое повышенное внимание. Сегодня можно говорить, что в Российской Федерации в основном сформирована и функционирует правовая и организационная основы противодействия коррупции.

Правовую основу противодействия коррупции в современной России составляют Конституция Российской Федерации, федеральные конституционные законы, общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации, настоящий Федеральный закон и другие федеральные законы, нормативные правовые акты Президента Российской Федерации, а также нормативные правовые акты Правительства Российской Федерации, нормативные правовые акты иных федеральных органов государственной власти, нормативные правовые акты органов государственной власти субъектов Российской Федерации и муниципальные правовые акты.

Серьезный антикоррупционный потенциал заложен в Федеральном законе №273 «О противодействии коррупции», который был подписан Президентом Российской Федерации 25 декабря 2008 года. Указанным Федеральным законом устанавливаются основные принципы противодействия коррупции, правовые и организационные основы предупреждения коррупции и борьбы с ней, минимизации и ликвидации последствий коррупционных правонарушений.

Закон Российской Федерации № 273-ФЗ от 25 октября 2008 года характеризует противодействие коррупции как «деятельность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного само-

управления, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц в пределах их полномочий:

- а) по предупреждению коррупции, в том числе по выявлению и последующему устранению причин коррупции (профилактика коррупции);
- б) по выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию коррупционных правонарушений (борьба с коррупцией);
- в) по минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных правонарушений» [5].

Противодействие коррупции в Российской Федерации основывается на следующих основных принципах:

- 1) признание, обеспечение и защита основных прав и свобод человека и гражданина;
- 2) законность;
- 3) публичность и открытость деятельности государственных органов и органов местного самоуправления;
- 4) неотвратимость ответственности за совершение коррупционных правонарушений;
- 5) комплексное использование политических, организационных, информационно-пропагандистских, социально-экономических, правовых, специальных и иных мер;
- 6) приоритетное применение мер по предупреждению коррупции;
- 7) сотрудничество государства с институтами гражданского общества, международными организациями и физическими лицами [5].

Думается, что закон о противодействии коррупции явился первым этапом формирования действенной государственной антикоррупционной стратегии в современной России. Эта государственная антикоррупционная стратегия должна определять разработку и осуществление целенаправленных и последовательных мер государства и общества по противодействию коррупции, рассчитанных как на долгосрочную перспективу, так и на ближайшее время. Следовательно, системное и постоянное противодействие коррупции должно стать стратегической задачей государства.

Становление и развитие антикоррупционной деятельности в современной России – это не самоцель, результатом ее должно стать снижение негативного воздействия коррупции на общество, содействие становлению честной и эффективной системы власти на всех уровнях управления.

В современных условиях антикоррупционная политика заключается в разработке и осуществлении разносторонних и последовательных мер государства и общества по устранению или минимизации причин и условий, порождающих и питающих коррупцию в разных сферах жизни. Учитывая, что коррупция без постоянного противодействия ей имеет свойство расширяться и мимикрировать, необходимо, чтобы со временем была выделена антикоррупционная функция государства как одна из его базовых задач.

Таким образом, речь идет как о создании механизмов, позволяющих уменьшить масштабы коррупции в краткосрочном плане, так и о выработке и проведении антикоррупционной политики как постоянно действующей органичной функции государства. При этом эффективность данной функции в значительной степени будет зависеть от политической воли руководства страны и от того, насколько активно в ее реализации примут участие структуры гражданского общества.

Конечно, еще никому не удалось одержать верх над коррупцией за один день, за один год, да и за многие годы. Это, к сожалению, очень серьезная и очень сложная проблема. И успеха в этом несомненно важном направлении деятельности можно добиться только при систематическом, настойчивом и поступательном осуществлении всего комплекса долгосрочных мер, реализуемых в рамках единой государственной антикоррупционной политики.

Необходимо подчеркнуть, что действующее законодательство и предпринимаемые руководством страны меры уже сегодня позволяют вести весьма эффективную борьбу с коррупцией. Примеров такой непримиримой борьбы становится все больше и больше.

Вместе с тем в современных условиях особую актуальность приобретает разработка конкретных действенных мер, направленных на профилактику коррупции, не только на федеральном и региональном уровнях государственной власти, но и в органах местного самоуправления.

Статья 130 Главы 8 Конституции Российской Федерации («Местное самоуправление») провозглашает, что местное самоуправление в Российской Федерации обеспечивает самостоятельное решение населением вопросов местного значения, владение, пользование и распоряжение муниципальной собственностью. Статья 132 Конституции говорит, что «органы местного самоуправления самостоятельно управляют муниципальной собственностью, формируют, утверждают и исполняют местный бюджет, устанавливают местные налоги и сборы, осуществляют охрану общественного порядка, а также решают вопросы местного значения».

В процессе реализации этих важных конституционных норм должностными лицами органов местного самоуправления может содержаться значительный коррупционный потенциал, о чем свидетельствуют многочисленные примеры коррупционного поведения муниципальных чиновников различного уровня.

Думается, что в целях повышения эффективности противодействия коррупции в органах местного самоуправления представляется необходимым:

1. Обратить особое внимание на приоритетное применение мер предупреждения и профилактики коррупции. Необходимо разработать соответствующий современным требованиям план и на этой основе подготовить комплексную программу профилактики и предупреждения коррупции в каждом органе местного самоуправления.

2. Обеспечить эффективную антикоррупционную экспертизу всех документов, которые принимаются на уровнях организации местного самоуправления.

3. Через широкую общественность обсуждать наиболее важные проблемы жизни, изучать и учитывать общественное мнение, обеспечить прозрачность, публичность и открытость принимаемых руководством решений. Здесь необходимо задействовать возможности СМИ и Интернет - ресурсов.

4. Проводить обязательную конкурсную процедуру и тщательный отбор кандидатов на замещение вакантных должностей, связанных с использованием властных полномочий. С этой целью переработать квалификационные требования и должностные инструкции сотрудников муниципальных органов, предусмотрев возможности использования сведений ФСБ, МВД, налоговых органов для изучения личности кандидатов.

5. Повышать личную ответственность руководителей всех уровней за деятельность подчиненных и конкретные результаты на вверенном участке работы. Создать эффективную систему антикоррупционных стимулов, мер морального и материального поощрения сотрудников.

6. Организовать действенную и обязательную систему переподготовки управленческих кадров городского и районного звена, в рамках которой обеспечить проведение специальных учебных курсов по профилактике коррупции и обучение возможностям использования современных форм и методов управления, исключающих возможность коррупционного поведения.

7. Разработать, внедрить и использовать в деятельности органов местного самоуправления современные формы и методы управленческой деятельности («система одного окна», «электронный документооборот», видеофиксацию и видеонаблюдение общения должностных лиц с гражданами и т.д.).

Представляется, что реализация указанных мер позволит не только создать реальные действенные механизмы противодействия коррупции в органах местного самоуправления современной России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Астафьев Л.В. К вопросу о понятии коррупции // Коррупция в России: состояние и проблемы. - М., 2003. - С. 53.
2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. - 4-е изд., дополненное. - М.: Азбуковник, 1997. - С.298.
3. Социально-экономические аспекты коррупции: проблемно-тематический сборник. - М.: ИНИОН РАН, 2002. - С. 78.
4. Долгова А.И. Определение коррупции и законодательство о борьбе с ней // Коррупция и борьба с ней. - М., 2000. - С. 4.
5. О противодействии коррупции: Закон Российской Федерации № 273-ФЗ от 25 октября 2008 года. - М., 2008.

Шмелева Е. Г.,
доктор экономических наук
(Казанский юридический институт МВД России)
Лебедева А. В.,
кандидат экономических наук
(Казанский юридический институт МВД России)

Организация межведомственного взаимодействия в рамках реализации Федерального закона № 210 «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг»

В статье раскрываются особенности деятельности государственных и муниципальных органов исполнительной власти по двум направлениям: повышение качества предоставления услуг; организация межведомственного взаимодействия в ходе предоставления государственных и муниципальных услуг населению и предпринимателям.

Ключевые слова: органы исполнительной власти, государственные услуги населению, органы самоуправления, межведомственное взаимодействие.

В 2010 году был принят Федеральный закон № 210 «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг»[1], направленный на повышение качества предоставляемых населению услуг. Приоритетными задачами, установленными в данном законе, являются оптимизация процедуры предоставления услуг путем их перевода в электронный вид и обеспечение эффективного межведомственного взаимодействия при обмене документами между органами федерального, республиканского и муниципального уровня.

Данный закон направлен в том числе и на обеспечение прозрачности предоставления услуг органами государственной и муниципальной власти. Цель закона – сделать услуги органов власти простыми, удобными и доступными для населения, сократив временные и материальные издержки граждан.

Достижение данной цели предполагает организацию деятельности государственных и муниципальных органов исполнительной власти в двух основных направлениях:

- повышение качества предоставления услуг муниципалитетами и органами государственной власти;
- организация межведомственного взаимодействия в ходе предоставления государственных и муниципальных услуг населению и предпринимателям.

Возьмём, к примеру, муниципальное образование. Повышение качества предоставления муниципальных услуг в любом из муниципалитетов подразумевает реализацию следующих шагов:

- 1) составление и поддержание в актуальном состоянии Перечня муниципальных услуг, предоставляемых органами местного самоуправления (утверждается постановлением Исполнительного комитета);
- 2) разработка и утверждение на основании Перечня муниципальных услуг административных регламентов;
- 3) размещение административных регламентов на официальном сайте муниципального образования;
- 4) размещение посредством ГИС «Реестр государственных и муниципальных услуг Республики Татарстан» сведений о муниципальных услугах на портале государственных и муниципальных услуг Республики Татарстан.

Таким образом, целью данного этапа является наведение порядка в процессе предоставления услуг органами местного самоуправления и обеспечение доступности для населения всей необходимой информации об услугах.

Организация эффективного межведомственного взаимодействия является обязательным условием повышения качества предоставления муниципальных услуг. В таблице 1 представлена выборка количества услуг, требующих организации межведомственного об-

мена документами (из общей массы услуг, предоставляемых районами Республики Татарстан).

Предоставление муниципальных услуг межведомственного характера в районах Республики Татарстан

Таблица 1

п/п	Наименование рай- онов	Количество му- ниципальных услуг	Количество муници- пальных услуг межведомст- венного характера
	Высокогорский	70	54
	Балтасинский	67	46
	Арский	65	41
	Рыбно-Слободский	65	47
	Пестречинский	58	42
	Атнинский	56	29
	Сабинский	56	52
	Лаишевский	51	35

Суть данного инструмента в сокращении количества документов, требуемых непосредственно от заявителя, путем организации взаимодействия между органами власти, в распоряжении которых уже имеются необходимые сведения.

Данная норма закона вступила в силу совсем недавно - с 01.07.2012[2] и с организационной и технической точки зрения является наиболее сложной. В Татарстане было принято решение о централизованной организации межведомственного взаимодействия.

В межведомственном взаимодействии в Республике Татарстан задействовано:

- 16 исполнительных органов государственной власти Республики Татарстан (Минтруд, Минздрав, Минобрнауки, Минсельхоз и др.);
- все 974 муниципальных образования (поселения, муниципальные районы и городские округа);
- 23 федеральных органа исполнительной власти (Росреестр, налоговая служба, миграционная служба, Пенсионный фонд и др.).

Подробный порядок проектирования межведомственного взаимодействия и непосредственной его организации утвержден Постановлением КМ РТ от 28.10.2010 N 864 (ред. от 07.08.2012) "Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг в электронном виде на территории Республики Татарстан, в том числе с использованием универсальных электронных карт» [3].

В соответствии с данным порядком:

- 1) во всех муниципальных районах (городских округах) были определены:
 - ответственный за повышение качества предоставления муниципальных услуг заместитель руководителя исполнительного комитета муниципального района (городского округа);
 - структурное подразделение, ответственное за организацию межведомственного взаимодействия;
 - структурные подразделения, ответственные за разработку технической карты межведомственного взаимодействия (ТКМВ) (непосредственно оказывающие услуги);

- муниципальные коллегиальные органы - в целях согласования и утверждения ТКМВ;

- должностное лицо, ответственное за организацию работы в региональной системе межведомственного электронного взаимодействия (администратор РСМЭВ);

2) во всех муниципальных районах (городских округах) проведен анализ муниципальных услуг, предоставляемых органами местного самоуправления, на предмет наличия документов межведомственного характера, на основании чего и определен соответствующий перечень муниципальных услуг по каждому району.

Существует три общих категории документов, необходимых при предоставлении услуг органами власти:

- документы, которые заявитель предоставляет лично в соответствии со ст.7 Федерального закона «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» (так называемые документы «личного распоряжения»);

- документы, являющиеся результатом необходимых и обязательных услуг, и которые заявитель также должен представлять лично. Перечни необходимых и обязательных услуг утверждены во всех муниципальных районах (городских округах);

- и, наконец, те самые документы, которые относятся к категории межведомственного характера, т.е. документы, находящиеся в распоряжении органов власти, и которые уже не должны запрашиваться у заявителя.

Анализ муниципальных услуг выявил 92 типовые услуги органов местного самоуправления, при предоставлении которых осуществляется взаимодействие между органами власти. Это муниципальные услуги:

- в сфере земельных и имущественных отношений;

- в жилищной сфере;

- в сфере архитектуры и градостроительства;

- в сфере охраны памятников истории и культуры.

Помимо этого, органами местного самоуправления оказываются государственные услуги межведомственного характера в сфере опеки и попечительства над недееспособными и несовершеннолетними лицами.

Данные услуги оказываются на уровне муниципального района либо городского округа. На уровне же сельских поселений услуг межведомственного характера не выявлено, то есть для выдачи таких документов, как выписка из домовой книги, похозяйственной книги, справки о составе семьи, не требуется получения документов от других органов власти. Но сельские поселения являются активными участниками межведомственного взаимодействия в качестве поставщиков документов. К примеру, выписка из домовой книги является одним из самых популярных межведомственных документов, который необходим как федеральным и региональным органам власти (в сфере труда и занятости), так и самим органам местного самоуправления (в жилищной сфере).

На основании соответствующего типового перечня муниципальных услуг с элементами межведомственного взаимодействия разработаны и утверждены технологические карты межведомственного взаимодействия (ТКМВ).

В целом данная карта представляет собой набор таблиц в формате «Excel», с помощью которых описываются документы, необходимые для предоставления услуги, и пути их оптимизации, в т.ч. путем организации межведомственного взаимодействия.

Практическая реализация ТКМВ заключается в двух ключевых мероприятиях:

- первое: во внесении изменений в нормативные правовые акты (в т.ч. административные регламенты) в целях устранения препятствий к переходу на межведомственное взаимодействие;

- второе: в технологической организации межведомственного взаимодействия совместно с Министерством информатизации и связи РТ.

Все технологические карты сведены в одну так называемую единую карту форматов электронных сервисов, в которой указаны орган власти, предоставляющий услугу (потребитель информации), орган власти, предоставляющий необходимые для этой услуги документы (поставщик информации), а также форматы взаимодействия. Именно данная сводная карта является по сути техническим заданием для разработки и внедрения Министерством информатизации и связи РТ электронных сервисов межведомственного взаимодействия при предоставлении государственных и муниципальных услуг.

Рассмотрим «узкие места», которые выявлены при анализе предоставления услуг с учетом межведомственного взаимодействия. Органы власти регулярно обращаются в Министерство экономики Республики Татарстан с предложениями включить в перечень требуемых документов устаревшие либо лишние справки, вместо того чтобы внести изменения в свой локальный нормативный акт.

Например, вместо уведомления об отсутствии обременения на объект недвижимости можно просто получить выписку из ЕГРП, которая содержит необходимую информацию и по которой реализован необходимый электронный сервис межведомственного взаимодействия.

Именно централизованная работа по организации межведомственного взаимодействия, сконцентрированная в Министерстве экономики и Министерстве информатизации и связи Республики Татарстан, позволяет выявлять данные факты и устранять недочеты.

В целом все обозначенные выше инструменты направлены на оптимизацию предоставления услуг. И они будут оставаться формальными до тех пор, пока все ведомства и муниципальные образования на практике не оптимизируют сам порядок предоставления конкретной услуги.

В соответствии с Указом Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления»[4], количество посещений заявителем органов власти в рамках одной услуги должно сводиться к минимуму: «к 2014 году - до 2». Следовательно, гражданин должен будет прийти и написать заявление на предоставление услуги, которая ему необходима (например, выдача справки), и во второй раз он приходит уже за готовым документом.

Анализ показал, что есть возможности для оптимизации предоставления услуг на местах. Так, например, в большинстве муниципальных районов заявителю при обращении за оказанием услуги в палату земельных и имущественных отношений необходимо получить там консультацию, затем подготовить пакет необходимых документов и отнести заявление в исполнительный комитет муниципального района, где его просто регистрируют и направляют заявителя снова в Палату земельных и имущественных отношений. Таким образом, необходимо три посещения только для того, чтобы подать документы. Целесообразно было бы организовать процедуру подачи заявления в одном месте, в данном случае - в палате земельных и имущественных отношений, которая является самостоятельным юридическим лицом. Более того, оптимально принятие окончательного решения не исполнительным комитетом, как это происходит зачастую, а самой палатой. Именно так организована работа в Рыбно-Слободском районе РТ. Данное делегирование полномочий является разумным и повышает качество предоставления государственных и муниципальных услуг.

Таким образом, перед органами местного самоуправления стоят следующие приоритетные задачи:

- 1) активное информирование населения о порядке предоставления услуг, разъяснение заявителям их прав при получении услуг в органах власти посредством сети Интернет, публикаций в средствах массовой информации, консультаций непосредственно в местах оказания услуг;
- 2) актуализация сведений об услугах в ГИС «Реестр государственных и муниципальных услуг РТ», на официальных сайтах своих муниципальных образований;
- 3) оптимизация предоставления услуг населению;

4) организация внутреннего еженедельного мониторинга:

- активности работы органов местного самоуправления в РСМЭВ;

- количества предоставленных услуг органами местного самоуправления и количества отказов в их предоставлении.

Решение указанных выше задач позволит услуги органов государственной и муниципальной власти сделать простыми, удобными и доступными для населения и предпринимателей, сократив их издержки и повысив качество жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг: Федеральный закон от 27.07.2010 N 210-ФЗ //Российская газета.- 2010.- 30 июля; Российская газета.-2012.- 30 июля.

2. См.: Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг: Федеральный закон от 27.07.2010 N 210-ФЗ //Российская газета.- 2010.- 30 июля; Российская газета.-2012.- 30 июля.

3. Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг в электронном виде на территории Республики Татарстан, в том числе с использованием универсальных электронных карт: постановление КМ РТ от 28.10.2010 N 864 // Сборник постановлений и распоряжений Кабинета Министров Республики Татарстан и нормативных актов республиканских органов исполнительной власти. - 2010. - N 46. - Ст. 2131.

4. Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления: Указ Президента РФ от 07.05.2012 N 601// Собрание законодательства РФ.-2012.- N 19.- Ст. 2338.

К вопросу об истории развития договора дарения

В статье автором проанализирована история развития договора дарения, начиная с римского права и до ныне действующих норм права. Затронуты все исторические этапы, подробно рассмотрен советский период развития настоящего договора.

Ключевые слова: римское право, договор дарения, нормы права.

Договор дарения имеет давнюю историю. Наряду с договором купли-продажи он был известен римскому праву. В первоначальный период дарение представляло собой неформальное соглашение, которое не пользовалось исковой защитой (*Pactum donationu*). Только в императорский период эти соглашения получили защиту в императорском законодательстве, т.е. стали *Pactum legitima*.

Дарение, по римскому праву, представляло собой договор, по которому одна сторона, даритель, предоставляет другой стороне, одаряемому, вещь (или иной составной элемент своего имущества, например, право требования) с целью проявить щедрость в отношении одаряемого.

Дарение могло состоять в передаче права собственности на вещь, в платеже денежной суммы, в установлении сервитута и т.д.[1] Дарением являлось и дарственное обещание, т.е. обещание предоставить какую-либо вещь в будущем или совершить определенное действие в пользу одаряемого. Но обещание имело обязательную силу, если оно было облечено в форму стипуляции, неформальное дарственное обещание не порождало обязательств.

Размер дарения для близких родственников не был ограничен, другим же лицам дарение допускалось в размере не более установленного законом.

Поскольку дарение не предполагало получение дарителем встречного предоставления, договор являлся безвозмездным, ответственность дарителя за эвикцию (отсуждение вещи у одаряемого) подаренной вещи, за недостатки вещи являлась ограниченной. Даритель отвечал только за умышленную вину.

При определенных обстоятельствах дарение могло быть отменено дарителем. Основанием отмены дарения во всех случаях являлась неблагодарность одаренного: нанесение тяжелой обиды, создание опасности для жизни дарителя, причинение ему значительного имущественного вреда. Дарение, совершенное патроном в пользу вольноотпущенника, могло быть отменено в случае рождения ребенка у патрона, который в момент совершения дарения являлся бездетным [2].

Как видно из сказанного, объектом договора дарения, по римскому праву, являлась не только вещь, но и право требования, принадлежащее дарителю.

В Своде Законов Российской Империи дарению посвящена глава 2 первого раздела третьей книги тома 10 [3]. В ст. 967 не содержится определение договора. В ней лишь сказано, что благоприобретенное имущество, как недвижимое, так и движимое, владелец может дарить свободно по своему произволу; родовое же имение дарить родственникам или чужеродным, мимо ближайших наследников, запрещается. В примечании же к ст. 967 разъяснено, что дарение есть добровольное и безвозмездное обогащение состояния другого лица через уменьшение собственного состояния. Оно добровольно потому, что даритель не должен быть обязан к учинению дара, и безвозмездно, ибо приниматель не должен быть дарением обязываем к исполнению какого-либо обратного действия. Далее в примечании подчеркивается, что дарение не утрачивает своего свойства и значения в случае, когда какая-нибудь нравственная или другая необязывающая причина побуждает дарителя к дару.

Ст. 991 Свода Законов различает дарение и духовное завещание. Духовные завещания, на основе которых имение при жизни владельца закреплялось за другими лицами бесповоротно, должны признаваться дарственными записями, и наоборот, дарственные записи, посредством которых имущество должно поступить в другое владение не при жизни, а после смерти дарителя, принадлежат по существу своему к актам завещательным [4].

В целом нормы Свода Законов рассматривают договор дарения как двухстороннюю сделку, предмет которой составляет имущественное отчуждение. Оно относится к разряду договоров, исполнение которых состоит в передаче имущества, а не в личном действии.

Несколько своеобразным представляется суждение о договоре дарения Д.И. Мейера. В его Курсе русского гражданского права параграф, посвященный дарению, помещен не в главе об обязательственном праве, а в главе об имущественных правах, § 36.

Д.И. Мейер объяснил это тем, что дарение не всегда является договором. По договору приобретается право на чужое действие, по дарению же не всегда приобретается право на чужое действие, а иногда и другое право. Например, лицо обязывается подарить другому известную вещь: тут действительно представляется договор, по которому другое лицо приобретает право на действие, и притом приобретает его безвозмездно. Но если лицо, не будучи предварительно обязано подарить вещь, прямо передает ее безвозмездно другому лицу: здесь лицо не приобретает права на чужое действие, а приобретает право собственности на вещь [5].

Далее Д.И. Мейер указывает, что значение дарения в науке более отрицательное, нежели положительное. Безвозмездное отчуждение прав - явление не обычное, поэтому есть случаи, где оно ограничивается или даже запрещается законом. И вот важно определить, что именно запрещено законом. Это тем более важно, что иногда дарение прикрывается другою сделкою, а иногда, наоборот, оно прикрывает другую сделку.

Давая определение дарению, Д.И. Мейер не употребляет слова «договор», а определяет его как безвозмездное намеренное отчуждение какого-либо имущественного права со стороны одного лица другому, отчуждение, сопряженное с лишением этого права для дарителя.

Предметом дарения автор считал любое имущественное право, а не только право собственности, хотя, по его мнению, чаще всего именно право собственности составляет предмет дарения. Следуя за нормой, содержащейся в Своде Законов, Д.И. Мейер не называет других имущественных прав, которые могут составлять предмет дарения.

Свод Законов различал, кроме собственно дарения, выдел имущества родителями детям, приданое дочерям или другим лицам, вступающим в брак, пожертвование имущества государству для каких-либо целей. Однако Д.И. Мейер не считал удачным выделение пожертвования в особый вид дарения, как не считал удачным различие выделенного детям имущества и приданого.

Г.Ф. Шершеневич, анализируя те же нормы Свода Законов о дарении, рассматривал отношения по дарению как договорные. Определяя понятие договора, он писал: «Дарением называется безвозмездный договор, направленный непосредственно на увеличение имущества одаряемого в соответствии с уменьшением имущества дарителя» [6]. Далее автор указал, каким способом может быть увеличено имущество одаряемого. Оно может быть увеличено путем: передачи вещей в его собственность; предоставления ему других вещных прав, с которыми соединено пользование; установления обязательственного отношения, в котором одаряемому присваивается право требования; освобождения одаряемого от обязательства или устранения ограничения его права собственности. Назвав способы увеличения имущества одаряемого, Г.Ф. Шершеневич по сути определил предмет договора дарения.

В зависимости от предмета договора разнообразится и форма дарения. Если вследствие дарения устанавливается обязательственное отношение, в силу которого даритель обязывается в будущем передать вещь, то не требуется письменной формы. Если же в силу дарения одновременно с соглашением должна следовать передача права собственности, то форма дарения зависит от того, является ли предметом дарения недвижимость или движимые вещи. Дарение недвижимости должно совершаться крепостным порядком в соответствии со ст. 987 Свода Законов. Движимое имущество переходит к одаряемому в результате простого вручения. Письменная форма для такого дарения не требуется.

Разъясняя смысл статей 974 и 975, Г.Ф. Шершеневич называет случаи, когда дар подлежит возвращению. К ним относятся: 1) неисполнение условия, под которым совершено было дарение; 2) неблагодарность одаренного в отношении дарителя; 3) беспотомственная смерть одаренных детей; 4) несостоятельность одаренного [7].

Свод Законов в целом и нормы о дарении в частности действовали в России вплоть до 1917 года.

Значительное сходство в регулировании отношений по дарению российское право имело с германским и французским.

Французский Кодекс рассматривал дарение как один из способов приобретения права собственности. Поэтому дарение рассматривается Кодексом наряду с завещаниями, т.к. оба эти института имеют ряд одинаковых черт. А французские юристы рассматривали дарение как обязательственный договор или контракт, т.е. соглашение, в силу которого одно или несколько лиц обязываются относительно других лиц, одного или нескольких, что-либо дать, сделать или не делать, хотя в Кодексе дарение именовалось не договором, а актом.

Дарение, по определению Кодекса, есть акт, посредством которого даритель немедленно и безвозвратно отказывается от вещи в пользу одаренного [8].

Право собственности одаряемого возникает с момента совершения дарения, т.е. с момента передачи вещи. Поэтому обещание подарить сумму денег при отсрочке платежа дарением не признается. Дарение недвижимого имущества требует совершения транскрипции, т.е., в переводе на современный язык, изложения в письменной форме. Французские юристы, по словам В.А. Умова, считали дарение до транскрипции не вступившим в силу, так как по воле дарителя оно может остаться без действия, т.е. даритель может и не передать обещанное имущество. Французским Кодексом запрещается и объявляется ничтожным дарение будущих вещей, т.е. таких, которые в момент дарения не принадлежат еще дарителю [9].

В Германском гражданском уложении дарению посвящена глава 2 в праве обязательственных отношений. Глава включает в себя параграфы 516-574. В § 516 понятие дарения определено как предоставление, которым одно лицо из своего имущества обогащает другое лицо. Такое предоставление признается дарением, если обе стороны согласны с тем, что оно совершается безвозмездно.

В § 516 и § 518 закон различает два вида договора дарения: договор, содержащий обещание совершения дарения, и соглашение о безвозмездности дарения. В первом случае дарение обозначается как дарение на основе обещания, во втором как непосредственное дарение.

Договор дарения на основе обещания как обязательственный договор порождает обязательство дарителя по отношению к одариваемому произвести обещанное исполнение. Правопритязание одариваемого реализуется на основе произведенного исполнения, т.е., например, в результате передачи ему права собственности на подаренную вещь. Поскольку дарение является обязательством по безвозмездному предоставлению, одариваемое лицо не обязано производить встречного удовлетворения [10].

Согласно § 518 для действительности договора, содержащего обещание исполнить его путем дарения, требуется нотариальное засвидетельствование обещания. Но в нотари-

альном удостоверении нуждается лишь волеизъявление дарителя (обещание совершить дарение), а не сам договор в целом. Несоблюдение формы волеизъявления дарителя влечет ничтожность договора. Но недостаток формы преодолевается путем производства обещанного исполнения.

Договор непосредственного дарения имеет место, когда налицо обещание произвести исполнение в порядке дарения, и такое дарение осуществляется сразу же. Такое дарение не порождает обязанности дарителя произвести исполнение, а представляет собой приглашение о безвозмездности, сопровождаемое актом передачи вещи.

Как в первом, так и во втором случае Германское гражданское уложение рассматривает дарение не как единый договор, а как две самостоятельные сделки: первая – волеизъявление дарителя, вторая – сам акт предоставления.

Волеизъявление дарителя в случае соглашения о безвозмездности не требует соблюдения определенной формы. В § 518 сказано, что в случае непосредственного дарения форма договора дарения не имеет значения. Как видно, германский закон ставит форму в зависимость не от предмета дарения, а от того, как складываются отношения дарителя и одариваемого.

После революции 1917 года в России частная собственность на орудия и средства производства была национализирована, а в отношении имущества, оставшегося в руках прежних собственников, было ограничено право распоряжения. 27 апреля 1918 года был принят Декрет ВЦИК, которым отменялось наследование имущества [11]. Для того чтобы затруднить обход декрета об отмене наследования путем прижизненного распоряжения имуществом, в мае 1918 года издается Декрет ВЦИК, которым ограничивается дарение имущества. Декретом «О дарениях» ограничена сумма стоимости имущества, которое можно было дарить. Дарение имущества на сумму свыше 10 тысяч рублей было признано недействительным, а дарение на сумму от одной тысячи рублей до 10 тысяч рублей под страхом недействительности должно было быть нотариально удостоверено либо признано решением суда [12].

1 января 1923 года вступил в действие первый советский Гражданский кодекс. В Кодексе дарению была посвящена одна статья, помещенная в параграф об обязательствах, возникающих из договоров. Это статья 138.

Первоначальная редакция статьи воспроизводила правила Декрета «О дарениях», т.е. в ней говорилось о запрещении дарения на сумму свыше 10 тысяч рублей. Однако Декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 4 октября 1926 года [13] ограничение суммы дарения было отменено, изменилась и редакция статьи 138 ГК. В ней говорилось: «Договор о безвозмездной уступке имущества (дарение) на сумму более одной тысячи рублей должен быть, под страхом недействительности, нотариально удостоверен». Вместе с тем договор дарения подпадал под общее правило о форме договоров, содержащееся в статье 136 ГК, согласно которой договор на сумму свыше 500 рублей должен быть совершен в письменной форме. Нарушение этого правила лишало стороны в случае спора права ссылаться на свидетельские показания в подтверждение договора. Подтверждать договор можно было только письменными доказательствами. Таким образом, договор дарения на сумму до 500 рублей мог заключаться в устной форме, для договоров на сумму от 500 до 1 тысячи рублей требовалась простая письменная форма, а дарение на сумму свыше 1 тысячи рублей требовало нотариального удостоверения. Сумма договора устанавливалась по стоимости объекта дарения, а в качестве объекта, как следовало из смысла ст. 138, могли быть только вещи, имущество.

Форма договора дарения зависела не только от стоимости имущества, составляющего объект дарения, но и от характера самого объекта. При дарении строений форма договора определялась правилами ст. 185 ГК, согласно которой договор дарения строения должен быть нотариально удостоверен под страхом недействительности и зарегистрирован в подлежащем коммунальному отделу. Стоимость строения значения не имела.

В Гражданском кодексе РСФСР 1964 года договору дарения была посвящена специальная глава 23, которая включала в себя две статьи: 256 и 257. Первоначально в первой из них давалось определение договора дарения, а во второй устанавливалась форма договора.

Согласно ст. 256 по договору дарения одна сторона передает безвозмездно другой стороне имущество в собственность. В ней также был определен момент, с которого договор считался заключенным. Таким был назван момент передачи имущества, т.е. договор дарения признавался реальным договором.

В этой же статье говорилось о пожертвовании гражданином имущества государственной, кооперативной или другой общественной организации. Пожертвование не только разрешалось, но гражданину предоставлялось право обусловить использование этого имущества для определенной общественной полезной цели.

Кодекс 1964 года несколько изменил требования к форме договора. Нотариальное удостоверение требуется теперь для договоров на сумму свыше 500 рублей, а при дарении валютных ценностей удостоверение договора у нотариуса необходимо при сумме в 50 и выше рублей.

Договор дарения имущества государственным, кооперативным и другим общественным организациям мог заключаться в простой письменной форме.

В первоначальной редакции ст. 257 определялась форма договора дарения жилых домов. Законодатель отсылал в этом случае к ст. 239, в которой речь шла о купле-продаже жилых домов.

Форма договора купли-продажи, а значит, и дарения жилого дома зависела от того, в какой местности дом находился. Договор дарения жилого дома (части дома), находящегося в городе или поселке городского типа, должен быть нотариально удостоверен, если хотя бы одной из сторон является гражданин, и зарегистрирован в исполнительном комитете районного, городского совета депутатов трудящихся.

Договор дарения жилого дома, находящегося в сельском населенном пункте, должен был быть совершен в письменной форме и зарегистрирован в исполнительном комитете сельского совета депутатов трудящихся. Несоблюдение указанной формы влекло за собой недействительность договора дарения.

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 28 мая 1986 года было установлено правило о нотариальном удостоверении договоров купли-продажи и дарения строительных материалов [14]. Желание государства взять под контроль куплю-продажу и дарение строительных материалов объяснялось широким распространением незаконной продажи стройматериалов, похищаемых на стройках. В ГК РСФСР была введена ст. 139, согласно которой договор дарения строительных материалов должен был быть нотариально удостоверен, кроме случаев, когда даритель передавал одаряемому имущество вместе с документами о его приобретении в торговой или иной организации. Несоблюдение этого требования влекло признание договора недействительным как противозаконного.

Такое скупое и даже, по выражению В.В. Витрянского, убогое регулирование нормами права, содержащимися в Кодексах 1922 и 1964 годов, являлось убедительным свидетельством крайне пренебрежительного отношения советского государства к нуждам своих граждан [15]. Со стороны ученых-юристов отношения по дарению также не подвергались серьезному исследованию. Даже такой видный ученый советского периода, как О.С. Иоффе, не видел практической надобности в детальном нормировании отношений, основанных на дарственных актах, за что получил справедливый упрек В.В. Витрянского.

ЛИТЕРАТУРА

1. Новицкий И.Б. Основы римского гражданского права. – М., 1972. – С. 250.
2. Новицкий И.Б. Указ. соч. – С. 251.
3. Свод Законов Российской Империи. Т. 10. – М., 1904. – Ст. 991.
4. Свод Законов Российской Империи. Т. 10. – М., 1904. – Ст. 991.

5. Мейер Д.И. Русское гражданское право. – М., 1973. – С. 200-210. В этом случае Д.И. Мейер последовал за Сводом Законов, где правила о дарении помещены в разделе «О порядке приобретения и укрепления прав на имущество в особенности».
6. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. – М., 1911. – С. 490.
7. Шершеневич Г.Ф. Указ. соч. – С. 495.
8. Умов В.А. Дарение, его понятие, характеристические черты и место в системе права. – М., 1876. – С. 136-137.
9. Умов В.А. Указ. соч. – С. 73.
10. Шапп Я. Основы гражданского права Германии. – М., 1996. – С. 76.
11. Об отмене наследования: Декрет ВЦИК от 27 апреля 1918 г. // СУ РСФСР. - 1922. – № 71. – Ст. 904.
12. О дарениях: Декрет ВЦИК от 22 мая 1918 г. // СУ РСФСР. – 1918. – № 43. –Ст. 525.
13. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 4 октября 1926 г. // СУ РСФСР. – 1926. – № 96.
14. Ведомости Верховного Совета РСФСР. –1986. – № 23. – С. 638.
15. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга 2. – М., 2000. – С. 329.

Рахимов И.И.,
доктор биологических наук, профессор
(Казанский юридический институт МВД России)

РАЗВИТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОХРАНЕ ЖИВОТНОГО МИРА РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН И ПЕРСПЕКТИВЫ СОХРАНЕНИЯ БИОРАЗНООБРАЗИЯ

В Республике Татарстан сложилась система природоохранного законодательства, обеспечивающая сохранение природных ресурсов и биологического разнообразия. Одно из ведущих мест занимает законодательство в области охраны животного мира. Принятый в республике закон «Об охране и рациональном использовании животного мира» предполагает комплекс научно-практических мероприятий способствующих сохранению фауны в условиях активного антропогенного воздействия на природные комплексы.

Ключевые слова: природоохранное законодательство, природные ресурсы, биологическое разнообразие, охрана животного мира.

Действующая на территории Республики Татарстан система природоресурсного и природоохранного законодательства, основанная на конституционных основах Российского государства и Конституции Республики Татарстан, обеспечивает сохранение природных ресурсов и биологического разнообразия региона. В рамках предоставленных Конституцией Российской Федерации полномочий органы государственной власти республики постоянно стремятся развивать и совершенствовать собственную законодательную и нормативную базу в области природопользования и охраны окружающей среды. В этом направлении не последнее место занимает законотворческая деятельность по охране животного мира [9]. В настоящее время основными документами, регламентирующими использование и охрану животного мира в Татарстане, являются:

- Закон Республики Татарстан от 28 июня 2004 г. № 38-ЗРТ «Об охране окружающей среды в Республике Татарстан» (с изменениями от 22 июня 2006 г., 16 февраля, 5, 11 июля, 2 августа 2007 г.);

- Закон Республики Татарстан «Об охране и рациональном использовании животного мира» от 2 июня 1997 г. № 1241;

- Закон Республики Татарстан от 16 октября 1997 г. № 1360 "Об особо охраняемых природных территориях»;

- «Экологический кодекс Республики Татарстан» от 15 января 2009 г., осуществляющий комплексное регулирование в сфере охраны природы и совершенствование правовых основ охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности.

В Республике Татарстан, помимо крепкой законодательной базы в области охраны и защиты животного мира, принимаются меры по ведению Красной книги Республики Татарстан, в которой содержатся сведения о состоянии и численности редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных, растений и грибов. Первая Красная книга Республики Татарстан была издана в 1995 г., в конце 2006 г. вышло второе издание [2,3]. В настоящий момент список охраняемых животных включает 258 видов позвоночных и беспозвоночных животных (для сравнения, в Красной книге 1995 года издания насчитывалось 239 видов). В их числе млекопитающих – 34 вида (32 в 1995 году), птиц – 84 (85), рептилий – 5 (4), амфибий – 3 (2), рыб – 10 (9), беспозвоночных – 122 вида (107). В списке видов растений, предлагаемых к охране вторым изданием Красной книги РТ, приведено 376 видов и 40 видов грибов.

Все возрастающая деятельность человека и в дальнейшем будет определять существование биосферы. В этих условиях все сложнее будут решаться вопросы как охраны

естественных природных экосистем, так и охраны животного мира в частности. Интенсивное антропогенная трансформация естественных природных ландшафтов, демографический взрыв, глобальное загрязнение окружающей среды все меньше оставляют естественных территорий для живых организмов, приводя к еще большему обострению взаимоотношений человека и животных.

В представленной работе выделены основные научно-практические направления деятельности по реализации оптимальных взаимоотношений человека и представителей животного мира в условиях интенсивного антропогенного влияния на природные комплексы.

1. Осуществление постоянного биомониторинга региональной фауны, популяций животных и отдельных видов. В соответствии с ФЗ «Об охране окружающей среды» (2002) экологический мониторинг предполагает регулярные наблюдения за состоянием окружающей среды, в том числе компонентов природной среды, естественных экологических систем за происходящими в них процессами, явлениями, изменениями состояния окружающей среды; анализ полученной информации в целях своевременного выявления изменений состояния окружающей среды под воздействием природных и (или) антропогенных факторов, оценка и прогноз этих изменений.

Имеющийся в Татарстане научный потенциал, а также система государственных учреждений и ведомств, осуществляющих контроль за состоянием среды, являются существенным фактором в решении мониторинговых и биоиндикационных задач. Решение этих проблем - это выход на научное управление как численностью, так и поведением животных. В первую очередь, это касается массовых видов, имеющих хозяйственное значение и, главным образом, для сельского хозяйства.

2. Создание и расширение сети особо охраняемых природных территорий (ООПТ) с разной степенью хозяйственного, природоохранного и рекреационного использования. В Татарстане в этом направлении ведется постоянная работа и ежегодно местными и республиканскими министерствами и ведомствами утверждаются десятки новых территорий.

Базой создания ООПТ является Федеральный закон Российской Федерации от 14 марта 1995 г. №33-ФЗ. Кроме этого, отношения, связанные с использованием природных ресурсов особо охраняемых природных территорий, регулируются также Земельным кодексом Российской Федерации, Законом Российской Федерации “О недрах”, Водным кодексом Российской Федерации, Лесным кодексом Российской Федерации, Федеральным законом “О животном мире”.

Особо охраняемые природные территории (ООПТ) являются важной формой сохранения биологического разнообразия. В условиях интенсивного антропогенного влияния на природные комплексы, в окружении активно эксплуатируемых территорий ООПТ осуществляют свои функции и обеспечивают сохранность животных и растений данного участка, находясь под сильным антропогенным прессом [1]. Для поддержания территориального экологического равновесия площади экстенсивно используемых и охраняемых территорий по отношению к интенсивно эксплуатируемым должны составлять: в лесной зоне - 30-35 %, в зоне лесостепи - 25-30 % [8]. При этом условии сохраняется относительная целостность биотопа, а пространственная мозаичность участков обеспечивает поддержание благоприятных условий для животных с активным образом жизни. Сегодня, например, только 1,3 % территории Татарстана относится к системе особо охраняемых, включая Волжско-Камский государственный природный биосферный заповедник и национальный парк “Нижняя Кама”.

В соответствии с изданным “Государственным Реестром особо охраняемых природных территорий РТ”, в Татарстане имеется 167 объектов ООПТ, в том числе: один заповедник и один национальный парк, 16 государственных природных заказников, 131 памятник природы, 18 охотничьих заказников. Все эти территории, главным образом, обеспечивают сохранение многообразия фауны республики и в наибольшей степени создают условия для сохранения редких видов наземных позвоночных животных. Татарстан расположен в

промышленном регионе с развитой транспортной сетью, большой плотностью населения и множеством населенных пунктов. Большая часть территории - это земли сельскохозяйственного назначения (69, 2 % от общей площади РТ). Лесной фонд составляет 16,9 % территории. В этих условиях роль ООПТ для Республики Татарстан крайне важна.

В сфере международного сотрудничества республики нужно отметить важное событие в области заповедного дела и сохранения биоразнообразия. Согласно решению Президиума Международного координационного совета МАБ ЮНЕСКО, в 2005 г. в Республике Татарстан был учрежден Большой Волжско-Камский биосферный резерват. Сертификаты ЮНЕСКО получили также Раифский и Саралинский участки Волжско-Камского государственного природного заповедника как кластерные участки этого резервата. В связи с рекомендацией Президиума Международного координационного совета МАБ ЮНЕСКО о необходимости увеличения количества кластеров в 2007 г. в состав Большого Волжско-Камского биосферного резервата были включены государственные природные комплексные заказники (ГПКЗ) «Спасский» и «Свияжский». Провозглашение Волжско-Камского государственного природного заповедника биосферным резерватом ЮНЕСКО является результатом значительного объема работ в сфере научно-исследовательской и эколого-просветительской деятельности, важным шагом в области сохранения и защиты не только животного и растительного мира, но и всего биологического разнообразия как на территории заповедника, так и на прилегающих объектах природно-заповедного фонда Республики Татарстан, и установления партнерских отношений с зарубежными странами.

На территории республики из наземных позвоночных можно встретить 11 видов земноводных, 8-9 видов пресмыкающихся, 305 видов птиц, 76 видов млекопитающих. При имеющемся многообразии большая часть животных отнесена к категории редких, о чем свидетельствует Красная книга Республики Татарстан. 44 % млекопитающих, около 30 % птиц, 62 % пресмыкающихся и 36 % земноводных являются редкими и исчезающими.

Волжско-Камский государственный природный заповедник (ВКГПБЗ) обеспечивает сохранение большинства видов наземных позвоночных, включенных в Красную книгу РТ (65 % птиц обитают на территории заповедника). В их числе: орлан-белохвост, сапсан, скопа и др.

Национальный парк «Нижняя Кама» создан с целью сохранения уникальных сосновых боров и пойменных лугов реки Камы. В условиях парка, площадь которого в три раза превышает площадь ВКГПБЗ, сохраняются многие редкие позвоночные, обитающие на стыке южной тайги и лесостепи. В этих местах отмечены такие виды, как камышница, перепел, угод, ушастая сова и др.

Из большого количества памятников природы и заказников Татарстана ряд участков выделен с целью сохранения отдельных видов редких животных или фаунистических комплексов, это «зоологические» памятники природы. Это 4 сурковые колонии, 2 колонии серой цапли, колонии озерной чайки.

Колонии сурков-байбаков охраняются в природных заказниках и памятниках природы: Чатыр Тау (Азнакаевский район), Чершилинская сурковая колония (Лениногорский район), Ново-Тинчалинская и Утинская колонии (Буинский район). Кроме сурков, отмечен ряд редких степных видов птиц, сохранившихся на территории ООПТ: степной лунь, степной орел, серая куропатка, перепел, угод.

Памятники природы с колониями серых цапель и озерных чаек созданы для сохранения этих уникальных гнездовых, хотя сами виды не относятся к числу редких птиц Татарстана и не включены в Красную книгу. Но на этих участках совместно с ними сохраняются некоторые виды, относящиеся к категории редких. Так, на территории Корсинской колонии цапель отмечен балобан, на гнездовой колонии чаек в Лаишевском районе встречены большая выпь, черношейная поганка и др.

Заказники, созданные с целью охраны отдельных промысловых видов животных, также относятся к системе ООПТ и сохраняют на своей территории редкие виды позвоночных. На юго-востоке имеется ряд заказников (Азнакаевский, Бугульминский, Шугуровский), где встречены перепел, серая куропатка, занесенные в Красную книгу РТ. В государственных заказниках, расположенных в лесной зоне, встречаются кедровка, обыкновенный клест, кукушка и др.

3. Экологический контроль и расширение исследований на территории антропогенных ландшафтов, особенно урбанизированных. При современных темпах урбанизации, когда площади городских территорий расширяются, поглощая разнообразные ландшафты естественной среды и оказывая мощное воздействие на природу всего региона, проблемы сохранения биоразнообразия являются актуальными и рассчитанными на дальнюю перспективу. В ходе развития человечества города становятся средой жизнедеятельности постоянно возрастающего числа людей. Городская среда при этом является не только средой обитания человека, но и многих видов животных, оказавшихся в зоне воздействия антропогенного фактора.

Сохранившиеся в городе растения и животные приспосабливаются к создающимся условиям. Исследования подтверждают высокую экологическую пластичность и большие потенциальные возможности животных. Например, даже крупные хищные птицы устраивают гнезда на мачтах линий электропередач, чайки селятся на плоских крышах приморских городов и т.д. Однако, фактор беспокойства, непосредственное преследование и уничтожение отдельных особей являются причиной исчезновения животных.

Создание в системе городских территорий зон с умеренной антропогенной нагрузкой, сохранение естественных биотопов позволяет сохранить многие виды. Однако урбанизация повлекла за собой увеличение численности отдельных видов, которое сейчас требует регуляции, например, рост численности сизых голубей и врановых, серых крыс, домовых мышей. В условиях урбанизации разумное природопользование и специальные меры охраны позволят сохранить город как особую экосистему и позволят поддержать экологическое равновесие городской среды.

Данные свидетельствуют о том, что весь комплекс лимитирующих факторов, влияющих на численность и распространение животных, связан с деятельностью человека – от прямого преследования до косвенного влияния в результате загрязнения среды обитания. С учетом всеобъемлющего характера действия антропогенных факторов необходимо создавать условия сохранения фауны и флоры внутри трансформированных территорий. В Татарстане имеется масса примеров сбалансированного отношения с учетом интересов природы при реконструкции и планировании территории городских поселений. Это и Нижнекамск, и Альметьевск, и др. населенные пункты РТ.

Таблица 1.

Лимитирующие факторы у птиц, занесенных в региональные Красные книги

Лимитирующие факторы	Красная книга Республики Татарстан (в %)
Нарушение местообитаний	57
Прямое преследование	10
Загрязнение среды	20
Беспокойство	33
Неясные	13

4. Искусственное разведение редких видов и их последующий выпуск в естественные местообитания, дичеразведение. Современное экономическое положение страны не позволяет активно финансировать эти работы в научных учреждениях, и многие проекты закрыты ввиду отсутствия средств. В последние годы в этом направлении имеется определенный сдвиг, так как выполнение совместных проектов с зарубежными учеными, поддержка про-

грамм по сохранению отдельных видов и различные формы спонсорской помощи позволяют выполнить некоторые интересные проекты.

В этом же направлении осуществляется работа в зоологических садах. Наряду с большой эколого-образовательной и массово-просветительской работой в них ведется работа по сохранению редких представителей фауны птиц. По данным информационного сборника зоологических коллекций (1999), в Среднем Поволжье функционируют четыре стационарных зоопарка, включая два старейших и крупнейших в Европейской части России – Пензенский и Казанский.

В Казанском зооботсаде многие годы под руководством научного сотрудника Ю.И.Павлова велись работы по искусственному выведению хищных птиц и размножению их в условиях неволи. Активно ведется работа по разведению белого медведя и др.

5. Массовая пропагандистская деятельность, также направленная на оптимизацию взаимоотношений человека и животных. Арсенал этой деятельности достаточно широк, он позволяет довести информацию до различных категорий населения. В результате этой работы создается позитивное отношение к животным и растениям, что особенно важно в работе с учащейся молодежью и детьми.

Выпуск популярных изданий, детских книг о фауне птиц родного края способствуют развитию любви и бережного отношения к птицам. В Татарстане регулярно издаются книги о природе родного края. Пользуются популярностью и известны широкой аудитории книги: Попов В.А. «Редкие и исчезающие виды животных Татарии» (1978), Рахимов И.И., Павлов Ю.И. «Хищные птицы и совы Татарстана» (1999), Попов В.А., Лукин А.В. «Животный мир Татарии» (1971), Рахимов И.И., Ибрагимова К.К. «Растительный и животный мир Татарстана» (2006) и др. [4, 5, 6, 7]

В деле сохранения биоразнообразия и охраны животного мира республики должны принимать участие многие ведомства и службы, которые имеют дело с фауной и природными комплексами в рамках своих полномочий. Например, высокая численность ряда синантропных птиц может быть нежелательной и поэтому требует регуляции. Коммунальные службы, отделы санитарно-эпидемиологического надзора, отделы благоустройства города призваны вести контроль и должны предусмотреть мероприятия, препятствующие росту численности нежелательных видов. В первую очередь, это касается мероприятий по оздоровлению и благоустройству антропогенной территории. Содержание в надлежащем порядке организованных свалок мусора и мест сбора пищевых остатков значительно повлияет на численность синантропных птиц. Сокращение численности врановых положительно скажется на численности полезных птиц и, в конечном счете, будет способствовать сохранению разнообразия фауны.

В 1997 году принят Закон Республики Татарстан «Об охране и рациональном использовании животного мира» [9]. Это единственный подобного рода государственный документ в Среднем Поволжье, направленный на сохранение животного мира. В его подготовке и обсуждении приняли участие ученые, правоведы, работники различных заинтересованных организаций Татарстана. Закон «закрепляет принципы государственной политики республики в области охраны, научно-обоснованного и рационального использования животного мира, определяет ее правовые, экономические и социальные основы и направлен на сохранение и возобновление животного мира и среды его обитания».

В Республике Татарстан постоянно совершенствуется законодательная и нормативная правовая база в сфере охраны и рационального использования биологических ресурсов; продолжается работа по увеличению сети особо охраняемых природных территорий как главного инструмента сохранения и восстановления животного, растительного мира и экосистем; работа по ведению Красной книги Республики Татарстан; полным ходом идет работа по усилению взаимодействия природоохранных и правоохранительных органов в сфере предотвращения и пресечения незаконного использования охотничьих и рыбных ресурсов. Все это, несомненно, будет иметь результат, и в Республике Татарстан действительно проявится один из

важнейших принципов Хартии Земли: «Признать, что все живое на Земле взаимозависимо и каждая форма жизни ценна независимо от ее значимости для людей». Хартия Земли (2000 г., Париж) — международная декларация основополагающих принципов и ценностей для создания справедливого, устойчивого и мирного глобального общества в XXI веке. Созданная в процессе широкого многокультурного, многосекторального обсуждения, она направлена на пробуждение во всех людях нового чувства взаимозависимости и общей ответственности за благополучие всех людей, всего живого сообщества и будущих поколений. 27 апреля 2001 года Постановлением Госсовета РТ "О проекте Хартии Земли" Татарстан стал первым в мире регионом, где этот документ был одобрен на законодательном уровне и утвержден для практического применения.

Литература

1. Гаранин В.И., Рахимов И.И. Роль ООПТ в сохранении редких наземных позвоночных Татарстана // Роль ООПТ в сохранении биоразнообразия: материалы научн.-практ.конф. - Чебоксары, 2000. - С.32-36.
2. Красная Книга Республики Татарстан. Казань: Природа, 1995. – 453 с.
3. Красная книга Республики Татарстан (животные, растения, грибы). - Казань: Идель-Пресс, 2006. - 832 с.
4. Попов В.А. Редкие и исчезающие виды животных Татари. - Казань: Татарское книжн. изд-во, 1978. - 96 с.
5. Попов В.А., Лукин А.В. Животный мир Татари. - Казань: Татарское книж. изд-во, 1988. - 248 с.
6. Рахимов И.И., Ибрагимова К.К. Растительный и животный мир республики Татарстан: учебное пособие для образовательных учреждений РТ. – Казань: Магариф, 2006. - 191 с.
7. Рахимов И.И., Павлов Ю.И. Хищные птицы и совы Татарстана: научно-популярное изд. - Казань: Татполиграф, 1999. - 133 с.
8. Реймерс Н.Ф. Природопользование. – М.: Мысль, 1990. - 637 с.
9. Экологическое законодательство Республики Татарстан. – Казань: Татаполиграф, 1999.- 722 с.

О некоторых аспектах обеспечения личной и общественной безопасности полицией

Анализируя проблемы безопасности, личной и общественной, автор останавливается на формах и методах подготовки специалистов в ведомственных вузах в период реформирования милиции и формирования полиции.

Ключевые слова: проблемы безопасности, федеральные правоохранительные стандарты, общественная безопасность, ситуационный центр.

Несмотря на относительную социальную стабильность в обществе, значительная часть граждан РФ все еще обеспокоена вопросами обеспечения как собственной безопасности, так и безопасности своих близких и родственников. Вопреки ожиданиям специалистов в сфере правопорядка, предпринимаемые государством меры организационно-правового и материально-технического характера не привели к сколь-нибудь социально ощутимому снижению уровня преступности. Преступность все еще остается доминирующим фактором, дестабилизирующим общую обстановку и оказывающим существенное влияние на уровень реальной, а не декларируемой защищенности личности и общества. Подобное положение подрывает не только авторитет органов полиции, но и формирует негативное отношение граждан в целом к органам государственной власти в их способности решить значимые социальные задачи.

Между тем тщательный анализ проблемы безопасности показывает, что ее повышение требует решения как минимум трех взаимообусловленных задач: образовательной (педагогической), содержательной и организационной.

Во-первых, проблема обеспечения безопасности в различных сферах человеческой деятельности в условиях рыночных отношений обостряется из года в год с тенденцией постепенного снижения, и в последние годы приобрела особую актуальность. Ситуация в этой сфере усложняется тем, что само понятие «обеспечение безопасности» является многоаспектным, многогранным явлением, не имеющим линейного, однозначного варианта своего решения. Несмотря на предпринимаемые государством меры, добиваться адекватного улучшения уровня безопасности по отдельным направлениям не всегда удается. Примером может послужить принятая в 2007 году Федеральная программа по безопасности на дорогах. Несмотря на выделение огромных финансовых средств, направленных на улучшение качества дорожного покрытия, на формирование законопослушного поведения участников дорожного движения, адекватного усиления безопасности не наблюдается. В этом контексте остро стоит вопрос об оценке эффективности предпринимаемых мер по усилению безопасности. Некоторые авторитетные специалисты ставят под сомнение целесообразность кратного увеличения государственных расходов, направляемых на усиление безопасности. К слову, на поддержание системы национальной, общественной безопасности в Российской Федерации в минувшем году было потрачено более 24 процентов всего национального дохода страны. Лишь на содержание ОВД на текущий год выделено более 1 триллиона 300 миллиардов рублей. В этом контексте постановка вопроса об эффективности их использования действительно носит альтернативно дискуссионный характер. Между тем следует понять, что в отличие от командно-административной, жесткой системы государственного управления в условиях рыночных отношений безопасность становится товаром, имеющим реальную цену. При понимании важности этого вопроса органы государственного управления должны демонстрировать свою готовность и наличие политической воли к принятию соответствующих мер.

Во-вторых, наряду с организационными, финансовыми, материально-техническими и технологическими мерами, которые предпринимаются государством, на состояние безопас-

ности существенное влияние оказывают правовые меры, направленные как на создание правовой системы безопасности, так и на формирование мер ответственности в этой сфере.

В-третьих, в юридической науке на сегодняшний день выработан соответствующий понятийный аппарат, позволяющий описать само явление безопасности, определить виды безопасности, факторы, их обуславливающие, а также объяснить имеющиеся особенности в сфере практического обеспечения безопасности. Сформулирована консолидированная научно-аргументированная дефиниция понятия безопасности и определены ее объекты. ФЗ «О безопасности» под безопасностью понимает степень защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства.

Представляется, что эта удачная дефиниция понятия безопасности во многом упрощает поиск соответствующих правовых элементов и механизмов обеспечения безопасности личной, общественной. Поскольку национальная или государственная безопасность имеет ряд специфических особенностей, этот вид безопасности мы затрагивать не будем. Простая логика подсказывает, что в соответствии с таким подходом в отраслях права должны быть отражены уголовно-правовые, уголовно-процессуальные, административно-правовые средства защиты жизни, здоровья, чести, достоинства, прав, свобод и собственности личности, жизненно важные интересы (ЖВИ) общества.

Говоря о практическом аспекте безопасности, прежде всего, необходимо беспокоиться о выборе соответствующих правовых средств эффективной защиты именно ЖВИ и личности, и общества в целом.

Нельзя говорить о безопасности без детализации видов конкретных угроз. Традиционно под внутренними угрозами личной и общественной безопасности рассматривались общеуголовная преступность и иные противоправные проявления. На протяжении последних десяти лет в РФ в среднем регистрируется более 3 миллионов преступлений и около 50 миллионов административных правонарушений. Разумеется, они посягают на жизненно важные интересы, права и свободы, на собственность граждан, вызывают нарушение общественного порядка и расшатывают общественную безопасность.

Вместе с тем в последние годы спектр внутренних угроз значительно расширился за счет терроризма, различные экстремистских проявлений, незаконного оборота наркотических средств, неконтролируемого оборота огнестрельного оружия. Особое место в этом перечне занимает коррупция, которая, по словам специалистов, реально угрожает национальной безопасности и целостности РФ. Не случайно в материалах недавно прошедшей расширенной коллегии МВД России приоритетными направлениями деятельности министерства обозначены именно эти источники угроз.

В-четвертых, на практике следует выделять несколько степеней защищенности, в том числе абсолютную защищенность, высокий, социально терпимый, а также низкие уровни (степени) защищенности. В этом плане возникает вопрос: какой уровень защищенности может гарантировать своим гражданам Российское государство и на какой уровень защищенности своих прав должны рассчитывать граждане?

Если проанализировать реальную ситуацию, то приходим к некоторым заставляющим задумываться выводам. По сложившейся практике за последние двадцать лет резко увеличилось число охраняемых, в том числе и за государственный счет, VIP-персон. По данным европейской правозащитной организации, в РФ количество охраняемых лиц превышает в 15-20 раз аналогичные показатели развитых европейских стран. Подчеркнем, что речь не идет о первых лицах государства. Думается, ничем не оправдана практика, когда под разными предлогами главы субъектов РФ и муниципальных образований привлекают в качестве личной охраны сотрудников правоохранительных органов. Кроме того, с введением ФЗ «О частной охранной деятельности» охранными услугами пользуются больше половины деловых людей, финансово состоятельные, способные содержать персональную охрану или для своих близких. Очевидна существенная разница в уровне реальной защищенности различных социальных слоев населения. Это обстоятельство вызывает обоснованное возмущение населе-

ния и приводит к социальной дестабилизации. В целях поиска приемлемого варианта был введен в научный оборот термин «социально терпимый уровень» защищенности граждан. В приказе МВД РФ №145 от 1993г., определяющем Концепцию развития ОВД и ВВ, была закреплена задача перехода от контролируемого уровня преступности к социально приемлемому уровню.

Представляется, что настало время говорить о реализации идеи введения в РФ федеральных правоохранных стандартов, в которых должны быть сформулированы требования, в том числе предъявляемые к правоохранным органам. Первый шаг в этом плане уже сделан. Постановлением Правительства РФ, утверждающим Государственную программу РФ «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности», предусмотрена необходимость разработки карты «Обеспечение личной безопасности граждан».

Отдельным вопросом стоит проблема обеспечения общественной безопасности. По данным официальной уголовно-правовой статистики, около трети всех преступлений в РФ совершается в общественных местах. Кроме того, за последние годы наметилась устойчивая тенденция роста этой группы преступлений. Как ни странно, в административно-правовой литературе существует более десятка определений понятия общественного порядка и общественной безопасности. Подобное разночтение относительно сущности и содержания этой категории на практике вызывает разные подходы к выборам средств, форм и методов ее обеспечения. Между тем если обратимся к ФЗ, то увидим, что наряду с традициями, обычаями, к ЖВИ общества отнесены институты гражданского общества. Известно, что пока в РФ делаются лишь первые робкие шаги по формированию этого института. Одними их ключевых составляющих гражданского общества являются демократический механизм управления, свобода мысли и свободы слова. Вместе с тем мы столкнулись с ситуацией, когда действующая власть не слышит и не реагирует на мнение общественности. Без развития институтов непосредственной демократии вряд ли можно надеяться на решение проблемы обеспечения как общественной, так и личной безопасности на социально приемлемом уровне. Итоги прошедших парламентских выборов в ГД РФ в этом плане могут послужить полезным уроком для налаживания конструктивного диалога между властью и обществом.

Особую актуальность вызывает вопрос обеспечения общественного порядка в период проведения массовых мероприятий, в том числе в период проведения крупных международных спортивных мероприятий. К сожалению, мы продолжаем эксплуатировать экстенсивный метод, идем по схеме обеспечения безопасности путем кратного увеличения числа привлекаемых сотрудников полиции. Между тем этот порядок не укладывается в рамки требований рыночных механизмов регулирования отношений. Не секрет, что современный футбол или хоккей сопровождаются огромными финансовыми потоками. Прежде всего, сами спортивные команды должны быть заинтересованы в поддержании надлежащего правопорядка в этой сфере. Опыт развитых европейских стран показывает, что им удалось выработать иные, основанные на рыночных элементах механизмы решения этой проблемы с активным привлечением общественности. В частности, Великобритания, Нидерланды и Испания проблемы обеспечения общественной безопасности и порядка при проведении футбольных матчей полностью отнесли к компетенции самих футбольных команд. В этих целях те пользуются услугами так называемых «секьюрити».

Крайне важна проблема применения в вопросах обеспечения безопасности современных информационно-телекоммуникационных систем. Республика Татарстан предпринимает активные действия по внедрению современных систем контроля за состоянием дорожной безопасности, а также обеспечением порядка в общественных местах путем подключения к автоматизированной системе «Безопасный город», «Безопасный регион», «Безопасный дом» через Интернет.

Поиск механизмов обеспечения личной и общественной безопасности лежит через признание и безусловное соблюдение прав и свобод человека. Исторический опыт развития СССР показывает, к каким плачевным последствиям может привести игнорирование этих

принципов. Рано или поздно это приведет к социальной нестабильности и различным социальным девиациям. Принцип уважения и соблюдения прав и свобод граждан и личности должен рассматриваться как фундаментальная основа организации деятельности всех правоохранительных органов в обеспечении как личной, так и общественной безопасности. Сама идея прав человека и гражданина в механизме безопасности должна восприниматься как априорное, незыблемое положение. Уместно напомнить слова Ф.Бэкона, который говорил: «Если не знаете, как поступить, поступайте по закону!»

Разумеется, это не означает отрицания принципа неотвратимости наказания в отношении лиц, совершивших противоправное деяние. На практике нередко наблюдаются крайности в выборе уголовно-процессуальных и административно-процессуальных средств защиты прав подозреваемых и потерпевших.

В-пятых, реальное обеспечение безопасности личности и общественной безопасности в значительной степени зависит от профессионального мастерства и личностных качеств сотрудников ОВД. Другими словами, мы сталкиваемся с явлением трансформации обеспечения безопасности в эффективность деятельности ОВД. В рамках реформирования милиции и формирования полиции были сформулированы правила, в соответствии с которыми ОВД должны освободиться от дискредитировавших себя сотрудников, по морально-нравственным, профессиональным и иным личным качествам не способных реализовать правоохранительные задачи. Между тем статистика показывает, что количество сотрудников полиции, прошедших аттестацию, привлеченных к юридической ответственности за четыре месяца, значительно превышает аналогичные показатели минувшего года. Это наталкивает нас на мысль о неэффективности проведенного аттестационного механизма. Фактически не реализуется на практике идея о необходимости общественного контроля за деятельностью полиции.

Наконец, на уровень обеспечения безопасности значительное влияние оказывает процесс подготовки соответствующих кадров для органов внутренних дел. Практика деятельности ОВД показывает, что сотрудники полиции зачастую не обладают необходимыми профессиональными качествами, позволяющими на высоком уровне решать возложенные на правоохранительные органы задачи по предупреждению правонарушений и преступлений, охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, применению различных мер государственного принуждения.

В то же время анализ форм и методов проводимых занятий в учебных заведениях системы МВД России и центрах профессиональной подготовки кадров ОВД показывает, что традиционные формы проведения занятий не всегда способствуют формированию у будущих специалистов необходимых профессиональных качеств, позволяющих эффективно реализовать функциональные обязанности, именуемые на практике компетенцией. В значительной степени именно этим обстоятельством обусловлен переход сферы высшего профессионального образования РФ к реализации образовательных стандартов нового, третьего поколения. В основе предлагаемого Министерством образования и науки РФ нового образовательного процесса лежит компетентностный подход, по существу, направленный на формирование профессиональной компетенции у сотрудников полиции новой формации. Это требует переосмысления содержания и пересмотра всего образовательного процесса от стадии разработки новых квалификационных характеристик по различным должностным категориям для сотрудников полиции до изменения форм и методов проводимых занятий с применением интерактивных методов, основанных на современных информационно-телекоммуникационных технологиях. Реализация этой масштабной задачи требует выработки у курсантов и слушателей таких качеств, как способность анализировать различные динамично протекающие правоохранительные ситуации и принимать по ним оперативные решения; умение общаться с гражданами и убеждать их в справедливости принятого решения; а также нести личную ответственность за принимаемые решения и совершаемые действия в процессе выполнения функциональных обязанностей; уверенность в выборе форм и методов

защиты прав и свобод граждан, в том числе и с применением мер государственного принуждения. Привитие указанных личностно-профессиональных качеств обуславливает проведение занятий в условиях, максимально приближенных к реальным, с глубоким ролевым, функциональным погружением в рамках той или иной правоохранительной и правоприменительной должности.

Одним из оптимальных вариантов занятий по формированию искомых качеств могут выступать занятия на базе многофункционального учебно-методического комплекса – ситуационного центра. В настоящее время в образовательной сфере различные формы проведения занятий в интерактивном режиме получили широкое применение. Вместе с тем пока по данному вопросу нет единого подхода в выработке эффективных методик проведения круглых столов и коллективных занятий по выработке консолидированного решения. Представляется, что важным обстоятельством, имеющим в определенном смысле концептуальное значение, выступает правильно сформулированная целевая установка. В качестве таковой может быть обозначена активизация познавательной деятельности курсантов путем анализа различных видеоматериалов, отражающих правоохранительную и правоприменительную практику органов внутренних дел по применению мер административно-правового принуждения. В соответствии с ней корреспондирующими целями занятия могут быть:

- приобретение и углубление полученных теоретических знаний об основаниях, условиях и особенностях применения сотрудниками полиции отдельных мер государственного принуждения, в том числе применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия;

- формирование устойчивых навыков применения указанных мер принуждения в процессе реализации функциональных обязанностей;

- выработка умений составления соответствующих процессуальных документов по применению указанных мер.

В сфере образования существует еще проблема второго уровня. Во-первых, выпускники не обладают достаточными практическими навыками, позволяющими профессионально решать возложенные правоохранительные задачи. Основные претензии при этом адресованы сотрудникам первого года работы, что совершенно естественно для всех специальностей и во всех сферах деятельности. В сфере медицины вряд ли допустят к самостоятельной хирургической операции молодого выпускника медицинского вуза. Стало быть, проблема отсутствия практических навыков у курсантов носит общесистемный характер для всего образовательного процесса. Выход из этой ситуации давно предложен самой практикой: обеспечение непрерывности процесса формирования специалиста через институт наставничества, грамотного составления плана вхождения в должность и осуществления непрерывности обучения в рамках первой и второй ступеней. К большому сожалению, институт наставничества загублен на корню, механизм постепенного вхождения в должность нарушен.

Во-вторых, перечень и объем изучаемых дисциплин на 80 процентов определяется ФГОСТ в сфере ВПО, решением УМО МВД России. Даже попытка внесения незначительных изменений в рамках спецкурсов натывается на значительные препятствия. Кроме того, введение целостно завершенного спецкурса осложняется отсутствием соответствующих узкопрофильных специалистов. В этой связи нет другого пути, как вести постоянную селекционную работу среди практических работников на предмет целесообразности их привлечения к преподавательской деятельности, что в свою очередь требует проработки вопроса ротации кадров.

Е.В. Демидова,
кандидат юридических наук
(Казанский юридический институт МВД России)

Деятельность специальных учреждений для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной реабилитации, Республики Татарстан

В настоящей статье рассматривается деятельность специальных учреждений для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной реабилитации, Республики Татарстан. Описывается юридический статус детей, стационарно обслуживаемых в данных учреждениях за 2006 – 2011 годы.

Ключевые слова: социальная реабилитация, специальные учреждения для несовершеннолетних, учреждения социального обслуживания, социальные приюты.

Исходя из наших исследований, за 2006 год специальными учреждениями для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной реабилитации (далее СУН), в Республике Татарстан было обслужено 2 757 человек, в том числе 2 590 детей - стационарно. Из них 1 697 несовершеннолетних, находящихся в трудной жизненной ситуации, приняты на стационарное обслуживание в 2006 году.

За 2006 год из числа стационарного обслуживания в СУН Республики Татарстан выбыл 1 681 ребенок, в том числе: 1 212 (71,7%) детей возвращены в родные семьи; 97 (5,7%) человек переданы под опеку (попечительство); 111 (6,6%) человек устроены в приемную семью; 174 (10,3%) человека направлены в образовательные учреждения для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей; 1 (0,1%) ребенок усыновлен; у 96 (5,6%) человек иные формы жизнеустройства (учреждения системы ОВД, здравоохранения, перевозка и др.).

За 2007 год СУН Татарстана было обслужено 2 849 человек, в том числе 2 732 ребенка - стационарно. Из них 1 833 несовершеннолетних, находящихся в трудной жизненной ситуации, приняты на стационарное обслуживание в 2007 году.

Юридический статус детей, стационарно обслуживаемых в СУН Республики Татарстан за 2007 год, является следующим: 1) дети, оставшиеся без попечения родителей, — 506 человек (в том числе сироты — 73 человека; дети родителей, лишенных родительских прав, — 323 человека; дети родителей, чье местонахождение неизвестно, — 37 человек; дети родителей, находящихся в местах лишения свободы, — 40 человек; дети родителей, ограниченных в родительских правах, — 32 человека; дети родителей, в судебном порядке признанных недееспособными либо ограниченно дееспособными, — 1 человек); 2) дети, проживающие в семьях, находящихся в социально опасном положении, — 1 478; 3) дети, ставшие жертвой насилия, — 18 человек; 4) заблудившиеся или подкинутые — 39 человек; 5) дети, самовольно оставившие семью, — 79 человек; 6) самовольно ушедшие из образовательных учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, — 12 человек; 7) дети, не имеющие места жительства, места пребывания, — 109 человек; 8) дети, оказавшиеся в иной трудной жизненной ситуации, — 491 человек.

По состоянию на 01.01.2008 г. в социальных приютах и социально-реабилитационных центрах Республики Татарстан проживали 912 воспитанников, в том числе 89 (9,7%) несовершеннолетних, имеющих юридический статус «ребенок, оставшийся без попечения родителей». Из них 18 несовершеннолетних подлежали направлению в детские дома и интернаты системы органов образования, 47 несовершеннолетних проходили процедуру оформления в приемные семьи либо оформления под опеку. У 21 воспитанника старше 14 лет не были решены вопросы с жильем.

Из числа проживающих в учреждениях по состоянию на 01.01.2008 г. поступили: по акту органов внутренних дел — 386 человек; по личному обращению — 53 человека; по заявлению родителей либо иных законных представителей несовершеннолетнего — 61 человек; по направлению органов системы социальной защиты — 62 человека; по постановлению муниципальных комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав — 226 человек; по ходатайству органов образования — 33 человека; по ходатайству органов здравоохранения — 23 человека; по ходатайству органов опеки и попечительства — 68 человек.

Из них: девочек — 435 человек, в том числе: до 7 лет — 183 человека; от 8 до 10 лет — 113 человек; от 11 до 14 лет — 93 человека; от 15 до 18 лет — 46 человек.

Мальчиков — 477 человек, из них: до 7 лет — 200 человек; от 8 до 10 лет — 131 человек; от 11 до 14 лет — 94 человека; от 15 до 18 лет — 52 человека.

В том числе: беспризорных — 31 человек (3,3% от общего числа проживающих); из других субъектов Российской Федерации — 4 человека (0,4%); из государственных участников СНГ — 15 человек (1,6%).

За 2007 год из числа стационарно обслуженных в СУН Татарстана выбыли 1 820 детей, в том числе: 1 182 (64,9%) возвращены в родные семьи; 135 (7,4%) человек переданы под опеку (попечительство); 226 (12,4%) человек устроены в приемную семью; 137 (7,5%) человек направлены в образовательные учреждения для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей; 2 (0,1%) ребенка усыновлены; у 138 (7,6%) человек иные формы жизнеустройства (учреждения системы ОВД, здравоохранения, перевозка и др.).

Более 60% воспитанников до помещения в социальный приют проживали в неполных семьях. В том числе: 332 человека — в семьях одиноких матерей; 100 человек — в семьях вдов и вдовцов; 115 человек — в семьях разведенных родителей; у 51 воспитанника один из родителей находится в местах лишения свободы, у 31 — в розыске.

Проведенные исследования показали, что каждый пятый воспитанник специальных учреждений — из многодетной семьи. У 13 воспитанников родители — инвалиды и пенсионеры по старости, в 11 случаях какие-либо сведения о родителях отсутствуют. Около 40% родителей (по состоянию на 01.01.2008 г. — 38,1%) не имеют постоянного места работы, в 90% случаев уровень дохода на 1 члена семьи ниже прожиточного минимума, установленного в Республике Татарстан. В каждой второй семье злоупотребляют спиртными напитками и уклоняются от воспитания собственных детей, у 4 воспитанников родители употребляют наркотические вещества. На 01.01.2008 г. в приютах и социально-реабилитационных центрах Республики Татарстан находились 30 воспитанников, родители которых проживают в приютах, склонны к бродяжничеству, в том числе у 4 несовершеннолетних родители проживают в центре для лиц БОМЖ; 65 семей, дети из которых проживают в СУН, не имеют постоянного жилья.

В 2007 году из общего числа воспитанников СУН на учете в подразделениях по делам несовершеннолетних органов внутренних дел состояли 49 детей. Все они были приняты на соответствующий учет по причине сквернословия, табакокурения, злоупотребления спиртными напитками, нарушения общественного порядка, кражи чужого имущества и т.п. до поступления в приюты либо в социально-реабилитационные центры (в ряде случаев за время пребывания в СУН Республики Татарстан несовершеннолетние снимаются с учета в ОВД). За 2006—2007 годы каких-либо преступлений, совершенных внутри приютов, не выявлено.

На 01.01.2010 г. в системе учреждений социального обслуживания семьи и детей, подведомственных Министерству труда, занятости и социальной защиты Республики Татарстан, функционируют: 4 центра социальной помощи семье и детям; 48 отделений социальной помощи семье и детям при центрах социального обслуживания населения; 24 со-

циальных приюта для детей; 2 социально-реабилитационных центра для несовершеннолетних.

На конец 2008 года в социальных приютах для детей и подростков проходили реабилитацию 743 несовершеннолетних, на конец 2009 года — 693 несовершеннолетних.

На конец 2008 года в социально-реабилитационных центрах для несовершеннолетних проходили реабилитацию 125 воспитанников, на конец 2009 года — 121 воспитанник.

Центрами социальной помощи семье и детям в 2008 году был обслужен 19 051 несовершеннолетний, из них повторно обратились 285 человек, в 2009 году — 38 852 несовершеннолетних, из них повторно обратились 450 детей.

Отделениями социальной помощи семье и детям при центрах социального обслуживания населения в 2008 году была оказана помощь 83 574 несовершеннолетним, из них повторно — 1 653 людям, в 2009 году — 115 917 несовершеннолетним, из них повторно — 4 712 людям.

На 01.01.2010 г. мощность специализированных учреждений для несовершеннолетних Республики Татарстан составляет 843 койко-места.

Министерством труда, занятости и социальной защиты Республики Татарстан не ведется статистический анализ обслуженных по национальному составу. Вместе с тем учреждениями социального обслуживания семьи и детей в 2008 году было обслужено 64 семьи из числа беженцев и вынужденных переселенцев, в 2009 году — 29 семей данной категории.

Со второго полугодия 2009 года организован мониторинг несовершеннолетних, прибывших из стран СНГ, помещенных в СУН Республики Татарстан.

В 2009 г. в СУН г. Казани, Дрожжановского, Бавлинского, Агрызского, Кукморского муниципальных районов находились 7 несовершеннолетних, прибывших из Узбекистана, Республики Киргизия, Таджикистана. Дети не имеют личных документов, факта гражданства, у некоторых родители находятся в розыске. Депортация детей затруднена.

В 2008 году в СУН Республики Татарстан было обслужено 3 028 несовершеннолетних, в 2009 году — 2 874 несовершеннолетних.

Средний срок реабилитации несовершеннолетних в СУН Республики Татарстан за 2009 год составил 4,9 месяцев, в 2008 году — 4 месяца.

В течение 2009 года 1 872 несовершеннолетних направлены в специализированные учреждения (2008 г. — 1 942 человека), среди них: 62,2% (1 165 человек) — проживающие в семьях, находящихся в социально опасном положении (2008 г. — 60,4%, или 1 173 человека); 23% (432 человека) — оказавшиеся в иной трудной жизненной ситуации (2008 г. — 20,3%, или 394 человека); 7,9% (149 человек) — оставшиеся без попечения родителей и законных представителей (2008 г. — 10,2%, или 198 человек); 3% (57 человек) — не имеющие места жительства и (или) средств к существованию (2008 г. — 2,9%, или 57 человек); 2,3% (43 человека) — самовольно оставившие семью (2008 г. — 3,6%, или 69 человек); 1,1% (21 человек) — заблудившиеся или подкинутые (2008 г. — 1,4%, или 28 человек); 0,3% (5 человек) — самовольно ушедшие из образовательных учреждений (2008 г. — 0,2%, или 5 человек); 0% (0 человек) — ставшие жертвой насилия (2008 г. — 0,9%, или 18 человек).

На 01.02.2011 г. в системе учреждений социального обслуживания семьи и детей, подведомственных Министерству труда, занятости и социальной защиты Республики Татарстан, функционируют: 4 центра социальной помощи семье и детям; 48 отделений социальной помощи семье и детям при Центрах социального обслуживания населения; 23 специализированных учреждения для несовершеннолетних (СУН), в т.ч.: 21 социальный приют для детей и подростков; 2 социально-реабилитационных центра для несовершеннолетних.

На конец 2010 года в социальных приютах для детей и подростков общей мощностью 723 койко-места проходили реабилитацию 708 несовершеннолетних (на конец 2009 года — 693).

На конец 2010 года в социально-реабилитационных центрах для несовершеннолетних общей мощностью 120 койко-мест проходил реабилитацию 121 воспитанник (на конец 2009 года — 121).

Центрами социальной помощи семье и детям в 2010 году было обслужено 43 969 несовершеннолетних, из них повторно обратились 288 человек (в 2009 году — 38 852 несовершеннолетних, из них повторно обратились 450 детей).

Отделениями социальной помощи семье и детям при центрах социального обслуживания населения в 2010 году была оказана помощь 136 939 несовершеннолетним, из них повторно — 8 055 людям (в 2009 году — 115 917 несовершеннолетним, из них повторно — 4 712 людям).

На 31.12.2010 г. мощность специализированных учреждений для несовершеннолетних Республики Татарстан оставалась на уровне 01.01.2010 г. (843 койко-места).

Таблица 1

Дата	Количество несовершеннолетних, проживающих в специализированных учреждениях для несовершеннолетних в 2010 году, чел.	Процент наполняемости специализированных учреждений для несовершеннолетних в 2010 году, %	Количество несовершеннолетних, проживающих в специализированных учреждениях для несовершеннолетних в 2009 году, чел.	Процент наполняемости специализированных учреждений для несовершеннолетних в 2009 году, %
На январь	805	95,5	870*	92,9
На февраль	799	94,8	852*	91
На март	822	97,5	861*	92
На апрель	836	99,2	855*	91,3
На май	852	101,1	849	100,7
На июнь	863	102,4	848	100,6
На июль	859	101,9	842	99,9
На август	815	96,7	840	99,6
На сентябрь	771	91,5	837	99,3
На октябрь	768	91,1	823	97,6
На ноябрь	806	95,6	834	99
На декабрь	817	96,9	805	95,5

* До 01.05.2009 г. мощность специализированных учреждений была рассчитана на 936 койко-мест.

В 2010 году в СУН Республики Татарстан было обслужено 3 030 несовершеннолетних (в 2009 году — 2 874 несовершеннолетних).

Средний срок реабилитации несовершеннолетних в СУН Республики Татарстан за 2010 год составил 4,8 месяцев, в 2009 году — 4,9 месяцев.

В 2010 году количество мальчиков среди воспитанников социальных учреждений для несовершеннолетних составляло 1 459 человек, девочек — 1 400.

Общее количество семей, прошедших реабилитацию за 2010 год, — 1 412 (в 2009 году — 1 464).

Таблица 2

Характер семей	2009 год	2010 год
Неполные	751	673
Малообеспеченные	358	367
Многодетные	329	344
С детьми-инвалидами	20	24
Беженцы и вынужденные переселенцы	6	4

В течение 2010 года 2 050 несовершеннолетних направлены в специализированные учреждения (2009 год — 1 872 человека), среди них: 58,1% (1 190 чел.) — проживающие в семьях, находящихся в социально опасном положении (2009 г. — 62,2%, или 1 165 чел.); 29% (595 чел.) — оказавшиеся в иной трудной жизненной ситуации (2009 г. — 23%, или 432 чел.); 6,3% (129 чел.) — оставшиеся без попечения родителей или законных представителей (2009 г. — 7,9%, или 149 чел.); 3% (61 чел.) — самовольно оставившие семью (2009 г. — 2,3%, или 43 чел.); 2,5% (52 чел.) — не имеющие места жительства, места пребывания и (или) средств к существованию (2009 г. — 3%, или 57 чел.); 0,6% (13 чел.) — ставшие жертвой насилия (2009 г. — 0%, или 0 чел.); 0,3% (7 чел.) — самовольно ушедшие из образовательных учреждений (2009 г. — 0,3%, или 5 чел.); 0,1% (3 чел.) — заблудившиеся или подкинутые (в 2009 г. 1,1%, или 21 чел.).

За 2010 год в специализированных учреждениях для несовершеннолетних прошли реабилитацию несовершеннолетние: 1) имеющие условную судимость — 6 человек; 2) отбывающие наказание в учреждениях уголовно-исполнительной системы — 4 человека; 3) не имеющие судимость и состоящие на учете в ПДН — 55 человек.

Общее количество специализированных учреждений для несовершеннолетних в Республике Татарстан по состоянию на 31.12.2010 г. — 26 (24 социальных приюта для детей и подростков, 2 социально-реабилитационных центра).

Следует отметить, что в специализированные учреждения для несовершеннолетних попадают дети из семей, находящихся в трудной жизненной ситуации и в социально опасном положении. Процесс социализации данной категории детей затруднен и специфичен. Неблагоприятная социальная ситуация в значительной мере утяжеляет картину педагогической запущенности, психического недоразвития, приводя к формированию специфических механизмов адаптивного поведения, не согласующихся с принятыми в обществе специальными нормами.

Усманов И. М.,
(Институт экономики управления и права (г.Казань))
Шляхтин Е.П.,
(Казанский юридический институт МВД России)

Противодействие преступлениям экстремистского характера в сфере международного спорта в преддверье Универсиады - 2013 года

С получением права Республикой Татарстан на проведение Универсиады-2013 проблемы противодействия экстремизму приобретают особую значимость. Президент Республики Татарстан заявил о недопустимости возникновения компрометирующих инцидентов, сделав акцент на необходимости обеспечения безопасности. Анализ опыта контртеррористического обеспечения предыдущих Олимпиад, а также учет специфики Поволжского региона позволит провести более качественную подготовку к Универсиаде-2013. Для повышения эффективности работы по предупреждению экстремизма необходимо выделить и решить ряд первоочередных задач.

Ключевые слова: Универсиада 2013, угроза, религия, противодействие экстремизму, обеспечение безопасности, обмен опытом, взаимодействие, органы государственной власти.

В Концепции национальной безопасности РФ, утвержденной Указом Президента РФ от 10 января 2000 г. № 24, экстремизм находится в ряду основных угроз национальной безопасности России.

Экстремизм – довольно сложное социально-психологическое, политическое, экономическое и криминальное явление, обусловленное внутренними и внешними противоречиями развития общества, которое выражается в приверженности к крайним взглядам и радикальным методам достижения своих целей. Иными словами, экстремизм можно определить как явление, которое заключается в борьбе за власть субъектов общественных отношений в политической, экономической, национальной, религиозной сферах жизнедеятельности, использующее для достижения своих целей неприемлемые для общества способы и формы действия, в числе которых особо стоит выделить: пренебрежение законом, препятствование международному сотрудничеству, подрыв демократических основ государства и миропорядка в целом. Экстремизм представляет собой исключительно большую опасность, особенно в условиях кризиса [1]. Экстремизм существовал во все времена. В современных условиях он приобретает массовость и проявляется на межгосударственном, внутригосударственном, межэтническом, межрелигиозном, культурологическом, бытовом и других уровнях.

Одной из сфер, где экстремизм стремится проявить свою активность, является международный спорт. Это объясняется тем, что спортивные мероприятия на международном уровне одновременно привлекают к себе значительный общественный интерес и участие большого количества людей. Подготовка и участие в соревнованиях затрагивает почти все слои общества, помогая молодому поколению овладеть непреходящими идеями олимпизма, пронизанного духом «лучшего взаимопонимания и дружбы», «способствования культурному сближению народов» [2]. При этом цели экстремистов включают не только нанесение максимального материального ущерба и человеческие жертвы, но и получение возможности широкой рекламы. Олимпизм приобретает особую значимость при решении глобальных проблем, с которыми сталкивается современная цивилизация. К числу таких проблем относятся межнациональные конфликты.

Олимпийские игры всегда являлись важнейшим объектом внешней политики. Различные страны использовали их в своих политических целях. Антифашисты призывали бойкотировать Олимпиаду в Берлине (1936 г.). В 1980 г. США и еще 59 государств бойкотировали Олимпийские игры в Москве. В 1984 г. СССР и еще 13 государств отказались от участия в Олимпийских играх в Лос-Анджелесе. В 1988 г. бойкоту со стороны Северной Кореи, Никарагуа, Кубы и Эфиопии подверглась Олимпиада в южнокорейском Сеуле [3]. Кровавые

драмы развернулись в Мюнхене в 1972 г., Атланте (США) в 1996 г., Манчестере в 1996 г. на первенстве Европы по футболу. Российская Федерация в этом отношении не исключение: достаточно вспомнить события на Манежной площади, чтобы понять, что одна такая ситуация по своей разрушительной силе сопоставима с десятком маршей несогласных.

Особую актуальность проблемы противодействия экстремизму и тем более крайней формы его проявления – терроризму в сфере массового спорта приобретают в связи с получением Республикой Татарстан права на проведение XXVII Всемирной летней Универсиады в г. Казани в 2013 году. Универсиада пропагандирует интернациональный характер спорта, его миротворческую сущность, способствуя расширению кругозора, совершенствованию духовно-эмоциональной сферы населения республики и укреплению добрососедских отношений. По приблизительным подсчетам, ожидается прибытие около 15 тысяч спортсменов, десятков тысяч болельщиков и представителей средств массовой информации.

Подготовка к Универсиаде-2013 набирает обороты, и вопросы антитеррористической защищенности должны быть учтены в первую очередь. Исходя из этого 7 марта 2011г. Президентом Республики Татарстан Рустамом Миннихановым проведено координационное совещание в Кабинете Министров с участием Антитеррористической комиссии и Оперативного штаба по обеспечению правопорядка в республике. Президент Республики Татарстан заявил о недопустимости возникновения компрометирующих инцидентов, сделав акцент на необходимости обеспечения безопасности [4]. Именно в этом ключе прошли оперативно-тактические учения «Казань-антитеррор-2011».

Анализ опыта контртеррористического обеспечения предыдущих Олимпиад позволяет определить возможности для более качественной подготовки к Универсиаде-2013. Одновременно возникает вопрос о том, насколько имевшие место в прошлом угрозы могут проявиться в будущем. Кроме того, существует опасность возникновения новых угроз, которые пока еще не проявили себя. Особо стоит обратить внимание на заявления радикальных группировок на Юге России, заявивших о проведении терактов на Олимпиаде-2014. Не исключено, что представители данных группировок могут рассматривать Универсиаду-2013, проводимую в г. Казани, в качестве подготовительного объекта перед сочинской олимпиадой, организовав показательные атаки.

Среди факторов, оказывающих влияние на контртеррористическую обстановку в Республике Татарстан, можно выделить следующие: исконно многонациональный состав населения республики; высокий уровень миграции, особенно с закавказских и среднеазиатских стран (связано с тем, что основной религией в Татарстане является ислам); наличие среди мигрантов лиц, обладающих опытом проведения массовых беспорядков, вооруженных конфликтов; наличие большого количества промышленных объектов с опасным производством; низкий уровень защищенности людей в местах проведения спортивных мероприятий. Особую актуальность начинают приобретать проблемы проявления расовой нетерпимости, национализма и ксенофобии.

Исследования профессора Зиннуровой Р.И. в процессе работы над проектом № 07-03-00482а – «Особенности идеологии экстремизма в национальных республиках Поволжья» говорят о том, насколько податливы мнения молодых людей, являвшихся респондентами, к малейшим изменениям в социально-политической и социокультурной ситуации в своих республиках [5]. Анализ проведенных исследований показал, что, несмотря на кажущуюся слабовыраженность явной экстремистской активности среди молодых людей, экстремистская идеология имеет недооцененный потенциал. И при определенных обстоятельствах латентные экстремистские взгляды и настроения могут перерасти в конкретные действия. Экстремизм для молодежи опасен тем, что он предлагает простые и «популярные» решения [6].

Серьезным источником, своего рода питательной средой для экстремизма, зачастую проявляющегося в террористических формах, является образование вакуума в духовном, мировоззренческом пространстве, ранее заполненном в советском обществе коммунистической идеологией. В результате возникшей пустоты идеологический вакуум стал быстро

заполняться различными деструктивными и разрушительными для государства и общества концепциями, идеями, взглядами. Появилось множество мессий, проповедников, новых религиозных экстремистов, сект, деятельность которых привела к обострению социальной напряженности в обществе, а в итоге и к масштабным конфликтам, вплоть до междоусобных войн (в Абхазии, Осетии, Карабахе, Приднестровье, Таджикистане, Чечне).

Если говорить о религиозном экстремизме, следует учесть, что распространение идей салафизма в Республике Татарстан происходит посредством проповедников и миссионеров, прибывающих из мусульманских стран, которые разъезжают по населенным пунктам и осуществляют проповедническую деятельность в мечетях. В связи с этим к одной из главных составляющих противодействия экстремизму мы относим высокоэффективную деятельность органов местного самоуправления как наиболее приближенных к населению. Решение проблемы во многом зависит от профессионализма и умения местных муниципальных образований оперативно реагировать на экстремистские проявления, используя действующее законодательство, потенциал традиционного ислама, а также предыдущий опыт противодействия этой деструктивной идеологии и разрушительной практике.

Среди основных проблем противодействия экстремизму можно выделить следующие: государственная система противодействия экстремизму функционирует не столь оперативно, как того требуют современные реалии; недостаточная скоординированность органов государственной власти; необходимость совершенствования системы обмена информацией между различными ведомствами; отсутствие вовлечения в данный процесс общественных объединений и иных институтов гражданского общества; общество не выработало устойчивого негативного отношения к экстремизму, не в полной мере осознало степень опасности этого явления для российской государственности; мало внимания уделяется интеллектуальной работе, проводимой экстремистами, их идеологической деятельности и финансовой подпитке.

Для повышения эффективности работы по предупреждению и противодействию идеологии экстремизма (на различных уровнях власти, министерствами и ведомствами) необходимо решить следующие задачи:

- проведение на регулярной основе межведомственных семинаров и совещаний по проблемам совершенствования и повышения эффективности работы антитеррористических комиссий (примечательным в этой связи является утверждение по инициативе МВД по РТ и Кабинета Министров РТ целевой программы по профилактике терроризма и экстремизма в РТ на 2009-2011 гг., постановление №956, а также проведение совместного заседания Общественной палаты РТ, Ассамблеи народов Татарстана, Общественного совета МВД по РТ 28 февраля 2011 г. по вопросам противодействия экстремизму);

- разработка муниципальных программ с четко выверенными мерами противодействия преступности при максимальном учете местных особенностей;

- использование всех возможностей представительных и исполнительных органов муниципальных образований для выявления и пресечения деятельности деструктивных и подрывных сил, действующих под прикрытием различных организаций;

- в средствах массовой информации необходимо развернуть информационно-пропагандистскую работу, направленную на развитие самосознания, создания нетерпимости к проявлениям экстремизма, раскрытию ее идеологической основы и противозаконной сущности. Необходимо отметить, что на сегодняшний день российские СМИ чаще используют «язык вражды», провоцируя, в частности, «антимигрантский» экстремизм или вызывая волну возмущения правоверных мусульман, пропагандируя термин «исламский терроризм»;

- на постоянной основе проводить публичные выступления представителей различных религиозных конфессий по разъяснению истинного смысла духовных верований и учений, разъяснению губительного влияния религиозных ячеек деструктивного характера;

- создание положительного имиджа всех органов, помогающих в борьбе с преступностью в целом, обнародование основных результатов деятельности в сфере противодействия экстремизму;
- необходимо вести учет всех действующих на территории республики религиозных объединений, образовательных учреждений;
- вести контроль лиц, выезжающих на обучение в зарубежные религиозные учебные заведения;
- более активно использовать потенциал общественно-политических объединений и движений в профилактической работе, в том числе взаимодействие с религиозными объединениями в вопросах противодействия религиозно-политического экстремизма;
- подготовка специалистов по обеспечению безопасности в социальной сфере, в том числе по вопросам антитеррористической пропаганды. Одним из компонентов здоровьесберегающей среды муниципалитетов является формирование толерантного сознания в современном обществе;
- необходимо разработать Республиканскую целевую программу по профилактике терроризма и экстремизма в Республике Татарстан на 2012-2015гг.

Министерству образования и науки РТ:

- разработать и внедрить комплексы общеобразовательных программ, направленные на развитие национальных культур, привитие молодежи установок толерантного сознания;
- проводить занятия с учителями и педагогами образовательных учреждений по эффективному использованию возможностей учебно-воспитательного процесса, материалов и технологии по формированию у обучающихся уважения к обычаям и культуре различных этнических сообществ, представленных в республике;
- создать поощрительную систему грантов, способствующую расширению тематики, рассчитанной на обеспечение безопасности Универсиады 2013;
- в образовательных учреждениях профилактическая работа должна быть направлена на корректную и очень тонкую работу в сфере идеологического воздействия.

Министерству внутренних дел по Республике Татарстан:

- деятельность сотрудников полиции должна основываться на приоритете конституционных прав и свобод личности, каждого человека, независимо от его национальности, расовой и религиозной принадлежности, соблюдении общегражданских принципов, идеи толерантности, гармонизации межэтнического и межконфессионального взаимодействия;
- усилить взаимодействие с государственными органами, общественными, религиозными, образовательными учреждениями в целях пресечения попыток проникновения в республику идеологии, направленной на разжигание национальной, религиозной, расовой вражды;
- индивидуальная работа с гражданами должна быть приоритетным направлением, формирование духовно-нравственной атмосферы этнокультурного взаимоуважения, основанного на принципах уважения прав и свобод человека, должно способствовать взаимодовверительным отношениям;
- активизировать обмен с заинтересованными структурами информацией, свидетельствующей об угрозах деструктивного характера;
- осуществлять регулярный мониторинг печатных и электронных СМИ, сети Интернет на предмет экстремизма, особенно связанного с Универсиадой- 2013;
- использовать научный потенциал, инновационные методы противодействия экстремистской деятельности.

В России к настоящему времени разработаны и продолжают совершенствоваться технологии идентификации пользователя по отпечаткам пальцев, форме кисти руки, голосу, особенностям лица и головы, узору радужной оболочки глаза, венозному рисунку кисти. В МГТУ им. Н.Э. Баумана (г.Казань) создается нормативно-техническая база для автоматической идентификации на основе биометрических технологий. В результате выполне-

ния серии «НИОКР» по заказам силовых ведомств создана и продолжает совершенствоваться уникальная система безопасности на основе биометрических данных, позволяющая оптимально использовать врожденные особенности личности при решении поставленных задач, обеспечивающая высокий уровень антитеррористического противодействия, основные сегменты которой будут использованы в системе безопасности «Универсиада-2013» (Казань) и «Олимпиада-2014» (Сочи). К 2013 г. будет завершена разработка и внедрение автоматической системы паспортного контроля для объектов с высоким уровнем пассажиропотока и городского транспорта, внедрены системы контроля состояния личности на особо важных объектах;

- обмен навыками с правоохранительными структурами, имеющими опыт обеспечения безопасности при проведении международных спортивных игр.

В этой связи представляется интересным изучение модели обеспечения безопасности Олимпиады в Великобритании 2012 г., которая разработана специалистами Корпорации «РЭНД». Особенностью данной модели является то, что она не предугадывает конкретные террористические угрозы, а представляет собой аналитический инструмент для их выявления и прогнозирования;

- тесное взаимодействие МВД по РТ с УФСИН РФ по РТ и ДУМ РТ в вопросах, регламентирующих порядок работы представителей религиозных конфессий в исправительных учреждениях, находящихся на территории Республики Татарстан.

Основанием для активизации работы в данном направлении служат поступающие в КМ РТ материалы, свидетельствующие о том, что в исправительных учреждениях республики находятся осужденные за совершение преступлений экстремистского характера, которые ведут пропаганду радикальных форм ислама среди осужденных, исповедующих ислам, создавая экстремистские религиозные ячейки, т.н. «джамааты» [7]. Нередко распространению идеи нетрадиционного для России ислама – салафизма способствуют сами проповедники, осуществляющие миссионерскую работу в исправительных учреждениях Республики Татарстан.

Таким образом, профилактика любых форм экстремизма – приоритетное направление, заключающееся в выявлении, предупреждении, нейтрализации любой природы негативного воздействия, способствующего совершению правонарушения экстремистской направленности. Представляется, что успех противодействия экстремизму может быть достигнут только в случае совместного, заинтересованного участия всех ветвей власти, органов самоуправления, образовательных учреждений, правоохранительных структур, представителей средств массовой информации, религиозных деятелей различных конфессий, а также всего гражданского общества в целом.

1. См.: Боргоякова Т.В. Деятельность органов государственной власти и институтов гражданского общества Российской Федерации по предотвращению проявлений политического и религиозного экстремизма в деятельности молодежных организаций // Аналитический вестник. 2009. № 9 (376). С. 42.

2. См.: Бич Ю.Г. – Профилактика и противодействие экстремизму. URL: <http://www.ekstremizm.ru/publikacii/profilaktika-i-protivodeystvie/item/608-ispolzovanie-mirotvorcheskogo-potenciala-olimpizma-v-ukreplenii-mejtnicheskikh-otnosheniy-narodov-severnogo-kavkaza-istoriya-i-sovremennost> (дата обращения: 10.07.2012г.).

3. См.: Селезнев И.А. Противодействие политическому терроризму в сфере международного спорта. URL: http://www.ceninauku.ru/page_14880.htm (дата обращения: 07.07.2012г.).

4. См.: Расширенное совместное заседание Совета Безопасности РТ, Антитеррористической комиссии в РТ, Координационного совещания по обеспечению правопорядка в РТ и

Оперативного штаба по РТ. URL: <http://kazan24.ru/news/61216.html> (дата обращения: 07.07.2012г.).

5. См.: Зиннурова Р.И., Фатыхова Ф.Ф. Экстремизм как социальный и культурный феномен современного Российского общества: сб. науч.-метод. и инф. мат. – Казань, 2011. – С. 62-64.

6. Ярким доказательством сказанного может служить проведение в г. Казани (и др. городах России), несанкционированных митингов направленных против действующей системы государственной власти.

7. Доклад члена Общественной палаты Республики Татарстан С.Н. Дружкова по противодействию экстремизму. URL: <http://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q> (дата обращения: 07.07.2012г.).

Шалагин Антон Евгеньевич
кандидат юридических наук, доцент
(Казанский юридический институт МВД России)

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Статья посвящена уголовно-правовому и криминологическому анализу преступлений, посягающих на исторические и культурные ценности. На основе зарубежного и отечественного опыта предложена новая конструкция ст. 243 УК РФ. Отражены меры, направленные на предупреждение и минимизацию таких преступных деяний.

Ключевые слова: исторические ценности, неосторожное обращение, уничтожение культурного достояния, общественная нравственность.

В ст. 243 Уголовного кодекса Российской Федерации предусмотрена ответственность за уничтожение или повреждение памятников истории и культуры. Наше государство обладает огромными сокровищами культурных и исторических ценностей, которые отражают национальный характер и духовно-нравственное развитие современного общества. В ст. 44 Конституции РФ закрепляется, что каждый гражданин обязан заботиться о сохранении исторического и культурного наследия своей страны, беречь памятники истории и культуры. На территории нашей страны расположено около 140 тыс. таких памятников (25 тыс. федерального значения).

В течение длительного времени в XX столетии наблюдались многочисленные факты варварского отношения к памятникам истории и культуры. Причем в немалой степени подобного рода деятельность идеологически оправдывалась и осуществлялась под видом искоренения религиозных традиций царской России. В рамках такой борьбы взрывались церковные здания и монастыри либо их приспособляли под промышленные объекты, склады, хранилища и т.п. Так, в Москве был взорван храм Христа Спасителя, построенный в 1912 г. на народные деньги в ознаменование победы России над Наполеоном, разрушена знаменитая Сухаревская башня, воздвигнутая в честь известного полковника, поддержавшего Петра I во время стрелецкого бунта [1, с. 446].

Общественная опасность преступных посягательств на исторические и культурные ценности очевидна, поскольку они наносят невосполнимый ущерб духовному (нравственному) наследию страны. *К примеру, в Приморье от рук вандалов серьезно пострадала Владимирская крепость – крупнейший в мире памятник военной архитектуры. Охотники за металлом практически уничтожили укрепительный подземный каркас Второго форта Императора Петра Великого. В Красноярске были повреждены фасады зданий и сооружений, представляющих историческую и культурную ценность. В Петербурге неизвестными лицами была отбита шпала памятника Крузенштерну, на «Стерегушем» был изуродован бронзовый венок, не раз повреждались ограды питерских дворцов и скверов [2, с. 175], взорваны памятник бывшему главе Российского государства Николаю II на станции Таганская в г. Москве, памятная доска членам императорской семьи на Ваганьковском кладбище, заминирован памятник Петру Великому [3, с. 10].*

Наибольшую угрозу историческому и культурному наследию представляют: военные конфликты, террористические акты, массовые беспорядки, несанкционированные археологические раскопки, неправомерные действия должностных лиц в сфере градостроительства, преступные посягательства вандалов и хулиганов, неисполнение владельцами памятников требований к их сохранности и проведению реставрационных (реконструктивных) работ.

Особую озабоченность российской общественности и государственных органов вызывают факты совершения подобных деяний преступными группами экстремистской направленности, в результате которых причиняется значительный вред обществу и государству, как материальный, так и моральный.

Преступление, предусмотренное ст. 243 УК РФ, характеризуется тем, что приводит к фактической утрате исторических или культурных ценностей либо к потере ими своих уникальных свойств. Данные действия выражают грубое пренебрежение к идеалам этики, эстетики, гармонии. Другими словами, они представляют собой надругательство над духовными ценностями и моральными устоями общества [4, с. 157]. Так, в результате широкомасштабной реконструкции г. Казани Республика Татарстан лишилась четырнадцати зданий, представляющих культурную и историческую ценность, еще одиннадцать объектов находились под угрозой ликвидации. Такие последствия стали возможными в результате нарушения градостроительного, земельного законодательства, а также норм об охране памятников истории и культуры [5]. Вместе с тем за непродолжительный период времени были восстановлены и реконструированы архитектурные ансамбли г. Болгар и острова Свияжска.

Количество зарегистрированных преступлений в Российской Федерации по ст. 243 УК России и число лиц, привлеченных к ответственности, по этой категории дел за 2006-2011 гг. см. в таб. 1. [6].

Таблица 1.

Год	Количество зарегистрированных преступлений по ст. 243 УК РФ	Выявлено лиц, совершивших преступление по ст. 243 УК РФ	Зарегистрировано преступлений по наиболее тяжкому составу (ч.2 ст. 243 УК РФ)
006	97	24	8
007	77	9	9
008	73	19	8
009	57	16	14
010	50	12	9
011	68	11	10

Непосредственным объектом данного преступления выступает общественная нравственность. Предметом – памятники истории и культуры, природные комплексы. К ним относятся объекты материальной культуры, обладающие исторической, художественной, научной или иной национальной ценностью, зарегистрированные в государственных реестрах (списках) памятников истории и культуры. К отдельной группе относятся предметы и документы, имеющие историческую или культурную ценность, их значимость устанавливается экспертным путем. Природные комплексы – уникальные территории, включающие землю, воды, недра, животный и растительный мир (заповедники, национальные парки, заказники). Предметом рассматриваемого преступления они выступают лишь в том случае, если взяты под охрану в установленном законом порядке [7, с. 577-578].

Охраняемые объекты представляют собой историко-культурную ценность с точки зрения истории, археологии, архитектуры, антропологии, искусства, градостроительства, науки и техники, этнологии, эстетики и культуры (например, Государственный художественно-архитектурный дворцово-парковый музей-заповедник «Петергоф», Государственный мемориаль-

ный и природный заповедник Л.Н. Толстого «Ясная Поляна», Государственный военно-исторический музей-заповедник «Прохоровское поле»).

С объективной стороны, данное преступление характеризуется совершением активных действий по уничтожению или повреждению указанных предметов. Диспозиция рассматриваемой нормы охватывает различные способы воздействия (механическое, химическое, биологическое и др.), приводящие к уничтожению или повреждению памятников истории и культуры, предметов и документов, имеющих особую ценность, природных комплексов, охраняемых государством [8, с. 495].

Уничтожение – действия, влекущие разрушение, ликвидацию, утрату существования, охраняемых предметов, исключаящее их восстановление. Повреждение памятников истории или культуры приводит к частичной утрате такими предметами своих уникальных свойств и качеств, при этом сохраняя возможность дальнейшего использования и реставрации. *Так, в феврале 2012 г. в здании бывшей Николо-Преображенской единоверческой церкви (г. Казань) в результате ремонтных работ были повреждены старинные фрески. Старообрядческая иконография XIX века была попросту разбита перфораторами* [9].

Обязанность заботиться о сохранении памятников прошлого распространяется в соответствии с законодательством об охране и использовании культурных ценностей на достаточно широкий круг лиц. Помимо должностных и материально ответственных лиц, к ним относятся собственники и иные законные владельцы таких предметов.

Необходимо учитывать, что культурные и исторические ценности имеют значительный возраст происхождения и повышенную восприимчивость к факторам внешней среды. В случае непринятия своевременных мер по их сохранению и восстановлению влияние природного воздействия может привести к утрате данными объектами уникальных свойств либо к их частичному разрушению.

Состав преступления является материальным, соответственно, оно считается оконченным с момента уничтожения (повреждения) памятника истории или культуры. Преступные последствия выражаются в причинении реального имущественного или иного ущерба, экологического вреда.

Субъективная сторона выражена виной в форме прямого или косвенного умысла. Важным элементом является то, что виновный должен осознавать значение и статус предмета посягательства, его историческую или культурную ценность [10, с. 568]. Мотивами таких преступлений чаще всего выступают хулиганские, корыстные, экстремистские побуждения.

Субъектом рассматриваемого преступления является вменяемое физическое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста. Установление такого возрастного порога за совершенное деяние вполне оправданно, поскольку в полной мере согласовывается с уровнем интеллектуального развития личности и способностью осознания виновным как значения культурных ценностей, так и общественной опасности их уничтожения или повреждения.

Часть 2 ст. 243 УК предусматривает более суровое наказание за совершение указанных выше деяний в отношении особо ценных объектов или памятников общероссийского значения. Их перечень и порядок оборота регламентируется специальными нормативными правовыми актами. Например, Законом РФ от 25.06.02 г. № 73 (в ред. от 30.11.11 г. № 301) «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» [11], Указом Президента РФ от 20.02.95 г. № 176 «Об утверждении Перечня объектов исторического и культурного наследия федерального (общероссийского) значения» [12] и др.

Согласно Указу Президента РФ от 02.04.1997 N 275 «О включении отдельных объектов в Государственный свод особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации» [13] к их числу отнесены: *Всероссийский музей А.С. Пушкина* (г. Санкт-Петербург); *Государственный художественно-архитектурный дворцово-парковый музей-заповедник «Царское село»* (г. Санкт-Петербург); *Российский государственный архив литературы и искусства* (г. Москва); *Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена* (г. Санкт-Петербург); *Саратовский государственный художественный музей имени А.Н. Радищева* и др.

Особая ценность конкретного памятника истории или культуры, предмета или документа устанавливается экспертизой (искусствоведческой, культурологической, экологической и иной) с учетом не только его стоимости в денежном выражении, но и значимости для истории, науки, культуры [14]. *На территории Шелковского района в Чечне работниками одного из предприятий была разрушена стена Мамаевского городища (памятника общероссийского значения). При этом добытый материал использовался как сырье для изготовления керамических кирпичей. По данному факту было возбуждено уголовное дело по ч. 2 ст. 243 УК РФ [15].*

Определенные сложности возникают при разграничении смежных составов с рассматриваемым преступлением. Необходимо отграничивать преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 243 УК РФ (уничтожение или повреждение особо ценных объектов или памятников общероссийского значения), от преступного деяния, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 164 УК РФ (хищение предметов, имеющих особую ценность, повлекшее их уничтожение, порчу или разрушение). Данные преступления имеют один и тот же предмет преступного посягательства, схожую объективную сторону, поэтому при квалификации особое внимание следует обращать на мотив и цель содеянного. Для хищения особо ценных предметов и документов характерны корыстные мотивы. Цель состоит в завладении предметом преступного посягательства, а его уничтожение, порча или повреждение обычно не охватывается умыслом преступника, являясь лишь последствием его действий.

Статью 243 УК РФ необходимо также разграничивать с такими преступлениями, как умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества (ст. 167), вандализм (ст. 214), надругательство над телами умерших и местами их захоронения (ст. 244), уничтожение критических мест обитания для организмов, занесенных в Красную книгу РФ (ст. 259), уничтожение или повреждение лесных насаждений (ст. 261), нарушение режима особо охраняемых природных территорий и природных объектов (ст. 262).

Изучение зарубежного законодательства позволяет выявить ряд особенностей и подходов в правовой охране национальных памятников. Преступления, посягающие на исторические и культурные ценности, можно разделить на следующие группы:

1. Нарушение установленных правил при производстве ремонтных, строительных, реконструктивных работ, повлекшее уничтожение или повреждение охраняемых памятников или территорий (Великобритания, Италия, Испания, Португалия);
2. Умышленное или неосторожное уничтожение (повреждение) исторических или культурных ценностей (Австрия, Армения, Бельгия, Дания, Литва, Узбекистан);
3. Несанкционированные археологические раскопки (Болгария, Италия, Китай, Эстония);
4. Военные преступления, когда посягательства на культурные ценности являются нарушением норм и правил ведения войны и вооруженных конфликтов (Армения, Болгария, Литва, Польша);
5. Иные преступления, посягающие на культурные ценности, например, надругательство над памятниками истории и культуры (Республика Беларусь), заведомо незаконное одобрение должностным лицом проекта работ, направленных на снос зданий или сооружений, представляющих национальное достояние (Испания) [16, с. 54]. По нашему мнению, некоторые нормы и положения могут быть востребованы и российской уголовно-правовой доктриной.

В предупреждении преступных посягательств в отношении памятников истории и культуры значительную роль играют меры общесоциального характера. К их числу можно отнести привитие населению нравственных, эстетических и идеологических ценностей. Формирование законопослушного поведения, высокой правовой культуры, бережного и патриотического отношения к национальному достоянию, устранение и нейтрализация причин и условий, способствующих совершению таких преступлений.

Среди мер индивидуальной профилактики необходимо выделить: направление своевременной информации в соответствующие органы о выявленных недостатках и фактах небрежного обращения с национальными ценностями, повышение технической защищенности объектов исторического и культурного наследия Российской Федерации. Важное значение в предупреждении такого рода преступлений имеет своевременное выявление лиц, склонных к их совершению, принятие к ним профилактических мер, направленных на недопущение противоправного

поведения в отношении памятников прошлого (профилактические беседы, постановка лиц на профилактические учеты, административный надзор и др.).

В целях эффективного противодействия преступным посягательствам на исторические и культурные ценности в структуре МВД России функционируют подразделения (отделы, отделения, группы сотрудников), специализирующиеся на раскрытии и расследовании подобных преступлений. Такая мера позволяет повысить профессиональный уровень оперативных, следственных работников и создать реальные предпосылки для более успешного решения задач по обеспечению охраны и защиты исторического и культурного наследия.

В настоящее время для эффективной борьбы с общественно опасными посягательствами на памятники истории и культуры необходимы более совершенные нормы уголовного закона, которые позволят наступательно воздействовать на сложившуюся ситуацию в данной сфере. К их числу следует отнести усиление (ужесточение) уголовной ответственности за уничтожение или повреждение исторического или культурного достояния России. Необходимо дополнить ч. 2 ст. 243 УК РФ тремя квалифицирующими признаками. В такой редакции диспозиция данной нормы будет выглядеть следующим образом:

часть 2 статьи 243 Уголовного кодекса Российской Федерации

Те же деяния, совершенные:

- а) в отношении особо ценных объектов или памятников общероссийского значения;
- б) *группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;*
- в) *лицом с использованием своего служебного положения;*
- г) *по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.*

Также, учитывая зарубежный и отечественный опыт в области охраны и защиты памятников истории и культуры, в Уголовный кодекс следует включить:

статью 243¹ Неосторожное обращение с памятниками истории и культуры

1. Неисполнение или ненадлежащее исполнение должностным лицом своих обязанностей по содержанию, охране, восстановлению памятника истории и культуры, повлекшее вследствие легкомысленного или небрежного отношения его повреждение или разрушение, -

2. Несанкционированные археологические раскопки, которые привели к уничтожению или повреждению памятника истории или культуры, -

3. Производство строительных, ремонтных, реконструктивных и иных работ с нарушением законодательства об охране памятников истории и культуры, если это привело к вышеуказанным последствиям.

По нашему мнению, это позволило бы привлекать к ответственности должностных лиц, отвечающих за архитектурный (градостроительный) облик городов, а также охрану исторического (культурного) наследия, избежать многих проблем в следственно-судебной практике, минимизировать факты коррупционной направленности.

В качестве наказания за такие преступления могут выступать: штраф, обязательные работы, лишение права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью, принудительные работы, ограничение свободы, лишение свободы.

Литература

1. См.: Курс уголовного права: учебник для вузов / под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комисарова. - М., 2002. Т. 4. - 672 с.

2. Шалагин А.Е. Преступления против общественной нравственности: уголовно-правовой и криминологический анализ: монография. - М.: Юрлитинформ, 2011. - 256 с.

3. Кабанов П.А. Криминальный политический вандализм как средство обеспечения политической деятельности: содержание и виды // Безопасность бизнеса. 2007. № 3. С. 9-11.

4. Медведев Е.В. Уголовно-правовая охрана культурных ценностей: дис... к.ю.н. - Ульяновск: УГУ, 2000. - 200 с.

5. См.: Загидуллин Ф. Несносные памятники // Российская газета (Волга-Урал). 2005. 6 июля.
6. ЦСИ ФКУ «ГИАЦ МВД России» // [http: // 10.5.0.16](http://10.5.0.16). (*сайт МВД России*).
7. Научно-практическое пособие по применению УК РФ / под ред. В.М. Лебедева. - М.: Норма, 2005. – 928 с.
8. Уголовное право. Особенная часть: учебник / под ред. И.В. Шишко. - Москва: Проспект, 2012. – 752 с.
9. URL: [http: // www. Kazan Weck.ru / article / 997](http://www.KazanWeck.ru/article/997).
10. Уголовное право. Особенная часть: учебник / отв. ред. И.А. Подройкина, Е.В. Серегина, С.И. Улезько. - М.: Юрайт, 2012. – 912 с.
11. СЗ РФ. 2002. № 26. Ст. 2519; СЗ РФ. 2011. № 45. Ст. 6331.
12. СЗ РФ. 1995. № 9. Ст. 734.
13. СЗ РФ. 1997. № 14. Ст. 1606.
14. См.: БВС РФ. 1995. № 7; 2003. № 2.
15. См.: Якимова Н. Кирпичом по истории. URL: [http: // www. rg / printable / 2008/06/11/ reg-kavkaz / bashnya-zavod-chechnya. html](http://www.rg/printable/2008/06/11/reg-kavkaz/bashnya-zavod-chechnya.html).
16. Клебанов Л.Р. Памятники истории и культуры: правовой статус и охрана: монография / под ред. А.В. Наумова. - М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. – 176 с.

Информация с ограниченным доступом как объект уголовно-правовой охраны

В статье рассматриваются виды информации, которая имеет ограниченный доступ, с указанием на недостатки в обеспечении ее охраны уголовно-правовыми средствами. Делается вывод о несовершенстве действующего законодательства, регламентирующего данный институт.

Ключевые слова: информация; информация с ограниченным доступом; конфиденциальная информация; государственная тайна; сведения; сообщение; данные.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года отмечается, что силы и средства обеспечения национальной безопасности сосредотачивают свои усилия и ресурсы на обеспечении национальной безопасности не только во внутривнутриполитической, экономической, социальной сферах, но и в информационной сфере. Это обусловлено тем, что в Российской Федерации активно идет процесс формирования информационного общества. Как отмечается в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации [1], информационное общество характеризуется высоким уровнем развития информационных и телекоммуникационных технологий и их интенсивным использованием гражданами, бизнесом и органами государственной власти. Там же указывается, что составной частью реализации Стратегии в области противодействия использованию потенциала информационных и телекоммуникационных технологий в целях угрозы национальным интересам России является обеспечение неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны, соблюдение требований по обеспечению безопасности информации ограниченного доступа. Одним из инструментов обеспечения безопасности информации с ограниченным доступом является законодательство, в том числе и уголовное. Информация с ограниченным доступом не выделена в отечественном законодательстве в качестве самостоятельного объекта уголовно-правовой охраны. Информационный объект преступлений прослеживается прямо или косвенно в ряде статей УК РФ, но все они расположены в разных разделах и главах. При этом для обозначения информации законодатель пользуется различной, хотя иногда и сходной по своему содержанию терминологией. Анализ, проведенный Букаловой Л.А. и Пикуровым Н.И., показал, что в 13 нормах предусмотрены незаконные деяния с понятием «информация», по 16 составам Уголовного кодекса предусмотрена ответственность за противоправные деяния со «сведениями» и в 13 нормах охраняются «тайны»[2].

Представляется, что такой подход себя исчерпал. Информация с ограниченным доступом должна быть выделена в качестве самостоятельного объекта уголовно-правовой охраны не только в доктрине уголовного права, но и в уголовном законодательстве. Следует выработать и определенное единство относительно определения понятий, используемых для определения информации. При этом следует опираться на легальное определение информации как сведений, сообщений, данных независимо от формы их представления[3].

По мнению А.А. Турышева, наличие информации в том или ином составе преступления позволяет относить его к преступлению информационного характера (информационному преступлению). Информационное преступление находит свое выражение в особенностях характеристики информации в объективных и субъективных признаках составов преступлений. В системе объект — предмет информация служит интегрирующим элементом. С одной стороны, она выступает частью объекта преступления, с другой — неотъемлемым свойством предмета преступления[4. С.6]. Среди преступлений информационного характера особо следует выделить преступления, посягающие на информацию с ограниченным доступом. По мнению И.С. Салихова, к информации с ограниченным доступом следует отнести государственную тайну, межгосударственные секреты и конфиденциальную информацию[5. С.12]. Го-

сударственная тайна - защищаемые государством сведения в области его военной, внешне-политической, экономической, разведывательной, контрразведывательной и оперативно-розыскной деятельности, распространение которых может нанести ущерб безопасности Российской Федерации[6]. Под конфиденциальной информацией понимается любая информация с ограниченным доступом, не обладающая признаками государственной тайны либо межгосударственных секретов [5. С.12]. Закон под конфиденциальностью информации понимает обязательное для выполнения лицом, получившим доступ к определенной информации, требование не передавать такую информацию третьим лицам без согласия ее обладателя[3]. Межгосударственные секреты, в силу своей природы и значимости, должны регулироваться международными правовыми актами, отдельные положения которых в дальнейшем могут быть имплементированы в отечественное законодательство. Как отмечает С.И. Сулова, уголовная ответственность в случаях нарушения правил обращения может наступить лишь для 12 из 40 видов информации ограниченного доступа, а административная ответственность - только в одном случае, что также свидетельствует о декларативности действующих законов в области защиты информационных объектов и делает маловероятным реализуемость данных законов[7, с.64].

Уголовно-правовой охране государственной тайны посвящены пять статей главы 29 УК РФ (ст. 275; 276; 283; 283.1; 284). Что касается уголовно-правовой охраны конфиденциальной информации, то ответственность за посягательства на ее неприкосновенность рассматривается в разных главах. Так, ст. 137 УК РФ, расположенная в главе 19 «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина», предусматривает ответственность за нарушение неприкосновенности частной жизни. Объективная сторона выражается альтернативно в одном из трех действий: незаконном собирании сведений о частной жизни, составляющих личную или семейную тайну другого лица; распространении этих сведений; распространении таких сведений в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или в средствах массовой информации, а также в последствии в виде вреда правам и законным интересам потерпевшего и причинной связи между любым из указанных действий и наступившим последствием. В соответствии со ст. 23 Конституции РФ, каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени [8]. Законодательно понятия «частная жизнь», «личная тайна» и «семейная тайна» не закреплены. Представляется, что личная и семейная тайны являются составными элементами частной жизни лица, которая лишь этим не исчерпывается. Что же касается разграничения самих понятий «личная тайна» и «семейная тайна», то оно должно проводиться по кругу субъектов, этой тайной обладающих. Ст. 138 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений граждан. Она имеет место в случае незаконного ознакомления с перепиской, почтовыми и телеграфными сообщениями, прослушивания чужих переговоров, а также ознакомления с информацией, поступившей по телеграфу, телефаксу и другим телекоммуникациям. В соответствии с уже упомянутой ст. 23 Конституции РФ каждый имеет право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Ограничение этого права допускается только на основании судебного решения [8]. Ст.155 УК РФ предусматривает ответственность за разглашение тайны усыновления (удочерения). В соответствии со ст.139 СК РФ тайна усыновления охраняется законом[9]. Какие именно сведения составляют тайну усыновления (удочерения), Семейный кодекс не раскрывает. В ст. 139 СК РФ лишь определяется перечень субъектов, обязанных хранить тайну усыновления: судьи, вынесшие решение об усыновлении ребенка, или должностные лица, осуществившие государственную регистрацию усыновления, а также лица, иным образом осведомленные об усыновлении. В то время как в диспозиции ст.155 УК РФ в качестве субъекта указаны лица, обязанные хранить факт усыновления (удочерения), как служебную или профессиональную тайну, а также иные лица, действующие из корыстных или иных низменных побуждений.

В соответствии с положениями ст.183 УК РФ уголовно наказуемыми являются незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую и банковскую тайну. В соответствии со ст.3 ФЗ «О коммерческой тайне» коммерческая тайна - режим конфиденциальности информации, позволяющий ее обладателю при существующих или возможных обстоятельствах увеличить доходы, избежать неоправданных расходов, сохранить положение на рынке товаров, работ, услуг или получить иную коммерческую выгоду. Информация, составляющая коммерческую тайну (секрет производства), - сведения любого характера (производственные, технические, экономические, организационные и другие), в том числе о результатах интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере, а также сведения о способах осуществления профессиональной деятельности, которые имеют действительную или потенциальную коммерческую ценность в силу неизвестности их третьим лицам, к которым у третьих лиц нет свободного доступа на законном основании и в отношении которых обладателем таких сведений введен режим коммерческой тайны [10]. Понятие налоговой тайны закреплено ст. 102 Налогового кодекса Российской Федерации, согласно которой к налоговой тайне относятся любые полученные налоговым органом, органами внутренних дел, органом государственного внебюджетного фонда и таможенным органом сведения о налогоплательщике [11]. В соответствии со ст.26 ФЗ «О банках и банковской деятельности» кредитная организация, Банк России, организация, осуществляющая функции по обязательному страхованию вкладов, гарантируют тайну об операциях, о счетах и вкладах своих клиентов и корреспондентов. Все служащие кредитной организации обязаны хранить тайну об операциях, о счетах и вкладах ее клиентов и корреспондентов, а также об иных сведениях, устанавливаемых кредитной организацией, если это не противоречит федеральному закону [12]. При этом понятие банковской тайны содержит и ст.857 ГК РФ, в соответствии с которой банк гарантирует тайну банковского счета и банковского вклада, операций по счету и сведений о клиенте[13].

Как особый вид конфиденциальной информации с ограниченным доступом следует отметить профессиональную и служебную тайны. Действующее законодательство не содержит определения этих видов тайн, хотя эти понятия упоминаются в ряде нормативных правовых актов. И профессиональную, и служебную тайну составляет конфиденциальная информация, ставшая известной лицу при осуществлении им своих профессиональных обязанностей, распространение которой может повлечь причинение вреда правам и законным интересам собственника такой информации, но с тем лишь отличием, что в случае со служебной тайной информация становится известной лицу в связи с государственной или муниципальной службой. В соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации № 1233 от 3.11.1994 г. «Об утверждении положения о порядке обращения со служебной информацией ограниченного распространения в федеральных органах исполнительной власти и уполномоченном органе управления использованием атомной энергии» к служебной информации ограниченного распространения относится несекретная информация, касающаяся деятельности организаций, ограничения на распространение которой диктуются служебной необходимостью[14]. А.И. Алексенцев считает, что по смыслу служебную тайну составляют, хотя и не названы ею, "сведения, затрагивающие частную жизнь, честь и достоинство граждан", которые госслужащие не должны разглашать [15,с.68]. Таким образом, можно говорить о служебной тайне, обеспечение сохранности которой вызвано непосредственно интересами службы, а также о служебной тайне, необходимость сохранности которой обусловлена наличием иных видов тайн (личной, семейной). На наш взгляд, такой подход применим и к профессиональной тайне. Эти два вида тайн нельзя противопоставлять друг другу, скорее, они могут дополнять друг друга. Уголовный закон не содержит специальной нормы, предусматривающей ответственность за разглашение профессиональной и служебной тайн. И если в ряде случаев лицо можно привлечь к уголовной ответственности, например, за нарушение неприкосновенности частной жизни или за превышение должностных полномочий, то возможны и ситуации, когда лицо, совершившее общественно-опасное деяние, остается

безнаказанным ввиду отсутствия специального состава. В связи с этим необходимо дополнить УК РФ специальным составом, предусматривающим ответственность за разглашение профессиональной или служебной тайн.

Еще одним из видов информации с ограниченным доступом является компьютерная информация, весьма неудачное определение которой дано в примечании к ст.272 УК РФ. Поэтому под ней предлагается понимать сведения (сообщения, данные), представленные в электронно-цифровой форме, независимо от средств их хранения, обработки и передачи.

Информационная составляющая усматривается и в объектах таких преступлений, как ст. 141 УК РФ «Воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий» (в части нарушения тайны голосования), ст. 310 УК РФ «Разглашение данных предварительного расследования», ст. 311 УК РФ «Разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении судьи и участников уголовного процесса», ст. 320 УК РФ «Разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении должностного лица правоохранительного или контролирующего органа».

Таким образом, следует поддержать позицию В.М. Елина, который считает, что, несмотря на многообразие и разностороннюю направленность составов преступлений, направленных на уголовно – правовую защиту сведений конфиденциального характера, в настоящее время указанные нормы практически не применяются, в том числе и в связи с неоднозначностью определения сведений конфиденциального характера как предмета преступления, а также недостаточной регламентацией правомерной деятельности в отношении данных информационных объектов [16, С.177]. Очевидно, что институт информации с ограниченным доступом нуждается в переосмыслении и доработке, направленной на формирование единого понятийного аппарата, устранение неточностей в формулировках, несогласованности между различными отраслями права. Лишь по достижении этих результатов, необходимо совершенствовать уголовное законодательство, предусматривающее ответственность за посяательства на неприкосновенность информации с ограниченным доступом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации: утв. Президентом РФ 7 февраля 2008 г. № Пр-212 URL: <http://base.consultant.ru>
2. Букалерева Л.А., Пикуров Н.И. Уголовно-правовая охрана оборота официальной информации // Правовые вопросы связи.- 2005. -№1.
3. Об информации, информационных технологиях и защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006г. №149-ФЗ URL: <http://base.consultant.ru>
4. Турышев А.А. Информация как признак составов преступлений в сфере экономической деятельности: автореф. дис. канд...юрид. наук. - Омск, 2006.
5. Салихов И.И. Информация с ограниченным доступом как объект гражданских правоотношений: автореф. дис. канд...юрид. наук. - Казань, 2004.
6. О государственной тайне: Закон Российской Федерации от 21.07.1993г. № 5485-1 URL: <http://base.consultant.ru>
7. Сулова С.И. Тайна в праве России: цивилистический аспект: дис.канд...юрид.наук. – Иркутск, 2003.
8. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993г.) URL: <http://base.consultant.ru>
9. Семейный кодекс Российской Федерации от 25.12.1995г. № 223-ФЗ URL: <http://base.consultant.ru>
10. О коммерческой тайне: Федеральный закон от 29.07.2004 №98-ФЗ URL: <http://base.consultant.ru>
11. Налоговый кодекс Российской Федерации от 31.07.1998г. №146-ФЗ URL: <http://base.consultant.ru>
12. О банках и банковской деятельности Федеральный закон от 02.12. 1990г. № 395-1 URL: <http://base.consultant.ru>

13. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01. 1996 г. №14-ФЗ URL: <http://base.consultant.ru>

14. Об утверждении положения о порядке обращения со служебной информацией ограниченного распространения в федеральных органах исполнительной власти и уполномоченном органе управления использованием атомной энергии Постановление Правительства Российской Федерации № 1233 от 3.11.94 г. URL: <http://base.consultant.ru>

15. Алексенцев А.И. О классификации конфиденциальной информации по видам тайны // Безопасность информационных технологий. - 1999. - № 3.

16. Елин В.М. Уголовно-правовая охрана некоторых категорий информации ограниченного доступа. М., 2010.

История становления и развития мер уголовно-процессуального принуждения в России (XIII-XIX века)

В статье рассматриваются динамика, характер и тенденции развития мер уголовно-процессуального принуждения в России на различных исторических этапах с XIII по XIX век.

Ключевые слова: меры уголовно-процессуального принуждения.

В XIII-XIV вв. преступление на Руси рассматривалось как обида, а наказание – как имущественное возмещение причиненного вреда. В этом отношении преступление не отличалось от гражданско-правового деликта, процедура установления того и другого в сущности была одинаковой. Судили князья. Суд был состязательным и обвинительным. В качестве доказательств использовались: свидетельство, клятва, поединок и «суд божий» (испытания водой, огнем и т. п.). Родовая община отвечала за своего члена, поэтому в качестве меры принуждения использовалось поручительство – сначала общины, а затем – влиятельных людей[1]. В XV-XVI вв. уголовный процесс становится более публичным. Преступление стало рассматриваться как посягательство не только на частные, но и на государственные интересы, а наказание рассматривается как возмездие, кара. В связи с этим функцию правосудия берет на себя государство в лице князей и царей.

Согласно Судебникам 1497 и 1555 гг. основными методами ведения уголовного процесса были обыск и пытка. При этом обыск был не только средством отыскания доказательств, но и общей мерой борьбы с преступностью. Губные старосты (губной староста - выборная земская власть, учрежденная в первой половине XVI в. с целью изъять из ведения наместников уголовные дела. Губные старосты подчинялись разбойному приказу. В 1689 г. были заменены сыщиками, окончательно упразднены в 1704 г.)[2] и целовальники (целовальник - в конце XV-XVIII вв. помощник губного старосты. Он отвечал перед центральной и местной администрацией за исправное поступление денежных доходов и участвовал в судебном и полицейском надзоре за населением. Впервые упоминается в Судебнике 1497 г.)[3] собирали людей и проводили обыск (в смысле расспрос) о том, «кто у них в губе, на посаде или в уезде лихих людей, татей (тать – название вора в Древней Руси)[4] и разбойников привечает (привечать – укрывать, покровительствовать)[5] и к кому разбойники и тати приезжают и разбойную рухлядь (рухлядь - пришедший в ветхость домашний скраб, пожитки, ветхая одежда)[6] привозят»[7]. Таким образом, основным средством раскрытия преступления, при отсутствии истца, был обыск. В то время все уголовное судопроизводство именовалось обыском. Всех, кого при обыске «облихуют», т.е. признают лихим, не одобряют его поведение[8], до суда лишали свободы. Поскольку государственных тюрем в то время еще не было, арестованные содержались во дворе у пристава (в хлеву, сараях, ямах и т.п.). При этом арестованных сковывали и сажали в колоду, представлявшую собой два бруска с вырезами для ног узника[9]. Отсюда арестовать означало «отдать за пристава», а арестованного именовали «колодником». Пристав был обязан надзирать за арестованными. Последних вызывали на допросы и пытали. В этот период времени одной из мер уголовно-процессуального принуждения являлось поручительство. Данная мера применялась лишь по челобитной, т.е. по письменному прошению, а не по инициативе органов государства. Поручители ручались «головой» за явку обвиняемого на суд, поэтому данная мера была весьма серьезной. Если при обыске не «облихуют», то применялось поручительство. В том случае, если поручителей нет, то обвиняемый «отдавался за пристава».

Следующий этап развития мер уголовно-процессуального принуждения ознаменован принятием Соборного уложения 1649 г. Оно было первым печатным памятником русского права. Само будучи кодексом, исторически и логически оно служило продолжением предшествующих кодексов права - Правды Русской и судебныхников, знаменуя вместе с тем неизмеримо более высокую ступень феодального права, отвечавшего новой стадии в развитии социально-экономических отношений, политического строя, юридических норм и судопроизводства Русского государства.

Согласно Соборному уложению 1649 г., среди мер уголовно-процессуального принуждения на передний план выходит тюремное заключение, которое применялось губными старостами, а позже – воеводами (воевода - начальник города и городского округа в старой Руси)[10]. Сроки тюремного заключения были длительные, они либо были конкретизированы, либо не указывались вовсе (на сколько государь укажет). Например, согласно ст. 9 главы I Соборного уложения 1649 г., за прошение милостыни в церкви во время церковного пения полагалось наказание в виде тюремного заключения, «на сколько государь укажет». Согласно ст. 21 главы XXI Соборного уложения 1649 г., разбойников, убийц и поджигателей предписывалось «держат в тюрьме полгода – для сыску товарищей их», а согласно ст. 43 той же главы, до государева указа следует держать в тюрьме лиц, подозреваемых в совершении разбоя и чья непричастность в ходе обыска (разбирательства) не установлена [11].

Дальнейшее реформирование системы мер уголовно-процессуального принуждения произошло в период правления Петра I, который укрепил государственное начало в уголовном процессе и устранил остатки раннего обвинительного судопроизводства. В рамках преобразований времен Петра I была отменена мера уголовно-процессуального принуждения – «отдача за пристава». Наиболее применяемой мерой уголовно-процессуального принуждения по-прежнему оставалось содержание под стражей.

С приходом к власти Екатерины II связана попытка внедрить некоторые прогрессивные принципы, заимствованные у мыслителей европейского Просвещения. В известном Наказе Екатерины II от 30 июля 1767 г., а затем в Уставе благочиния 1782 г. был приведен примерный перечень улик, достаточных для заключения человека в тюрьму (он был полностью заимствован из трактата Ч. Беккариа «О преступлениях и наказаниях» 1764 г.). Позднее этот перечень был незначительно изменен и включен в Устав уголовного судопроизводства (1864 г.). Элементы данного перечня сохранились до настоящего времени в виде перечня оснований задержания подозреваемого. Одной из прогрессивных идей, изложенных в Наказе, являлась идея о том, что меры уголовно-процессуального принуждения и меры уголовного наказания имеют совершенно разные цели и что содержание обвиняемого под стражей до суда должно быть, сколь возможно, короче. Необходимо отметить, что, несмотря на попытки властей сократить сроки предварительного содержания под стражей, они оставались чрезвычайно продолжительными, даже после царствования Екатерины II. Так, в 1763 г. Сенат установил: 1862 следственно-заключенных содержатся в тюрьме с 1756 г., т.е. более 7 лет. Отмечались и более жестокие факты: в 1727 г. обнаружилось, что майор Воеводский находился под караулом 10 лет, поручик Дубасов содержался под стражей без суда 9 лет, поручик Бобьев – 12 лет. Дело об убийстве девицы Марьи Алтуховой велось с 1813 по 1824 гг. По этому делу содержались под стражей несколько человек. Мальчик Кузьмин долго содержался до суда в тюрьме за кражу церковной утвари на сумму 1 руб. 49 к.[12]

Анализ законодательства XVII в. позволяет сделать вывод о том, что власти принимали различные меры для сокращения срока содержания под стражей до суда. 5 марта 1731 г. во время правления императрицы Анны Иоанновны был издан указ, который предписывал: с 8 марта приступить к разрешению колоднических дел без всяких оговорок, все эти дела окончить к Пасхе 18 апреля под угрозой штрафа. Александр I предписал Сенату вне очереди рассматривать арестантские дела. При этом за нарушение предписания был установлен вычет, который составлял 1/3 жалования судьи. Однако указанные меры не смогли существенно изменить ситуацию. Попытки ускорить расследование и рассмотрение в судах арестант-

ских дел оказались безрезультатными в связи с большим их количеством. В 1825 г. в России насчитывалось 127 тыс. следственных арестантов[13]. В связи с ужесточившимися мерами арестованных стали скрывать от статистической отчетности [14].

В 1857 г. правительство, обеспокоенное медленностью судопроизводства и длительным содержанием под стражей арестантов до суда, создало комиссию, которая должна была контролировать исполнение указаний о скорейшем рассмотрении арестантских дел [15].

В рамках идеи о сокращении сроков предварительного содержания под стражей Екатерина II предложила не заключать обвиняемых под стражу без сообщения им о сути обвинения и их допроса, а также ввести судебный порядок рассмотрения жалоб на незаконное заключение под стражу. «Учреждение о губерниях», принятое Екатериной II 7 ноября 1775 г. (ст. 401), предписывало создание Совестного суда. Суть заключалась в следующем: если кто-либо в течение трех дней содержался в тюрьме без допроса, то по его жалобе не позже чем через одни сутки он должен быть доставлен в Совестный суд, который рассматривает жалобу на незаконный арест и принимает решение об освобождении на поруки либо подтверждает правильность ареста. За неисполнение этих предписаний вводился штраф: на председателя суда – 300 руб., на заседателей – по 100 руб. Освобожденный Совестным судом вторичному аресту за то же деяние не подлежал. Наряду с этим существовали и определенные ограничения. Так, например, не допускалось рассмотрение жалоб арестованных, которые обвинялись в оскорблении царской особы, измене, убийстве, разбое и воровстве. Совестный суд осуществлял процедуру, аналогичную процедуре, предусмотренной Habeas corpus Act («Хабеас корпус»), который был принят в Англии в 1679 году. Однако очевидно, что данная процедура была ориентирована на дворян и зарождающуюся буржуазию, а не на простых людей.

Таким образом, можно отметить, что древний уголовный процесс был достаточно прогрессивен. Большое внимание в нем уделялось защите прав граждан при производстве по уголовным делам, об этом свидетельствует наличие в нем соответствующих правил («... осторожности при взятии кого-либо к суду, то виновные тому должны уплатить обиженному бесчестье и вознаградить все понесенные им убытки, если он был взят незаконно и недельно ...») и отсутствие понятия «достаточные основания полагать»[16].

Правовые акты начала XIX в. свидетельствуют о некоторой гуманизации уголовного судопроизводства. Так, 15 сентября 1801г., в день коронации Александра I, издается Императорский Указ «Об отмене пыток». Закон от 20 марта 1822 г. установил, что мужские кандалы должны весить не более 5,5 фунтов, т.е. чуть более 2 кг, а налагаемые на ноги обручи было предписано обшивать кожей (женщин в кандалы не заковывали). П.И. Люблинский пишет: «Обращение с заключенными было гуманное. Их нельзя было заковывать в ручные кандалы, плотно прилегающие к телу, но, в крайнем случае, в кандалы просторные, от которых не испытывается боли. В тюрьмах следили за раздельным содержанием лиц разного пола»[17]. Однако указом от 29 января 1825 г. было введено унижающее человеческое достоинство бритье половины головы у арестантов. Мотивировалось это ветхостью тюрем и частыми побегами заключенных. Позже данная мера была отменена (Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета, 1858 г.). Заключенных отпускали для прошения милостыни «в связках» или отдавали на казенную работу, выдавая за нее по 3-4 копейки в день [18]

Следующий этап развития отечественного уголовно-процессуального законодательства связан с принятием Свода законов 1832 г. Он предусматривал следующие меры пресечения (ст. 876, т. XV Свода законов): содержание в тюрьме и при полиции, домашний арест, полицейский надзор, отдача на поруки [19]. Отметим, что до этого времени в отечественном законодательстве отсутствовало понятие «меры пресечения».

В Своде законов закреплялось, что при избрании меры пресечения необходимо учитывать такие обстоятельства, как причастность лица к совершению преступления, тяжесть преступления, звание обвиняемого и большее или меньшее подозрение в намерении учинить побег [20].

В Своде 1832 г. были проведены границы для определения каждой из упомянутых мер пресечения. Тюремному заключению подлежат лица, которые обвиняются в преступлениях, влекущих лишение всех прав состояния (лишение всех прав состояния означало гражданскую смерть: лишение прав, преимуществ, собственности, прекращение супружеских и родительских прав) или торговую казнь (торговая казнь - с XV в. публичное телесное наказание, битье кнутом по приговору суда на торгу, площади. До 1817 сопровождалась вырыванием ноздрей и клеймением. Отменена в 1845) [21], а равно и те, кто был обвиняемым в других менее важных преступлениях, но не мог предоставить себе поруки (ст. 877).

В домашнем аресте и полицейском надзоре Свод повелевает содержать обвиняемых в преступлениях менее важных, за которые они подлежали бы тюремному, на известное время, заключению (ст. 878).

Отдача на поруки допускается по таким преступлениям, за которые закон не определяет тяжкого наказания (ст. 880)[22].

15 августа 1845 г. в России издается Уложение о наказаниях уголовных и исправительных (Далее – Уложение о наказаниях или Уложение), которое вводит точную классификацию наказаний и определенную постепенность родов, степеней и мер разных наименований наказаний[23], что отразилось и на мерах уголовно-процессуального принуждения. 26 января 1846 г. был издан закон №19640, который привел Свод в соответствие с Уложением[24]. В результате этого в 1857 г. в ч. 2 т. XV Свода были внесены следующие нормы:

а) в тюрьмах содержатся во время следствия и суда все обвиняемые в преступлениях, по которым определяется лишение всех прав состояния или же потеря всех особых, как лично, так и по состоянию присвоенных, прав и имуществ, и ссылка на жилье в Сибирь или другие отдаленные губернии, или же отдача в исправительные арестантские роты гражданского ведомства или в рабочий дом, особенно когда подсудимые уже осуждены в первой степени суда; равно в тюрьмах содержатся те, кто был обвиняемым в других, менее важных, преступлениях, но не может предоставить себе поруки (ст. 134 ч.2 т. XV, изд. 1857 г.); б) в домашнем аресте и полицейском надзоре надлежит содержать обвиняемых в преступлениях менее важных, за которые они подлежали бы заключению в крепости, в смиренных домах или тюрьме (ст. 135); в) отдача на поруки допускается в тех случаях, когда обвиняемые могут подлежать менее строгим наказаниям, чем указанные в ст. 134 (ст. 137)[25].

Необходимо отметить, что официальные отчеты того времени, касающиеся объема применения мер пресечения, не представлялись, за исключением содержания под стражей. В связи с этим А.Ф. Кистяковский отмечал: «Об этом нельзя не пожалеть, тем более что разрешение вопроса об относительной применяемости каждой из четырех мер могло бы бросить свет на всю систему мер пресечения»[26].

Система мер пресечения, предусмотренная Сводом законов, имела множество недостатков, в связи с чем не позволяла эффективно обеспечивать уголовное судопроизводство. Исправление данных недостатков было невозможным без изменения общих фундаментальных начал уголовного судопроизводства. Результатом этого утверждения стали Уставы уголовного судопроизводства (далее УУС или Уставы), принятые 20 ноября 1864 г. Здесь необходимо отметить, что накануне судебной реформы 1860 г. был введен институт судебных следователей. Применение всех мер пресечения (за исключением краткосрочного задержания) было изъято из компетенции полиции и стало прерогативой следователей, отнесенных к судебной власти. В 1865 г. было отменено утверждение приговоров исполнительной властью (губернаторами). Кроме этого, в 1860 г. был издан наказ судебным следователям, который предписывал (ст. 86 и 90 наказа) при заключении обвиняемых под стражу в тот же день составлять особые акты, которые в обязательном порядке на следующий день представлять на утверждение суда[27].

Следующий этап развития мер уголовно-процессуального принуждения связан с принятием УУС 1864 г. Он окончательно отделил судебную власть от исполнительной. За полицией осталось право применять лишь одну меру уголовно-процессуального принуждения –

задержание. Система мер уголовно-процессуального принуждения нашла свое отражение в ст. 77, 416-419 УУС 1864 г. и включила в себя: 1) отобрание вида на жительство или подписка о явке к следствию и неотлучке с места жительства; 2) отдача под особый надзор полиции; 3) отдача на поруки; 4) взятие залога; 5) домашний арест; 6) взятие под стражу.

Согласно УУС 1864 г. прокурор мог требовать отмены или смягчения меры пресечения. Данное требование носило обязательный характер, но лишь для судебного следователя. Наряду с этим прокурор мог сам отменить или смягчить меру пресечения при составлении обвинительного акта перед направлением уголовного дела в суд. Однако прокурор не имел права избрать более строгую меру пресечения. Судебный следователь мог не исполнять указаний прокурора о взятии обвиняемого под стражу. В подобных случаях судебный следователь представлял дело суду, который и выносил по этому вопросу окончательное решение.

Обвиняемый мог обжаловать постановление судебного следователя о заключении под стражу в окружной суд, который рассматривал жалобу в распорядительном заседании в первый присутственный день после ее поступления. Жалобщик допускался к объяснениям, если он пришел в суд (ст. 501 УУС). Определение окружного суда могло быть обжаловано в Судебную палату.

Таким образом, момент возникновения первоначальной формы мер уголовно-процессуального принуждения неразрывно связан с зарождением права, регулирующего отношения сторон после совершения преступления, и относится к XIII-XIV вв.

Отечественное уголовно-процессуальное законодательство в указанный исторический период не содержало термина «меры уголовно-процессуального принуждения», вместо него использовали термин «меры пресечения», который впервые был упомянут в Своде законов 1832 г.

Социально-экономические преобразования, наблюдавшиеся в отечественной истории в период XIII-XIX вв., обусловили необходимость поэтапного реформирования законодательства, регламентирующего механизм реализации мер уголовно-процессуального принуждения. Эволюция мер уголовно-процессуального принуждения в рамках рассматриваемого исторического периода проявляется в следующих основных этапах: 1) XIII-XIV вв. – зарождение права, регулирующего механизм реализации мер уголовно-процессуального принуждения; 2) XV-XVI вв. – возникновение государственного начала в механизме реализации мер уголовно-процессуального принуждения; 3) XVII в. – усиление роли государства в механизме реализации мер уголовно-процессуального принуждения; 4) XVIII - XIX вв. – дифференциация полномочий по применению мер уголовно-процессуального принуждения между судебной и исполнительной властью.

Литература

1. См.: Люблинский П.И. Свобода личности в уголовном процессе. – СПб., 1968. – С. 64.
2. Малый энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона: [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://slovari.yandex.ru/dict/brokminor/article/15/15099.html>. – свободный - Загл. с экрана.
3. Большая советская энциклопедия: [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://slovari.yandex.ru/dict/bse/article/00087/86200.htm>. – свободный - Загл. с экрана.
4. Толковый словарь Д.Н. Ушакова: [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/lower/18755> – свободный - Загл. с экрана.
5. Толковый словарь живого Великорусского языка В.И. Даля: [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://slovari.yandex.ru/dict/dal/article/dal/03148/62500.htm> – свободный - Загл. с экрана.
6. Толковый словарь Д.Н. Ушакова.

7. Кистяковский А.Ф. О пресечении обвиняемому способов уклоняться от следствия и суда. – СПб., 1868. – С. 22.
8. Толковый словарь живого Великорусского языка В.И. Даля.
9. Там же.
10. Толковый словарь Д.Н. Ушакова.
11. Тихомиров М.Н., Епифанов П.П. Соборное уложение 1649 года. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1961.
12. См.: Петрухин И.Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе / Институт государства и права. – М.: Наука, 1989. – С. 129.
13. Петрухин И.Л. Указ. соч. С. 132.
14. Там же.
15. См.: Шевчук В.Б. Реформирование судебной системы России во второй половине XIX- начале XX в. (историко-правовое исследование): дис. ...канд. юрид. наук. СПб., 2004. С. 57.
16. Люблинский П.И. Свобода личности в уголовном процессе. Меры, обеспечивающие неуклонение обвиняемого от правосудия. СПб.: Сенатская типография, 1906. С. 53.
17. Люблинский П.И. Указ соч. С. 66.
18. См.: Н.И. Костомаров. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей: [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.kulichki.com/inkwell/text/special/history/kostom/kostom53_7.htm – свободный - Загл. с экрана.
19. См.: Российское законодательство X-XX вв. – Т. 8: Судебная реформа. – М.: Юрид. лит., 1991. – С. 307.
20. Там же. – С. 99.
21. Кураков Л. Экономика и право: словарь-справочник: [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://vocable.ru/dictionary/80/word/> – свободный - Загл. с экрана.
22. См.: Свод законов Российской империи. – Т. XV. – СПб., 1892.
23. См.: Российское законодательство X-XX вв. – Т. 6: Законодательство первой половины XIX века. – М.: Юрид. лит., 1988. – С. 174-309.
24. См.: Кистяковский А.Ф. Указ. соч. – С. 101.
25. См.: Свод законов Российской империи. – Т. XV. – СПб., 1892.
26. Кистяковский А.Ф. Указ. соч. С. 107.
27. Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. Часть вторая. С. 153.: [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/118/188.html> – свободный - Загл. с экрана.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ И СУДЕБНОЕ СЛЕДСТВИЕ: ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ

В статье рассматриваются особенности производства предварительного и судебного следствия, а также проблемы соотношения этих этапов. Автором рассматриваются сходства и различия указанных форм производства.

Ключевые слова: предварительное следствие, дознание, уголовное судопроизводство.

Проблемы соотношения судебного и предварительного следствия в отечественном уголовном процессе на протяжении последних десятилетий являются объектом пристального внимания ученых. В разные годы эти вопросы изучали Колбая Г.Н.[1], Шейфер С.А.[2], Абозина Т.Н.[3], Азаров В.А.[4]

Изучение особенностей предварительного следствия (дознания) и судебного следствия, конкретизация и разграничение задач каждого из названных этапов уголовного судопроизводства, рассмотрение теоретических и практических проблем соотношения предварительного следствия (дознания) и судебного следствия имеет важное значение для уяснения места и роли судебного следствия в системе уголовного процесса России.

Производство по уголовному делу в рамках предварительного следствия и судебного следствия вполне соотносится с общим назначением уголовного судопроизводства, которое определено в ст. 6 УПК как защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

В ходе социально-правовых преобразований в Российской Федерации доминирующим направлением совершенствования судебной деятельности была признана так называемая пассивная роль суда, декларируемая в развитии активности в судебном следствии сторон обвинения и защиты [5].

В настоящее время очевидно, что при изучении соотношения предварительного следствия (дознания) и судебного следствия наиболее остро стоит вопрос о дублировании процессуальных действий, проводимых должностными лицами и органами на стадии предварительного расследования и судом (судьей) в ходе судебного следствия. Повтор отдельных процессуальных действий, которые проводятся компетентным должностным лицом и органом до возбуждения уголовного дела, в ходе предварительного расследования, а затем устно и непосредственно в ходе судебного следствия, негативно сказывается на общих сроках рассмотрения уголовного дела и защите прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

В этой связи важным представляется исследование соотношения предварительного расследования и судебного следствия. Предварительное следствие (дознание) и судебное следствие - это два взаимосвязанных этапа уголовного судопроизводства, один этап предваряет другой. Указанная зависимость имеет двусторонний характер. Установление обстоятельств совершенного преступления на этапе предварительного следствия (дознания) является необходимой гарантией для правильного разрешения уголовного дела в суде. Одновременно судебное следствие наделено определенными контрольно-проверочными функциями по отношению к стадии предварительного расследования. В указанном случае принято говорить о снижении контрольных полномочий суда (судьи) по отношению к стадии предварительного расследования и возможности возвращения уголовного дела прокурору по соответствующим основаниям.

Очевидно, что у следователя (дознателя) имеется в арсенале больше возможностей для раскрытия и расследования преступления. Процессуальная деятельность указанных

должностных лиц более целенаправленна. Следователь (дознатель) подходит к выяснению обстоятельств уголовного дела полно и всесторонне, создавая тем самым пределы для рассмотрения в ходе судебного следствия. Принцип состязательности, также как и принцип гласности, имеет ограниченное действие в ходе предварительного следствия (дознания), обеспечивая розыскными возможностями должностных лиц и органов. В ходе судебного следствия снижена возможность применения тактических и технических приемов и методов в ходе производства по уголовному делу. Не в пользу судебного следствия играет и временной фактор, позволяющий компетентным должностным лицам устанавливать по «горячим следам» лиц, причастных к совершению преступления. Устность и непосредственность производства по уголовному делу является важнейшей гарантией объективного и беспристрастного рассмотрения уголовного дела в судебном заседании, позволяя суду (судье) сформировать внутреннее убеждение в целях справедливого разрешения уголовного дела.

Однако у предварительного следствия (дознания) и судебного следствия есть ряд весьма сходных признаков:

- деятельность следователя (дознателя) и суда (судьи) является процессуальной и осуществляется в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством;
- процессуальная деятельность осуществляется в отношении лица, которое совершило преступление;
- единые подходы к формированию доказательств и признанию их недопустимыми;
- производство процессуальных действий (следственных и судебных) является основным способом собирания и проверки доказательств;
- предварительное следствие (дознание) и судебное следствие входит в систему уголовного судопроизводства;
- в рамках рассматриваемых этапов складываются уголовно-процессуальные правоотношения;
- для предварительного следствия (дознания) и судебного следствия свойственно функциональное распределение направлений деятельности;
- единоличное производство по уголовному делу (абсолютное большинство уголовных дел расследуется единолично следователями (дознателями) и рассматривается единолично судьями в суде первой инстанции;
- обязательное участие прокурора характерно для названных этапов уголовного судопроизводства, которое заключается в принятии предусмотренных законом мер к устранению всех выявленных нарушений закона;
- необходимость формирования внутреннего убеждения у должностного лица или органа для принятия окончательного решения по уголовному делу;
- процессуальная деятельность следователя (дознателя) и суда (судьи) носит публичный характер;
- высокая социальная ценность процессуальной деятельности следователя (дознателя) и суда (судьи) в рамках рассматриваемых этапов.

Таким образом, при всей схожести процессуальной деятельности на этапе предварительного следствия (дознания) и судебного следствия следователь (дознатель) и суд (судья) находятся не в одной «упряжке». Суд (судья) осуществляет правосудие по уголовным делам и имеет возможность постановить приговор. Суд (судья) ставит окончательную точку в рассмотрении уголовного дела по существу в соответствии с законом и совестью, не обращая внимание на выводы, сделанные следователем, государственным обвинителем и защитником.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колбая Г.Н. Соотношение предварительного следствия и судебного разбирательства в советском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - М., 1971. - 22 с.; он

же. Соотношение предварительного следствия и судебного разбирательства. - М.: Юрид. лит., 1975.

2. Шейфер С.А. Следственная власть: история и современность // Уголовная юстиция: связь времен: материалы международной научной конференции (6-8 октября 2010 г.). – СПб., 2010.

3. Абозина Т.Н. Соотношение предварительного и судебного следствия в уголовном процессе Российской Федерации: современное состояние и перспективы развития: дис. ... канд. юрид. наук. - Владимир, 2008.

4. Азаров В.А. Соотношение предварительного и судебного следствия по УПК Российской Федерации // Вестник Томского государственного университета. - 2008. - №311 (июнь). - С. 102-103.

5. Абозина Т.Н. Указ.раб. - С. 2.

И.В. Латышов,
кандидат юридических наук, доцент
(Волгоградская академия МВД России)

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ОБЪЕКТОВ СУДЕБНО-БАЛЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

В статье рассмотрены проблемы систематизации объектов судебной баллистики с учетом современного состояния оружейного дела в России, законодательства в области оборота оружия, теории и практики судебно-баллистической экспертизы.

Ключевые слова: баллистическая экспертиза, оборот оружия, стрелковое оружие, судебная баллистика.

В настоящее время вопросы систематизации объектов судебно-баллистической экспертизы приобретают особую актуальность, прежде всего, по причине бурного развития стрелкового вооружения и специальных средств в России и ряде зарубежных стран, появления в обороте не только новых моделей ручного стрелкового оружия и патронов к нему, но и новых типов такого оружия [1].

В этой связи представляется важным как для эксперта-баллиста, так и лица, принимающего процессуальное решение о назначении судебно-баллистической экспертизы, иметь четкое представление обо всем объеме известных теории и практике объектов этой экспертизы.

Следует сказать, что в процессе развития судебно-баллистической экспертизы были высказаны различные точки зрения в отношении систематизации этой экспертизы и перечня ее объектов.

Так, В.С. Аханов выделяет 4 группы специфических судебно-баллистических объектов - различные предметы, вещества, повреждения и материально-фиксированные отражения. Содержание перечисленных автором групп выглядит следующим образом.

1. Предметы – объекты судебно-баллистического экспертного следования: огнестрельное оружие и подобные ему устройства; части и принадлежности оружия (кобуры, чехлы); тайники-хранилища (книжки, поленья с вырезанными углублениями); устройства, стреляющие ампулами с отравляющими, дымовыми, красящими и другими зарядами; огнеметы; устройства, не являющиеся оружием, но имеющие с ним сходство, например, строительно-монтажные пистолеты, сигнальные устройства (стартовые пистолеты или револьверы и ракетницы), зажигалки и игрушки в виде оружия; боеприпасы, т.е. патроны и их части (гильзы, капсюли, пыжи, концентраторы, дробь, картечь, пули, фрагменты разорвавшихся пуль); специальные приборы для снаряжения ружейных гильз капсюлями; закрутки для заделки картонных корпусов гильз; слитки, полосы свинца; пресс-формы для штамповки и отливки снарядов; куски войлока, картона, бумаги и других волокнистых материалов; высечки для изготовления пыжей; полуфабрикаты, заготовки, чертежи и слепки отдельных частей оружия и боеприпасов; инструменты, в частности, пуансоны для набивания номерных знаков.

2. Объекты исследования – вещества: бездымный и дымный порох, его компоненты; масса спичечных головок; копоть выстрела на пораженных предметах, на оружии, гильзах, пулях, пыжах; копоть, снятая с кисти руки стрелявшего; частицы ржавчины и смазки на хранилищах оружия (кобурах, тайниках); частицы металла на инструментах, применявшихся для переделки патронов и оружия.

3. Объекты исследования - повреждения: пулевые и дробовые пробоины, трещины или разрывы, опаления вокруг них на пораженных предметах; деформация и фрагментация снарядов, гильз и пыжей; раздутия и разрывы стволов; поломки других частей оружия.

4. Объекты исследования – материально-фиксированные отражения: вмятины и исчерченности на пулях и гильзах от инструментов, использовавшихся при их креплении в патроне, и от частей оружия; вмятины и исчерченности на снарядах от пресс-форм и от стенок корпусов гильз; отпечатки (штанцмарки) переднего среза оружия на пораженном предмете вокруг пулевого входного отверстия; пояски обтирания снарядов на краях входных огнестрельных отверстий; фигурные зоны отложения копоти выстрелов из пистолетов-пулеметов на пораженных предметах; налеты ржавчины, запечатлевшие на одной детали оружия признаки другой его детали; исчерченности от одних деталей оружия на других его деталях; отпечатки внешних признаков оружия на внутренних поверхностях кобуры и других хранилищ; отпечатки маркировочных обозначений доньшка гильзы на патронном упоре затвора оружия [2, С. 8-10].

Анализ содержания приведенных В.С. Ахановым групп объектов судебной баллистики позволяет говорить об определенных огрехах представленной системы. Так, например, недостаточно четко определены границы между объектами-веществами и материально-фиксированными отображениями – следами действия оружия. Как представляется, вообще противоречиво по определению отнесение группы веществ к объектам судебно-баллистической экспертизы. Приведенный В.С. Ахановым список скорее следует отнести к объектам криминалистической экспертизы материалов, веществ и изделий. Соответственно задачи экспертного исследования основного металла выстрела, установление марки пороха, ружейного масла на кобуре пистолета – задачи не судебно-баллистические. Судебно-баллистическая оценка частиц пороха, копоти и других продуктов выстрела осуществляется в рамках изучения их как материально-фиксированных следов выстрела.

Имеются возражения и в отношении причисления В.С. Ахановым к объектам судебно-баллистической экспертизы тайников-хранилищ (книги, поленья с вырезанными углублениями). Спорна также логика разнесения тех или иных объектов в различные группы. Например, отнесение следов выстрела то в группу повреждений, то в группу материально-фиксированных отображений [3, С. 9-10].

А.С. Лазари и М.Н. Ростов представили свой взгляд на систематизацию объектов судебно-баллистической экспертизы, ставя во главу угла в качестве главного основания процессуальный статус объекта. В соответствии с этим объекты разделены на вещественные доказательства; объекты, не имеющие определенного процессуального статуса; модели вещественных доказательств; образцы для сравнительного исследования; иные материалы уголовного дела [4, С. 9].

Избранное основание систематизации, по нашему мнению, не отражает в нужной мере содержательной стороны объектов судебно-баллистической экспертизы, что ставит под сомнение ее научную и практическую ценность.

Иной прием в представлении объектов судебно-баллистического экспертного исследования избрал Е.Н. Тихонов. Автор ограничивается простым перечислением известных теории и практике объектов. К ним он, в частности, относит: огнестрельное оружие, его части, детали и принадлежности; патроны и их элементы; материалы, инструменты и иные средства для изготовления оружия либо патронов и их снаряжения; огнестрельные повреждения и отложения продуктов выстрела на преградах, оружии и стрелявшем; фактические данные об обстоятельствах изготовления и применения оружия и патронов, их хранения, ношения и др., содержащиеся в протоколах следственных действий, приложениях к ним и заключениях экспертов (судебных медиков и др.) [5, С. 9]. При этом он добавляет, что «сюда же относятся пиротехнические средства, патроны к ним и их элементы, пневматическое оружие и снаряды к нему и т.п.» [6, С. 9].

Несложно заметить, что Е.И. Тихонов, по сути дела, уходит от решения проблемы систематизации объектов. Вместе с тем такой подход к тактике представления объектов судебно-баллистической экспертизы в дальнейшем нашел своих сторонников и был использован в ряде современных учебников по судебной баллистике [7].

Так, например, в учебнике по судебной баллистике, подготовленном коллективом авторов Волгоградской академии МВД России (2004), к числу объектов судебно-баллистической экспертизы были отнесены:

1. Стрелковое огнестрельное оружие, его детали и механизмы.
2. Принадлежности огнестрельного оружия (предметы ухода, ношения оружия и пр.).
3. Незавершенные производством детали и механизмы оружия на различных стадиях его технологической готовности (заготовки, полуфабрикаты).
4. Стреляющие устройства (строительно-монтажные, стартовые пистолеты), использующие принцип огнестрельного оружия, а также пневматическое и ствольное газовое оружие.
5. Боеприпасы и патроны к огнестрельному оружию, стреляющим устройствам и газовому оружию, а также их отдельные компоненты, снаряды к пневматическому оружию.
6. Материалы, инструменты и устройства для производства, снаряжения патронов и их компонентов, следы изготовления на указанных объектах.
7. Материалы, инструменты и устройства для изготовления огнестрельного оружия и их следы на его деталях.
8. Следы применения оружия на снарядах, гильзах, преградах, стрелявшем и предметах окружающей обстановки.
9. Образцы для сравнительного исследования, необходимые для решения экспертных задач (в большинстве случаев их получают в процессе экспертного исследования).
10. Материальная обстановка места происшествия.
11. Процессуальные документы уголовного дела, содержащие информацию, необходимую для решения поставленных перед экспертом вопросов (протоколы осмотра места происшествия и других следственных действий, аудио- и видеозаписи, фотоснимки, схемы, чертежи и пр.) [8, С. 65-66].

Говоря о содержании приведенного выше перечня объектов судебно-баллистической экспертизы, а также используемом приеме представления объектов судебно-баллистической экспертизы, следует признать их далеко не бесспорными. Так, в частности, озвученный список нуждается в определенной корректировке приведенных в нем видов и типов стрелкового оружия, оружия самообороны и других объектов, встречающихся в современной экспертной практике. Отчасти необходимость проведения такой корректировки есть результат, как отмечалось, создания новых типов и образцов стрелкового оружия, специальных средств и различного рода изделий производственного и хозяйственно-бытового назначения, развития отечественного законодательства в области регулирования оборота оружия. К сказанному следует добавить, что отказ от систематизации объектов вряд ли можно считать продуктивным шагом в процессе развития теории судебной баллистики.

И, наконец, систематизация объектов судебно-баллистической экспертизы должна проводиться на базе генерального основания (принципа), отражающего специфику этих объектов. Этим генеральным основанием, по нашему мнению, и является ручное стрелковое огнестрельное оружие – его типовая конструкция и заложенный в него принцип действия – использование для метания снаряда энергии пороховых газов. Все остальные известные судебной баллистике объекты производны от него [9]. Именно это основание связывает воедино самые разнообразные по природе и функциональному назначению объекты судебно-баллистической экспертизы.

Так, в частности, не вызывает возражений логика назначения следователем, судьей судебно-баллистической экспертизы, объектом которой является макет ручного стрелкового огнестрельного оружия (имеется элемент визуального сходства со стрелковым огнестрельным оружием). Использование в работе строительно-монтажных пистолетов энергии поро-

ховых газов также делает логичным их отнесение к группе объектов судебно-баллистической экспертизы. Эту цепочку примеров можно продолжить и далее.

По нашему мнению, представляемая информация о многочисленных видах и разновидностях объектов судебно-баллистической экспертизы должна представляться в систематизированном виде. Это необходимо делать хотя бы из тех соображений, чтобы не впасть в соблазн бесчисленного перечисления этих объектов, что, как известно, не создает необходимых условий для успешного решения научных и практических задач. Вопрос лишь в том, какой уровень обобщения избрать для этих целей. Нам представляется, что оптимальным вариантом может быть уровень рода объекта.

С учетом сказанного объекты судебно-баллистической экспертизы могут быть подразделены на три группы.

Первая группа – предметы (изделия). Сюда следует включить следующие виды объектов:

- ручное стрелковое оружие: огнестрельное, огнестрельное ограниченного поражения, газовое, пневматическое на различных стадиях технологической готовности, а также их отдельные части и детали;
 - специальные средства, а также изделия производственного и хозяйственно-бытового назначения, визуально сходные со стрелковым огнестрельным оружием и/или использующие в работе его конструктивные принципы действия, а также их отдельные части и детали;
 - патроны (боевые, специальные, вспомогательные) ручного стрелкового оружия, специальных средств, а также изделий производственного и хозяйственно-бытового назначения, визуально сходных со стрелковым огнестрельным оружием и/или использующих в работе его конструктивные принципы действия, компоненты патронов;
 - принадлежности ручного стрелкового оружия, специальных средств, а также изделий производственного и хозяйственно-бытового назначения, визуально сходных со стрелковым огнестрельным оружием и/или использующих в работе его конструктивные принципы действия, инструмента для ухода за ними, снаряжения патронов, материалы и инструменты для производства стрелкового оружия и патронов.
- Вторая группа – материальные следы-отображения - включает в себя:

- следы действия ручного стрелкового оружия, специальных средств, а также изделий производственного и хозяйственно-бытового назначения, визуально сходных со стрелковым огнестрельным оружием и /или использующих в работе его конструктивные принципы действия (следы частей и деталей оружия на патронах, пулях, гильзах, огнестрельные повреждения со следами близкого выстрела и пр.).

Третья группа – процессуальные документы и информационные ресурсы непроцессуального характера. В ее состав входят:

- процессуальные документы (протоколы осмотра места происшествия, фототаблицы к ним, заключения эксперта, показания свидетелей, потерпевших и пр.), содержащие необходимую для решения экспертных задач информацию о фактах применения стрелкового оружия при совершении преступлений, правонарушений, следах действия такого оружия и пр.;
- информационные ресурсы непроцессуального характера, используемые для решения задач судебно-баллистической экспертизы (справочники, ГОСТы на оружие и патроны, натурные коллекции, электронные банки данных на стрелковое оружие, патроны и др.).

Разумеется, для решения отдельных научных и практических задач могут быть использованы и другие принципы систематизации объектов судебно-баллистической экспертизы. Предложенная же нами система объектов отражает современное состояние развития оружейного дела и законодательства в области оборота оружия в стране, адаптирована к по-

явлению в ближней перспективе новых типов оружия, что должно способствовать эффективности раскрытия и расследования преступлений, совершаемых с применением стрелкового оружия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Например, огнестрельного оружия ограниченного поражения.
2. Аханов В.С. Криминалистическая экспертиза огнестрельного оружия и следов его применения: учебник/ отв. ред. Р.С. Белкин. – Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1979. – С. 8-10.
3. Там же. – С. 9-10.
4. Теоретические и методические основы судебно-баллистической экспертизы: методическое пособие для экспертов. - Вып. 1 и 2. – М.: ВНИИСЭ, 1984. – С. 9.
5. Тихонов Е.И. Судебно-баллистическая экспертиза: учебное пособие. – Барнаул, 1991. – С. 9.
6. Там же.
7. Криминалистическая экспертиза оружия и следов его применения: учебник/ под ред. В.А. Ручкина, И.А. Чулкова. – Ч. 1. – Волгоград: ВА МВД России, 2004. – С. 65-66; Стальмахов А.В., Сумарока А.М. Судебная баллистика: учебник/ под общ. ред. А.Г.Егорова. – Саратов: СЮИ МВД России, 1998. – С. 7-8.
8. Криминалистическая экспертиза оружия и следов его применения: учебник/ под ред. В.А. Ручкина, И.А. Чулкова. – Ч. 1. – С. 65-66.
9. Справедливости ради отметим, что при разработке нового стрелкового комплекса (оружие и патрон) сначала приступают к созданию патрона.

Л.Н. Костина,
доктор психологических наук, доцент
(Орловский юридический институт МВД
России)

О критериях эффективности использования активных форм и методов обучения в подготовке сотрудников Госавтоинспекции

В статье раскрываются результаты экспертной оценки преподавателями применения ими критериев для оценки эффективности форм и методов активного обучения. Подчеркивается необходимость создания своеобразных «технологических мастерских», проведения мастер-классов в объединении усилий группы инициаторов-педагогов, практических сотрудников органов внутренних дел, методистов для подготовки междисциплинарных методических разработок учебных занятий с применением активных технологий и их реализации в образовательном процессе.

Ключевые слова: активное обучение, подготовка сотрудников Госавтоинспекции практико-ориентированного обучения, адаптация выпускников.

Подготовка сотрудников Госавтоинспекции, осуществляемая в Орловском юридическом институте МВД России, имеет свои традиции и отличается использованием технологий практико-ориентированного обучения. Под практико-ориентированным обучением сотрудников Госавтоинспекции будем понимать соединение получения знаний и применения их на практике (практических занятиях, стажировке в подразделениях ГИБДД территориальных органов МВД России) при решении профессиональных задач, что влечет за собой формирование практического опыта.

В рамках практико-ориентированного обучения преподаватели планируют и проводят учебные занятия, на которых внедряются в образовательный процесс активные технологии, к которым принято относить в педагогике высшей школы: формы и методы проблемного обучения, программированное обучение, модульно-рейтинговое обучение, деловые игры, профессиональные тренинги, учения. С учетом профиля подготовки сотрудников для подразделений ГИБДД в Орловском юридическом институте МВД России, а также используемых преподавателями форм и методов обучения было проанализировано применение следующих форм и методов активного обучения: 1) формы и методы проблемного обучения; 2) формы и методы игрового обучения (моделирование, ролевые и деловые игры, тренинги); 3) практические занятия на многофункциональных полигонах, в ситуационно-ролевых центрах; 4) учения; 5) учебные фильмы, видеокурсы, видеозадачи, видеофильмы; 6) практикумы; контрольно-обучающие программы, 7) дистанционное обучение.

Использование активных технологий позволяет повышать эффективность обучения за счет:

- введения обучающихся в моделируемые и проблемные профессиональные ситуации, которые курсанты и слушатели могут исполнить в ролевом действии и взаимодействии, эмоционально «прожить» исполнение будущих служебных обязанностей;
- интенсификации усвоения учебного материала, формирования профессиональных навыков и умений, важных качеств личности;
- повышения эффективности самостоятельной работы обучающихся;
- возможности построения системы контроля с ярко выраженной обучающей и развивающей функцией обучения.

Когда преподаватели, осознавая необходимость профессионального роста и предъявляемые современные требования, начинают разрабатывать методическое обеспечение учебных занятий с применением активных методов обучения, задумываются, стоит ли это делать или следует провести обычное занятие. Вопрос закономерный, т.к. усилия, направленные на подготовку и проведение таких занятий, таковы, что порой результат не оправдывает затрат

(психологических, моральных, физических). Поэтому резонно возникают вопросы: «Повышает ли эффективность обучения использование активных форм и методов обучения?», «На какие критерии эффективности использования активных форм и методов обучения необходимо ориентироваться?», «Возможна ли замена активных методов другими, менее затратными и не менее эффективными дидактическими методами и приемами?». Так, например, известно, что наиболее эффективное восприятие информации достигается при максимальной вовлеченности обучаемого в учебный процесс. Если при лекционной подаче материала усваивается не более 20% информации, то в дискуссиях – 75%, а в деловой игре – до 90%.

Проведенное исследование методом экспертной оценки показывает, что профессорско-преподавательский состав не только осуществляет подготовку методических разработок для применения активных методов обучения, но и анализирует результаты их применения, используя различные критерии для оценки эффективности методов. Ниже представлены три группы критериев.

Критерии эффективности использования активных форм и методов

Субъективные критерии

1. Отношение преподавателя к использованию активных форм и методов
2. Отношение обучающихся к использованию активных форм и методов
3. Социально и профессионально важные качества личности обучающихся (умственная самостоятельность, нестандартность мышления, умение работать в коллективе, культура дискуссии и пр.)
4. Отношение обучающихся к учебной дисциплине
5. Отношение обучающихся к избранной профессии, высшему юридическому образованию

Объективные критерии

6. Учебная активность курсантов и слушателей
7. Полная и активная нагрузка обучающихся
8. Рациональное расходование времени для эффективного усвоения курсантами и слушателями учебного материала, формирования профессиональных навыков и профессионально значимых качеств личности
9. Рациональное расходование времени преподавателем для разработки методического обеспечения учебных занятий
10. Максимальное соответствие результатов поставленным целям
11. Академическая успеваемость (текущая, промежуточная, итоговая)
12. Учебная успешность (темпы усвоения материала, степень прилежания и усилий)

Компетентностные критерии

13. Адаптация выпускников
14. Отзывы комплектующих органов о выпускниках
15. Профессиональная устойчивость (или миграция)
16. Темпы роста профессионального мастерства
17. Служебная карьера

Субъективные (внутренние) критерии отдельно взятого слушателя и преподавателя связаны с удовлетворенностью образованием в целом, используемыми формами и методами, а также субъективными изменениями, которые могут оказать влияние на профессиональную направленность личности обучаемого, его интерес к учебной дисциплине, в целом к профессии, высшему юридическому образованию.

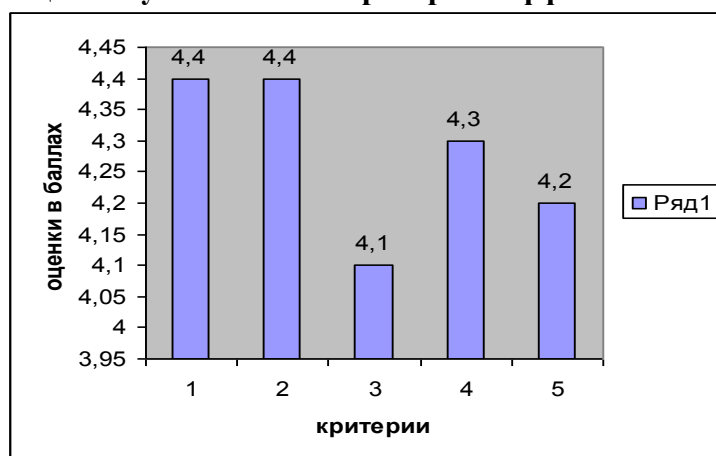
Данные критерии используют преподаватели, которые неоднократно убеждались в том, что учебные занятия с применением активных методов обучения создают дополнительный положительный эмоциональный фон, помогающий преподавателю и курсантам в освоении дисциплины и профессии. Более того, субъективное восприятие имеет мотивационный

характер: позитивные эмоции, возникающие в процессе активного обучения, становятся внутренним мотивом учебной деятельности курсантов и слушателей, а также внутренним мотивом для преподавателей в совершенствовании педагогического мастерства.

В диаграмме 1 отражены результаты оценки экспертами субъективных критериев, отличающихся друг от друга незначительно. Тем не менее наибольшими баллами были оценены два критерия: отношение преподавателя и обучающихся к использованию активных форм и методов обучения (4,4 балла). Полагаем, что эти критерии становятся своеобразными мотивами в поиске активных форм и методов, использовании их в обучении для формирования интереса к учебной дисциплине (4,3 балла), юридическому образованию и профессии (4,2 балла). Так, максимальные оценки эксперты выставили субъективным критериям эффективности таких активных форм и методов, как игровые методы, практические занятия на полигонах, применение учебных фильмов, видеокурсов, видеофильмов и видеозадач на аудиторных занятиях.

Диаграмма 1

Оценка субъективных критериев эффективности

Обозначения: 1 – отношение преподавателя к использованию активных форм и методов, 2 – отношение обучающихся к использованию активных форм и методов, 3 – социально и профессионально важные качества личности обучающихся; 4 – отношение обучающихся к дисциплине, 5 – отношение обучающихся к избранной профессии, высшему юридическому образованию.

Наименьший балл выставлен критерию «социально и профессионально важные качества личности» (4,1 балла). Очевидно, что для формирования этих качеств требуются большие усилия не только в образовательном процессе, но и в практической деятельности сотрудников органов внутренних дел.

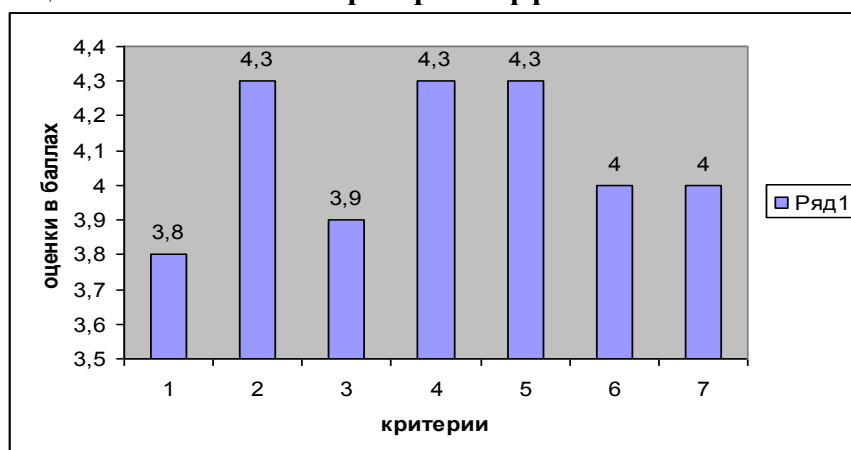
Объективные критерии позволяют преподавателю оценить собственные усилия и временные расходы, а также активность, успеваемость и успешность усвоения учебного материала и формируемых профессиональных навыков и профессионально-значимых качеств личности. Данные критерии используют все преподаватели, т.к. именно они позволяют доказать себе и другим, что использование активных методов гораздо эффективнее. Тому подтверждение и количественные показатели, выражающиеся в большем количестве выставляемых на учебных занятиях отметках, количестве и среднем балле этих отметок.

Оценка экспертами объективных критериев представлена в диаграмме 2. Вполне закономерно, что эксперты максимальным баллом оценили критерий «полная активная нагрузка обучающихся» (4,3 балла), поскольку это одно из преимуществ используемых преподавателем активных технологий. Что касается высоко оцененных и взаимосвязанных между собой критериев «рациональное расходование времени преподавателем для разработки методического обеспечения занятий» и «максимальное соответствие результатов поставленным целям» (4,3 балла), то не любой преподаватель достигает этих критериев на своих занятиях. Опыт преподавания психологических дисциплин позволяет утверждать, что только сочета-

ние высокой мотивации в применении активных технологий обучения, педагогического мастерства преподавателей, а также совместная подготовка таких занятий несколькими преподавателями (или преподавателями и практическими сотрудниками органов внутренних дел) обеспечивает эффективность образовательного процесса. Поэтому эксперты отмечают необходимость тщательной, кропотливой и совместной учебно-методической работы, накопления совместного опыта применения активных форм и методов обучения, целенаправленного оттачивания методического мастерства и грамотного применения педагогических технологий в образовательном процессе.

Диаграмма 2

Оценка объективных критериев эффективности

Обозначения: 1 – учебная активность; 2 – полная и активная нагрузка обучающихся; 3 – рациональное расходование времени для эффективного усвоения учебного материала, формирования профессиональных навыков и профессионально важных качеств личности; 4 – рациональное расходование времени преподавателем для разработки методического обеспечения занятий; 5 – максимальное соответствие результатов поставленным целям; 6 – академическая успеваемость (текущая, промежуточная, итоговая); 7 – учебная успешность (темпы усвоения материала, степень прилежания и усилий).

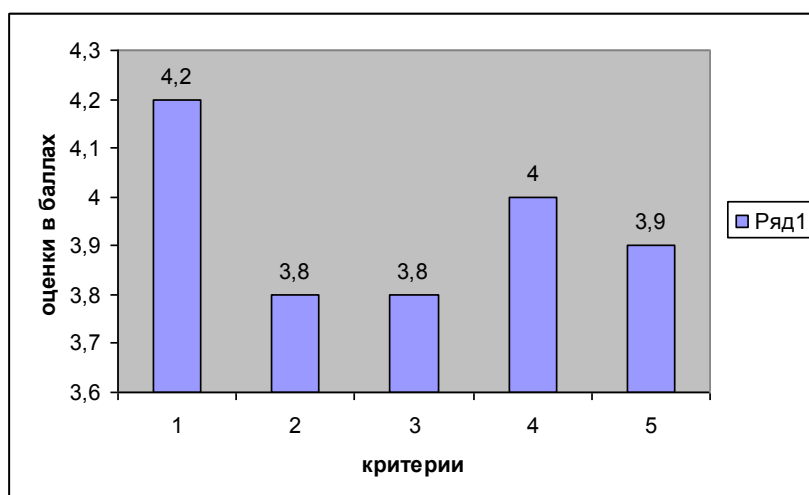
В этой связи подчеркнем необходимость создания в институте своеобразных «учебно-методических (технологических) мастерских», проведения мастер-классов, цель которых состоит в объединении усилий группы инициаторов-педагогов, практических сотрудников органов внутренних дел, методистов для подготовки междисциплинарных методических разработок учебных занятий с применением активных технологий и их реализации в образовательном процессе. Одному преподавателю, без участия других заинтересованных лиц в применении активных технологий, не выжить в современном темпе, трудно соответствовать требованиям, которые к нему предъявляются.

Компетентностные критерии связаны непосредственно с практической деятельностью и этапами профессионального становления выпускников как специалистов, включая адаптацию и карьерный рост выпускников института. Несмотря на то, что об этих критериях писали в научной литературе еще в конце прошлого столетия, особую актуальность они приобретают в настоящее время в связи с переходом на новые федеральные государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования. Современные требования к профессии и выпускникам превращаются в своеобразные «пакеты компетенций». Поэтому территориальные органы МВД России, для которых осуществляется подготовка специалистов, уже сейчас оценивают и будут продолжать оценивать не сами по себе знания выпускников, а способность выполнять определенные функциональные обязанности сотрудников органов внутренних дел.

Оценка компетентностных критериев представлена в диаграмме 3.

Диаграмма 3

Оценка компетентностных критериев

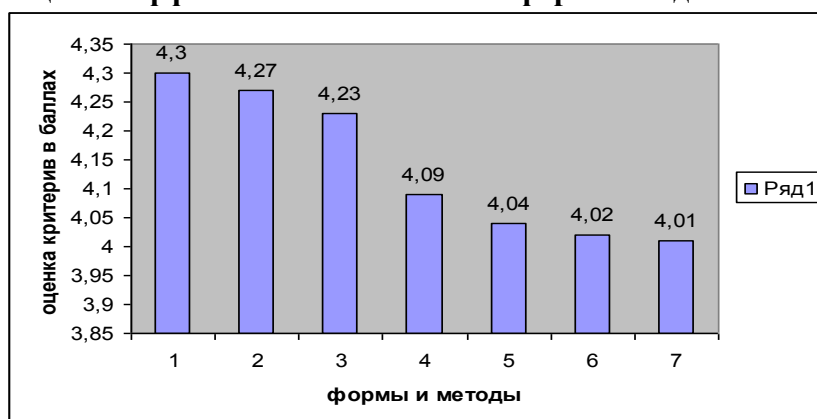
Обозначения: 1 – адаптация выпускников; 2 – отзывы комплектующих органов о выпускниках; 3 – профессиональная устойчивость (или миграция), 4 – темпы роста профессионального мастерства; 5 – служебная карьера.

Эксперты достаточно высоко оценили критерии «адаптация выпускников» (4,2 балла) и «темпы роста профессионального мастерства» (4 балла) как важные компетентностные критерии. Достижению этих и других критериев способствуют, по мнению экспертов, использование в образовательном процессе учений, игровых методов, практических занятий на полигонах. Именно эти активные технологии обеспечивают адаптацию выпускников к практической деятельности, способствуют их профессиональному росту.

Математическая обработка показала, что определенная иерархия наблюдается в оценках эффективности конкретных активных форм и методов обучения (см. диаграмму 4).

Диаграмма 4

Оценки эффективности активных форм и методов

Обозначения: 1 – практические занятия на полигонах, 2 – игровые технологии; 3 – учения, 4 – проблемное обучение; 5 – практикумы; 6 – учебные фильмы, видеокурсы, видео-задачи, видеофильмы; 7 – контрольно-обучающие программы.

Ведущее положение в данной иерархии занимают практические занятия, игровые технологии и учения, что является своеобразным показателем ведущей роли практико-ориентированного обучения в Орловском юридическом институте МВД России, осуществляемого в гармонии с теоретическим обучением.

Современная действительность требует от высшего юридического образования целенаправленного формирования у обучающихся практических навыков и таких компетенций, которые обеспечивают им быструю включенность в профессионально-практическую деятельность и социальные условия. Проведенное исследование подтверждает данный вывод,

т.к. эксперты высоко оценили предложенные им субъективные, объективные и компетентностные критерии эффективности применения активных форм и методов обучения.

Считаем, что рассмотренные критерии эффективности использования активных форм и методов обучения должны быть дополнены частными и конкретизированными. Так, например, следует разработать критерии эффективности, промежуточные и конечные, по отдельным дисциплинам или блокам дисциплин. При этом важно, чтобы эти критерии были сопоставимы и обобщены. Разработка критериев эффективности применения активных форм и методов обучения и в целом образовательного процесса вуза МВД может оптимизировать деятельность преподавателей и повысить эффективность обучения курсантов и слушателей. Кроме того, такая разработка позволяет сместить акценты и цели профессионального образования – на обучающе-воспитательно-развивающие, компетентностно ориентированные. В этой связи актуальной является разработка и постоянная корректировка анкеты для руководителей комплектующих органов, готовящих ежегодно отзывы о выпускниках института. Полагаем, что обратная связь поможет профессорско-преподавательскому составу оперативно вносить коррективы не только в методику занятий, но и критерии эффективности применяемых активных форм и методов обучения.

Преподавание в высшем образовательном учреждении – сложное и тонкое искусство, которое необходимо осваивать в неразрывном единстве с изучением научной специальности и накоплением методического опыта и педагогического мастерства. Современное образовательное учреждение должно объединять в «технологическую мастерскую» и проведение научных исследований теми преподавателями и методистами, кто хочет расти в профессии, оказывать помощь друг другу в подготовке методических разработок, участвовать в мастер-классах, накапливать опыт практико-ориентированного обучения специалистов для органов внутренних дел.

Г.Х. Шамсеева,
кандидат филологических наук
Г.Г. Шамсеева,
директор высшей категории татарской гимназии № 1 г.Казани

ЗАИМСТВОВАНИЯ В СТАНОВЛЕНИИ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ ПРАВА ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматривается роль арабо-персидских и западно-европейских заимствований в становлении терминосистемы права татарского языка. Приводится классификация по тематическим группам.

Ключевые слова: терминосистема права татарского языка; заимствования в татарском языке; арабо-персидские, русские заимствования.

Юридическая терминология является важным разделом терминосистемы любого языка, что обусловлено, в первую очередь, местом и ролью в жизни и деятельности человека самой юриспруденции.

Юридическая терминология в татарском языке к настоящему времени сформировалась и представляет собой уникальный материал для исследований, так как формирование юридической терминологии в татарском языке происходит в обстановке сложного взаимодействия местного словарного материала и заимствованного, нового и старого.

Объективные и субъективные факторы заимствования новых слов и терминов находят отражение в трудах татарских языковедов Ш.А.Рамазанова, Ф.С. Фасеева, Э.М. Ахунзянова, М.З. Закиева, Ф.А. Ганиева, Ф.С.Сафиуллиной, Р.А. Юсупова, М.Б. Хайруллина, Г.И. Одиноквой, М.М. Николаевой и других, а также русских и зарубежных лингвистов: Д.С. Лотте, Л.П. Крысина, К.М. Мусаева, Вюстера, О.Есперсена, Л.Арнольд и др.

В становлении терминосистемы права татарского языка большую роль призваны были сыграть арабо-персидские, русские и проникшие через русский язык интернациональные заимствования.

На начальном этапе развития терминосистемы юриспруденции татарского языка многие термины, обозначающие правовые понятия, являются арабо-персидскими заимствованиями. Это объясняется прежде всего экстралингвистическим фактором. Проникновение вместе с исламом во все области интеллектуальной жизни высокоразвитой арабской культуры и арабского языка, который стал не только религиозным языком, но и философским, научным языком татар, обусловило заимствование в литературном языке значительного количества арабских и персидских слов. «Из всех языков мусульманских народов международным языком по преимуществу сделался арабский; ... как греческий и латинский на Западе ...», – писал всемирно известный востоковед академик В. В. Бартольд [2].

В этот период практически невозможно говорить о едином устройстве правовой лексики, так как правовые представления, которым соответствовала лексика права, были неразрывны с религиозной сферой и сферой социальных связей. Местные обычаи предопределяли поведение людей. Все это находит отражение в словарях того периода. Например, *гайыб* (вина, проступок), *гаеп иснад иту* (предъявление обвинения), *гаделлек* (правосудие), *гөнагы* (грех, вина), *гумер* (жизнь, век), *зарар* (вред), *зарур мөдаффа* (необходимая оборона), *зыян* (вред, убыток), *канун*, *низам*, *шәригать* (закон), *мәхафзат* (хранение), *махкамә* (суд), *мөддәт* (срок), *мөддәтне сузу* (отсрочка), *мөкалләф булмаучылык*, *мөкалләфсезлек* (невменяемость), *мөһләд* (отсрочка), *пәнах* (защитник), *рәһен* (заклад, залог), *сахта* (подделка), *тәсаррыф кылу* (распоряжение) и многие другие [5].

Для юридической терминологии татарского языка этого периода характерно наличие полисемантических слов. Основную часть многозначной лексики составляли широкозначные правовые термины, входящие по типу значения в группу общеупотребительных слов-терминов права. Следует отметить, что большая часть этих заимствованных лексем к настоящему времени вышла из употребления, пополнив ряд историзмов, и претерпела значительные семантические изменения.

Поскольку в силу своей широкозначности многозначные термины права того периода не классифицировали понятий правовой сферы, то они не выполняли системообразующей роли и не могли являться показателем системной организации лексики права.

Тем не менее проанализированные нами арабо-персидские заимствования условно можно представить в виде следующих тематических групп:

1) заимствования, связанные со значением должностного лица или лица, совершающего противоправное или правоправное действие: **жѣнаятъче** (преступник), **казый** (судья), **шаһит** (свидетель), **жѣтакъче** (руководитель), **жѣвапчы** (ответчик), **дэгъвачы** (истец), **гаепләнүче** (обвиняемый), **хәйрияче** (благотворитель), **ришвәтче** (взяточник), **жәнжәлчы** (дебошир), **гайбәтче** (клеветник), **химаиче** (опекун) и другие;

2) заимствования, связанные с управлением страной: **дәүләт** (государство), **жәмәгать** (общество) и другие;

3) заимствования, связанные с отправлением правосудия: **хөкем** (правосудие), **жѣнаятъ** (преступление), **жәза** (наказание), **хокук** (право), **дәлил** (доказательство), **матдә** (статья) и другие;

4) заимствования, связанные с военной тематикой: **гаскәр** (войско), **солых** (армия), **һөҗүм** (нападение), **әсир** (пленный), **хәрби** (военный) и другие;

5) заимствования, связанные с финансовым правом: **милек** (собственность), **ришвәт** (взятка), **зарар** (вредительство), **мал** (имущество), **мөлкәт** (имущество), **файда** (польза, выгода), **кыйммәт** (стоимость) и другие;

6) заимствования, обозначающие абстрактные явления: **жәвап** (ответ), **мөнәсәбәт** (отношение), **иминлек** (безопасность) и другие.

Арабо-персидские заимствования образуют новые слова по имеющимся в языке словообразовательным моделям и подчиняются наиболее продуктивным способам словообразования татарского языка. Например, **жѣнаятъ** (преступление), **хокук** (право), **дәүләт** (государство) и ряд других приобрели довольно обширные словарные гнезда, образованные при помощи словообразовательных средств татарского языка: **жѣнаятъ** (преступление) – **жѣнаятъче** (преступник), **жѣнаяттәши** (соучастник преступления), **жѣнаяти** (преступный), **жѣнаятъчелек** (преступность), **жѣнаятъчел** (преступный), **жѣнаятъ кылу** (совершать преступление); **хокук** (право) – **хокукий** (правовой), **хокуксыз** (бесправный), **хокуксызлык** (бесправность); **дәүләт** (государство) – **дәүләти** (государственный), **дәүләтчелек** (государственность) и другие. Способность этих слов к словосложению является весьма различной – чем важнее понятия, выражаемые ими, тем чаще они входят в состав композитов.

Большой пласт вместе с заимствованиями арабо-персидского происхождения занимают и русские термины права. Процесс взаимовлияния и взаимообогащения татарского и русского языков имеет глубокие корни. Русские заимствования начали проникать в старотатарский язык еще до X века. Однако каких-либо документов, позволяющих судить о правовой лексике старотатарского языка того времени, не сохранилось. После присоединения Казанского ханства к Российскому государству в XVI в. и после Октябрьской революции 1917 г. количество русских заимствований в татарской терминологии законодательства резко увеличивается. Русские заимствования мощным потоком вливаются в старотатарский язык и задают тон деловому татарскому

литературному языку. Документы юридического быта почти все написаны на обиходном татарском языке с большой примесью русских слов и терминов.

Русская юридическая терминология оказала огромное влияние на развитие татарской юридической терминологии. Будучи установившейся целостной системой, она «послужила образцом, по которому во многом строилась татарская юридическая терминология» [4].

Если до начала XX века русские заимствования претерпевают значительные фонетические изменения (например, **вахмистыр** (вахмистр), **видумыстуа** (ведомство), **йәүни яман уй белән** (явно со злым умыслом), **купия** (копия), **ыштыраф** (штраф), **сут** (суд), **дапрус** (допрос), **задаткы** (задаток), **дапрус алучы** (допрашивающий), **налук** (налог), **дахут** (доход), **пригувыр** (приговор), **пүнәтәй** (понятый), **дунус** (донос), **банкрут** (банкрот), **заклат** (заклад) и другие), то после перехода на кириллицу в 1939 г., русские заимствования сохраняют свое фонетико-морфологическое своеобразие.

Заимствования русских юридических терминов принято подразделять на две группы: дооктябрьские заимствования (до Октябрьской революции 1917 г.) и послеоктябрьские заимствования (Одинокова Г.И., Николаева М.М.).

Как указывает в своем исследовании Э.М. Ахунзянов, в силу сложившихся социально-политических условий в царской России «...формы государственного управления и судопроизводства велись только на русском языке, поэтому татарам, вступившим в различного рода торговые, податные, земельные, уголовные тяжбы, естественно, приходилось усваивать новые слова для обозначения новых понятий в этой области. Кроме того, значительное количество таких терминов усваивалось в процессе перевода на татарский язык различного рода юридических документов», которых сохранилось значительное количество [1].

Послеоктябрьские заимствования в количественном отношении во много раз превосходят дооктябрьские. Условиями их проникновения в татарскую юридическую терминологию являются прямые языковые контакты двух народов, двуязычие, переводы правовых актов на татарский язык. Посредством русского языка в татарский литературный язык проникает большое количество интернациональной юридической терминологии, охватывающей различные области права, в основном греко-латинского происхождения. Например: **стратегия, тиран, политика** (греческие заимствования); **республика, диктатура, субъект, ревизия, дебет, кредит, аккредитив** (латинские заимствования); **баланс, карьера, патруль, резерв** (французские заимствования), **банкрот, вексель, ордер, парламент, полиция, штурм, шпион** (немецкие заимствования) и многие другие.

Заимствование русских и через русский язык западно-европейских терминов составляет значительную часть заимствований в татарском языке. Этот процесс носит контролируемый и регулируемый характер, считает Г.И. Одинокова [4]. Заимствования попадают в татарскую терминологию в случае многозначности, неточности, расплывчивости или описательного характера терминов татарского языка. Заимствованные термины бывают однозначны, так как заимствуются в терминологическом значении, точны и кратки.

Заимствование из других языков – один из самых активных источников пополнения терминосистемы права татарского языка, интенсивность которого может меняться. Источники заимствования юридической терминологии в татарском языке многочисленны в силу исторических причин [6]. В юридической терминологии татарского языка важную роль играют арабо-персидские, русские и западно-европейские заимствования. Проникновение этих заимствований в терминологию права татарского языка обусловлено культурным влиянием одного языка на другой, наличием устных и письменных контактов стран с разными языками; повышением интереса к изучению определенного языка, а также отсутствием в родном языке эквивалентного слова для нового понятия и тенденцией к использованию одного заимствованного слова вместо описательного оборота. Многие тер-

мины, использующиеся сейчас в татарской терминосистеме права и обозначающие фундаментальные понятия юриспруденции, являются заимствованными лексемами.

Составляя значительную часть татарской юридической терминологии, заимствования по-разному приживаются в новом для них языке, то сохраняя в большей или меньшей степени своеобразие звуковой, графической или грамматической формы языка-источника, то полностью подчиняясь новой системе; варьируются вплоть до полного изменения смысловой стороны и стилистической принадлежности.

Татарский язык, как, впрочем, и любой другой язык, не может полностью отказаться от заимствования иноязычных лексем. Вопрос стоит лишь в том, как использовать заимствованную лексику. Лишь грамотное и аккуратное, продуманное и умеренное введение и использование заимствованной юридической терминологии в татарский язык способно сделать ее более рациональной с точки зрения выражения.

Несмотря на то, что татарская юридическая терминология изобилует заимствованными лексемами, она в целом не пострадала от большого притока иноязычных элементов. Наоборот, ее словарный состав, несомненно, обогатился. Это стало возможным благодаря тому, что они усвоили иноязычные элементы, впитав в себя всё ценное и нужное, отбросив в ходе дальнейшего развития всё случайное, наносное.

Литература

1. Ахунзянов Э.М. Русские заимствования в татарском языке. – Казань: изд-во Казанского университета, 1968. – С. 102.
2. Бартольд В.В. Работы по истории ислама и арабского халифата //Сочинения: В 9 т. – М.: Наука, 1966. – Т. 6. – С.251.
3. Николаева М.М. Формирование и развитие терминологии уголовного права в татарском языке: дис.... канд. филол. наук. – Казань, 2005. – С.163.
4. Одинокова Г.И. Формирование юридической терминологии в современном татарском литературном языке: дис. канд. ...филол. наук. – Казань, 1994. – С. 173.
5. Остроумов Н. Татарско-русский словарь. – Казань: Изд-во Казанского университета, 1989. – С. 187.
6. Шамсеева Г.Х. Юридическая терминология в английском и татарском языках: автореферат дис....канд. филол.н. – Казань: Логос, 2009. – С. 22.

УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ

В статье рассматриваются основные условия, способствующие развитию добровольческого движения на базе высших учебных заведений и влияние этой деятельности на социальное воспитание студентов.

Ключевые слова: добровольческие движения, социальное воспитание, волонтерская деятельность, волонтеры.

В настоящее время добровольчество, цель которого состоит в улучшении жизни человечества, является важным ресурсом в деле построения гражданского общества и развивается во многих странах мира. Добровольцы, с точки зрения Федерального закона РФ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях», «...граждане, осуществляющие благотворительную деятельность в форме безвозмездного труда в интересах благополучателя, в том числе в интересах благотворительной организации». Проанализировав данное определение, можно сказать, что добровольцем является человек с активной жизненной позицией, работающий на достижение положительного результата, а не только того, который направлен на материальную выгоду. Занимаясь добровольчеством, люди получают определенные навыки и опыт, которые, возможно, пригодятся им в осуществлении профессиональной деятельности. Организованное добровольчество осуществляется в государственных, муниципальных учреждениях, в коммерческих компаниях, на базе программ, занимающихся благотворительной деятельностью, а также в некоммерческих организациях (НКО). В республике насчитывается более 30 благотворительных организаций и фондов, около 20 крупных добровольческих организаций, значительным потенциалом в оказании помощи обладает молодежь. Так, по данным Республиканского центра молодежных инновационных и профилактических программ, на конец 2011 года, на базе крупных вузов городов республики насчитывалось всего около 30 добровольческих объединений, из них 13 приходилось на г. Казань. Интересен тот факт, что эти 13 объединений делят между собой 10 вузов. В столице республики более трех десятков вузов и только в каждом третьем имеется добровольческое объединение. Возникает вопрос: достаточно ли времени уделяется руководством и профессорско-преподавательским составом вуза для создания условий обретения студентом личностных смыслов, ценностей и целей своего развития. Ведь в задачи вуза входит не только выполнение требований Государственного образовательного стандарта, но и развитие у студентов способности к жизненному самоопределению, к осуществлению выбора своей позиции в неоднозначном в ценностном отношении мире. Это усиливает роль и место воспитательной внеучебной работы с молодежью, ориентированной на их личностное, социальное и профессиональное развитие.

Современная практика социального воспитания молодежи испытывает дефицит привлекательных, социально-значимых предложений и форм организации воспитательной работы.

В качестве одного из современных и адекватных потребностям молодежи ресурса социального воспитания, позволяющего стимулировать инициативность, активность личностной позиции, может выступать волонтерская деятельность.

Однако для того чтобы потенциал волонтерской деятельности стал ресурсом социального воспитания студентов, его необходимо активизировать, то есть перевести в более высокое качественное состояние, что вызывает необходимость выявления педагогических условий организации волонтерской деятельности в вузе как ресурса социального воспитания молодежи, которые в полной мере задействует выявленный потенциал волонтерства.

Первое педагогическое условие связано с тем, что содержание волонтерской деятельности активизирует задействованные в ней личностные ресурсы студентов.

Во-первых, создание так называемого «Клуба добровольцев», в котором происходит знакомство и обсуждение целей и задач повышает мотивацию к добровольческой деятельности. Во-

вторых, участие в социальных акциях различной направленности: благотворительных, творческих, информационно-просветительских, организационных, обучающих, экологических позволит студентам делать выбор направления волонтерской деятельности. Это позволяет проявлять им инициативу и самостоятельность в делах, нести ответственность за качество осуществляемой социально значимой деятельности, почувствовать положительные эмоции от сопричастности к общественной жизни.

Второе педагогическое условие связано с актуализацией потенциала волонтерства в учебной и внеучебной деятельности, посредством углубления содержания профессионального образования: ознакомление со специальной литературой, вводные тренинги и мастер-классы, исследовательская работа студентов; организации и проведении социальных акций в институте и университете; шефством студентов над социально-педагогическими учреждениями.

Таким образом, интеграция образовательного процесса и волонтерской деятельности позволяет сформировать у студентов систему теоретических, методических и технологических знаний, позволяющих им выступать организаторами волонтерской деятельности детей, подростков и собственно студентов.

Не менее важным является и третье педагогическое условие, которое заключается в организации волонтерской деятельности на основе технологий социального проектирования. Социальное проектирование, прежде всего, направлено на стимулирование самостоятельности студентов в разработке стратегии волонтерства, выборе оптимальных способов решения социальных и профессиональных задач, анализе и систематизации имеющейся и получаемой информации.

Комплексное использование этих условий позволит расширить пространство воспитательной деятельности со студенческой молодежью за счет активизации потенциала волонтерства как ресурса развития общества, способствующего формированию и распространению инновационной практики социальной деятельности.

Ведь в любом вузе, на любом факультете всегда есть деятельные студенты с активной жизненной позицией. Общими силами возможно организовать добровольческое общественное движение или инициативную группу, целью которой будет являться становление активной жизненной позиции у молодых людей, получение знаний в области добровольческой деятельности, а также формирование навыков организации добровольческих движений для оказания необходимой помощи. Однако необходимо отметить, что успех такой организации будет напрямую зависеть от ряда методов и условий, стимулирующих добровольческую деятельность. Например:

- постановка четкой идеи организации, которая отражает важность данной деятельности;
- постоянная разработка и создание новых программ, чтобы работа добровольцем была связана с нестандартными подходами и новыми возможностями;
- увеличение объема оказываемых услуг (каждый доброволец может выбрать себе подходящий вид деятельности);
- информационная поддержка благотворительной деятельности;
- организация различных сборов, лагерей;
- стажировки для обмена опытом.

Необходимо и дальше популяризировать добровольчество среди молодежи, создавая почву для этого в высших профессиональных учебных заведениях.

Добровольческая деятельность дает возможность совместного взаимодействия, помогает приобрести полезные навыки, необходимые для профессионального становления, испытать себя в деле, найти свою дорогу в жизни и лучше понять свои интересы и потребности. Добровольчество - это фундамент развитого, гражданского общества, залог нашего будущего. Ведь как сказал Брайан О'Коннел : «Добровольчество создаёт национальный характер, с его помощью общины и страны живут в духе сострадания, дружбы и доверия».

ОРГАНЫ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ УКРАИНЫ КАК СУБЪЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ МОЛОДЕЖНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Молодежная преступность при значительных масштабах распространения требует решительных, энергичных и целенаправленных мер по ее предупреждению. Следует постоянно совершенствовать формы и методы работы органов внутренних дел, обеспечивать должным образом их приоритетное кадровое пополнение и материально-техническое снабжение. Управление процессом деятельности органов внутренних дел по предотвращению молодежной преступности включает в себя криминологическое прогнозирование количественно-качественных показателей молодежной преступности, криминологическое программирование противодействия молодежной преступности, координацию деятельности субъектов противодействия молодежной преступности во времени и пространстве.

Ключевые слова: молодежная преступность, криминологическое прогнозирование, противодействие преступности

Изменения в политической, экономической, социальной и духовной жизни нашего общества обусловили необходимость всеобщей реформы правовой системы Украины, главной целью которой является укрепление основ гуманизма, социальной справедливости. Прогрессивное развитие общества невозможно без надежного обеспечения охраны прав и свобод членов такого общества на всех уровнях и во всех сферах жизнедеятельности и особенно такой её части, как молодежь. В Украине проживает около 11 млн молодых граждан, составляющих около 5-ой части населения. Государство и общество обязаны предпринимать максимальные усилия для обеспечения лицам молодёжного возраста достойных условий жизни, содействовать их полноценному психическому, физическому развитию и моральному благополучию. Именно при таких условиях государство и общество могут рассчитывать на будущее.

В последнее время, особенно после провозглашения независимости Украины, ученые и практики в области уголовного права наблюдают тенденцию роста преступности и ее «омоложение». Молодежная преступность отличается интенсивностью роста, негативными структурными изменениями, относится к наиболее масштабным и опасным криминальным феноменам. Молодые преступники чаще всего формируют организованные преступные группы и совершают тяжкие и опасные преступления. Настораживает рост молодежной преступности возрастных категорий 14-18 лет, которыми в течение 2011 г. совершено 8669 преступлений (2457 – в возрасте от 14 до 16 лет; 6212 – от 16 до 18 лет). По сравнению с 2010 г. увеличилось количество преступлений (на 8,7%), совершенных в группе, особенно в Киевской, Николаевской, Херсонской и Черкасской областях. Наблюдаются случаи участия несовершеннолетних в составе организованных групп (13) и преступных организаций (3) [1]. По состоянию на 01.01.2012 г., в соответствии со статистическими данными Государственной судебной администрации Украины, наибольшую численность составляли преступления против собственности (ст.ст. 185-198 УК Украины), особенно среди молодежи 14-18 лет, а именно 7019 (2225 – в возрасте от 14 до 16 лет; 4794 – от 16 до 18 лет). Среди них: кража (ст. 185 УК Украины) – 5695 (1927 – от 14 до 16 лет; 3768 – от 16 до 18 лет); грабеж (ст. 186 УК Украины) – 1026 (236 – от 14 до 16 лет; 781 – от 16 до 18 лет); разбой – 263 (51 – от 14 до 16 лет; 212 – от 16 до 18 лет). Остается высоким показатель совершения тяжких и особенно тяжких преступлений. Наибольшее количество преступлений против жизни и здоровья совершается возрастной категорией от 18 до 29 лет (58% от общей массы совершенных преступлений данного вида), однако такие преступления не исключение и для несовершеннолетних (14-16; 16-18 лет). Так, несовершеннолетними совершено преступлений против жизни и здоровья (ст. 115-145 УК Украины) – 271 (58 – от 14 до 16 лет; 213 – от 16 до 18 лет). Из

них, 23 умышленных убийства, нанесено 207 тяжких либо средней тяжести телесных повреждений, 35 случаев изнасилований [2]. Также наблюдается тенденция увеличения преступности среди лиц от 10 до 14 лет. В основном это преступления, направленные на завладение чужим имуществом, хотя встречаются и случаи группового хулиганства, нанесения легких и средней тяжести телесных повреждений и др. Характерно, что преступления против жизни и здоровья, совершаемые лицами молодежного возраста, отличаются повышенной агрессией, жестокостью и цинизмом.

Криминологическая теория предупреждения преступности определяется сегодня как учение о «совокупности разнообразных видов деятельности и мер в государстве, направленных на усовершенствование общественных отношений с целью устранения негативных явлений и процессов, порождающих преступность либо способствующих ей, а также недопущения совершения преступлений на разных стадиях преступного поведения» [3].

Как отражение различных подходов, понятийный аппарат криминологии отличается исключительным многообразием. Стратегия воздействия на преступность предлагается в терминах «борьба с преступностью», «комплексное воздействие на преступность», «предупреждение преступности», «деятельность по предупреждению преступности», «социально-правовой контроль над преступностью», «правоохранительная деятельность». Различное содержание вкладывается и в определение понятий «предупреждение», «профилактика», «пресечение» и «упреждение», поскольку авторы разделяют данные понятия в зависимости от видов, направлений, этапов и уровней превентивной деятельности. Многозначность понятийного аппарата не случайно является причиной частых дискуссий в сфере криминологических знаний, относящихся к предупреждению преступности. На практике, как отмечает В.В. Голина, теоретические понятия «материализуются в соответствующей деятельности, позволяют очертить их внешние рамки, конкретизировать характер, сферу приложения, компетенцию субъектов деятельности, ресурсное обеспечение и т.п.» [4]. В этой связи часть криминологов отдает приоритет термину «предупреждение преступности» как родовому и более емкому понятию. Другая часть ученых не видит смысла в разделении указанных понятий и предлагает использовать их как синонимы, считая терминологическую дискуссию нецелесообразной и надуманной, лишенной теоретического и практического смысла [5].

Существуют различные причины и условия совершения преступления молодым преступником: возникновение реального социального неравенства и внутренних противоречий в связи с рыночными реформами, усиленное влияние на сознание образами и сюжетами преступности через СМИ, с учетом социальной и психологической нестойкости, восприимчивости к различным формам наследования, общего ухудшения социально-экономической ситуации и политической нестабильности в Украине и др. Поэтому в центре внимания криминологов, как отечественных, так и зарубежных, постоянно находятся проблемы противодействия молодежной преступности. Отображение этих проблем можно найти в работах таких ученых, как М.М. Бабаев, В.В. Голина, Б.Н. Головкин, И.Н. Даньшин, А.Н. Джужа, А.И. Долгова, В.Н. Дремин, А.П. Закалюк, А.Ф. Зелинский, А.Г. Кальман, И.И. Карпец, А.Н. Костенко, М.С. Крутер, В.Н. Кудрявцев, Н.Ф. Кузнецова, А.Г. Лекарь, В.А. Лелеков, В.В. Лунеев, Г.М. Миньковский, А.Б. Сахаров, С.Л. Сибиряков, И.К. Туркевич, В.И. Шакун и других [6]. Вообще, противодействие молодежной преступности – это многоэтапный процесс, который состоит из стратегического и оперативно-тактического планирования, научного прогнозирования, ресурсного обеспечения и координации деятельности соответствующих субъектов, которые в силу своих полномочий, социального статуса, гражданской обязанности во взаимосвязи и согласованности исполняют эту работу во времени и пространстве. Криминологическое прогнозирование молодежной преступности, криминологическое программирование противодействия молодежной преступности, координация деятельности субъектов противодействия молодежной преступности во времени и пространстве – это три базовых этапа в организации и управлении процессом противодействия молодежной преступности.

Криминологическое прогнозирование состоит из обработки и анализа криминологической информации с целью получения знаний о будущем состоянии молодежной преступности, отдельных ее видов и групп или совершение преступления отдельными молодыми людьми и состоит из следующих вопросов: какие категории лиц могут стать на преступный путь; какое существует соотношение между самыми близкими и отдаленными заданиями противодействия преступности и какие мероприятия наиболее пригодны для их достижения; какие именно факторы, позитивные или негативные, влияют на молодежную преступность и с какой силой; какая существует вероятность изменений в видах и категориях молодежной преступности; как будут выглядеть с заданной вероятностью на соответствующий срок определенные показатели молодежной преступности. После ответов на эти вопросы составляется факторно-криминологическая матрица. Для анализа состояния молодежной преступности, ее групп и отдельных видов, в процессе криминологического прогнозирования, используются три базовых метода: метод моделирования, метод экстраполяции и метод экспертных оценок.

Центральные и местные органы власти при участии правоохранительных органов, в том числе органов внутренних дел, которые исполняют правоохранительные и правоприменительные функции, разрабатывают программу противодействия молодежной преступности. Программа противодействия молодежной преступности - это отдельный документ (или его часть), определяющий систему противодействия молодежной преступности путем определения задач, способов, этапов механизма реализации соответствующих мероприятий, а также контроля и прогноза результатов по исполнению программы. Программа включает в себя: концепцию противодействия, организационно-правовое обеспечение, кадровое обеспечение, систему противодействия отдельным видам преступлений и фоновым явлениям, участие негосударственных объединений в противодействии молодежной преступности, финансирование программы, сроки и контроль за реализацией программы.

Концепция противодействия состоит из совокупности приоритетов, которые могут базироваться на четырех основополагающих моделях профилактики преступлений молодежи: репрессивно-превенционной, превенционно-надзорной, социально-педагогической и пропагандистско-идеологической, которые сложились в мировой и национальной практике правоохранительных органов.

Организационно-правовое обеспечение - это совокупность ссылок на нормативные правовые акты (законы, указы Президента, постановления Кабинета министров, типовые положения и др.), которые могут касаться отраслей конституционного, уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного, гражданского, семейного, трудового административного и др., обеспечивающие практическое внедрение приоритетов репрессивно-превенционной, превенционно-надзорной, социально-педагогической и пропагандистско-идеологической профилактики молодежной преступности.

Кадровое обеспечение - это структурный блок программы, который содержит перечень государственных органов (учреждений), негосударственных организаций. Общесоциальные, специально-криминологические и индивидуальные превенции обязаны выполнять государственные органы и общественные организации, взаимодействуя с органами внутренних дел.

В систему противодействия отдельным видам преступлений и фоновым явлениям входит

ранняя профилактика, которая направлена на предотвращение и устранение существенных нарушений нормальных условий жизни и воспитания молодежи, нормализацию условий оздоровления среды жизни и воспитания конкретных лиц или определенных подгрупп молодежи, целенаправленную коррекцию в развитии личности на начальном этапе;

непосредственная профилактика, направленная на оказание социальной помощи нормализацию условий жизни и воспитание молодежи, защиту в разных формах, поддержке;

профилактика на момент предпреступного поведения, которое включает в себя осуществление мер общественного воздействия, применение гражданско-правовых мер, постановку на учет в соответствующих органах и учреждениях после совершения преступления и отбывания определенного наказания, устройство в спортивно-трудовые лагеря, клубы и секции и др.;

предотвращение рецидива, к которому можно отнести деятельность по выявлению причин и условий, способствующих совершению преступлений, трудовое и бытовое устройство, и др.

Противодействие молодежной преступности, в большей степени, реализуется через органы внутренних дел в следующих направлениях:

1. Распространение и изучение перспективных форм позитивного опыта, что приводит к правильному пониманию сущности профилактической деятельности.
2. Проведение с молодыми людьми, которые были поставлены на профилактический учет и систематически нарушали общественный порядок, индивидуальной профилактической работы.
3. Содействие укреплению в обществе атмосферы стабильности, слаженности и нетерпимости к противоправному поведению молодежи.
4. Выявление неблагополучных семей с асоциальным поведением и привлечение общественности к профилактической деятельности в сфере преодоления криминогенных условий в отношении несовершеннолетних, ученической и студенческой молодежи.
5. Создание необходимых организационных предпосылок для существования действенной взаимосвязи между общей организацией борьбы с молодежной преступностью и правоохранительной деятельностью.
6. Современная социально-экономическая, политическая, духовно-идеологическая ситуация в Украине актуализирует проблемы взаимодействия органов внутренних дел со СМИ в формировании правосознания молодежи. Совершенствование всей системы отношений в обществе невозможно без ориентации молодежи на социально-полезное поведение, повышения эффективности системы предупреждения преступного поведения.

Негосударственные объединения и организации могут осуществлять культурно-воспитательные, социальные и психологические меры по предотвращению молодежной преступности:

формировать доверие к правоохранительным органам,
информировать о способах снижения криминальной виктимности,
демонстрировать положительные результаты противодействия преступности,
защищать представителей молодежи из числа малообеспеченных слоев населения, сирот, безработных, бездомных и т.д.

Финансирование программы содержит указание относительно источников финансирования субъектов предупредительной деятельности и является структурным блоком программы.

Сроки реализации программы противодействия молодежной преступности подразделяются на оперативные (срок действия до 1 месяца), краткосрочные (до 1 года), среднесрочные (до 5 лет), долгосрочные (до 15 лет), долгодействующие (свыше 15 лет).

Структурный блок программы, содержащий перечень центральных органов власти и управления, на которые возложены, согласно действующему законодательству, оценка текущих и заключительных результатов реализации программы противодействия молодежной преступности - это контроль за реализацией всей программы.

Таким образом, молодежная преступность при значительных масштабах распространения требует решительных, энергичных и целенаправленных мер по ее предупреждению. Для этого следует постоянно совершенствовать формы и методы работы органов внутренних

дел, обеспечивать должным образом их приоритетное кадровое пополнение и материально-техническое снабжение. Задача состоит прежде всего в снижении уровня преступности молодежи, недопущении разлагающего влияния молодых преступников на своих сверстников и пополнения ими рядов взрослых преступников-рецидивистов. В решении этой и других задач важная роль принадлежит мерам общей и индивидуальной профилактики, применяемым органами внутренних дел в целях устранения причин и условий, способствующих преступлениям молодежи.

Эффективность такой деятельности в значительной степени зависит от того, насколько данные меры базируются на положениях, разработанных криминологией, уголовным правом, уголовно-исполнительным правом, психологией, педагогикой (например, программой противодействия молодежной преступности).

Литература:

1. Офіційні статистичні данні МВС України // Офіційний сайт Міністерства внутрішніх справ України [Електронний ресурс]. – Режим доступу ресурсу: <http://www.mvs.gov.ua/mvs/control/main/uk/publish/article/48496>.
2. Статистичні дані Державної судової адміністрації України.
3. Криминологія: Загальна та Особлива частини / за ред. проф. І.М. Даньшина. – Х., 2003.- С. 94.
4. Голина В.В. Попередження злочинності: конспект лекції.- Х., 1994.- С. 4; Зелінський А.Ф. Криминологія: навч. посібник.- Х., 2000. -С. 130; Алексеев А.И. Криминология: курс лекций.- М., 2004.
5. Криминологія: Підручник / за заг. ред. О.М. Джужи: У 2 кн.- К., 2002.- С. 107; Филонов В.П. Состояние, причины преступности в Украине и ее предупреждение: Монография. - Донецк, 1999. - С. 272–275.
6. Теоретические основы предупреждения преступности / отв. ред. В.К. Звирбуль, В.В. Клочков, Г.М. Миньковский. - М., 1977; Лекарь А.Г. Профилактика преступлений. - М., 1972; Голина В.В. Специально-криминологическое предупреждение преступлений (теория и практика): дис. ... д-ра юрид. наук. - Х., 1994; Туркевич І.К. Злочинність: навч. посіб. - К., 1999. - 47 с.; Крутер М.С. Методологические и прикладные проблемы изучения и предупреждения преступности молодежи: автореф. дис. ... д.ю.н.: 12.00.08 / ВНИИ МВД России. – М., 2002. – 54 с.; Лелеков В.А. Молодежная преступность: Проблемы и опыт регионального исследования: монография. – Воронеж: ВВШ МВД РФ, 1998. – 119 с.; Сибиряков С.Л. Предупреждение девиантного поведения молодежи: (методологические и прикладные проблемы). – Волгоград: Волгогр. юрид. ин-т., 1998. – 154 с. и др.

О ПРОБЛЕМАХ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ НЕКОТОРЫХ ПРИНЦИПОВ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ И УКРАИНЫ

С использованием сравнительно-правового метода анализируются возможности реализации в уголовном законодательстве Российской Федерации и Украины установленного международным правом принципа охраны личности дипломатических агентов. Формулируются предложения об усовершенствовании уголовно-правовых средств охраны жизни и достоинства указанных лиц.

Ключевые слова: национальное уголовное право, посягательство на жизнь, дипломатические агенты, международные отношения.

Базовым нормативным актом материального уголовного права, определяющим основы национальной политики в сфере борьбы с преступностью, в Российской Федерации и в Украине является Уголовный кодекс. Именно он определяет основания и принципы уголовной ответственности, устанавливает объекты уголовно-правовой охраны, регламентирует средства ее реализации на внутригосударственном уровне. При этом российское и украинское право принадлежат к постсоциалистической правовой семье, тяготея в развитии к сближению с романо-германской правовой системой [1]. Уголовные законы этих стран создавались и принимались на основе совместных («общесоюзных») традиций правотворчества и базируются на довольно похожих доктринальных идеях. Поэтому вполне объяснимо наличие в них многих сходных по содержанию и юридико-технической форме подходов к решению вопросов уголовно-правовой охраны (определения преступности конкретных общественно опасных деяний, установления характера их наказуемости и пр.). В этой связи сравнительные исследования, объектами которых являются правовые нормы и институты уголовного права Российской Федерации и Украины, представляют безусловный теоретический и практический интерес для специалистов обоих государств, ведь их результаты могут быть использованы для обмена позитивным опытом в интересах дальнейшего усовершенствования национального уголовного законодательства.

Как российское, так и украинское уголовное законодательство базируется на двух источниках – Конституции государства и общепризнанных принципах и нормах международного права. Эти положения закреплены в ч. 1 ст. 1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК России) [2] и в ч. 1 ст. 3 Уголовного кодекса Украины (далее – УК Украины) [3]. Они требуют обеспечения уголовно-правовой охраны не только социальных благ, закрепленных основными законами государств (это личность, собственность, права и свободы человека и гражданина, общественный порядок, общественная, экологическая безопасность, экономическая система и пр.), но и ценностей наднациональных (таких как мир, безопасность человечества, международный правопорядок). В составе последних могут быть выделены некоторые принципы и институты, признаваемые в международном праве наиболее значимыми, подлежащими усиленной правовой защите. Одним из них является личная неприкосновенность дипломатических агентов. Деятельность этих лиц обеспечивает реализацию в межгосударственных отношениях многих общепризнанных принципов международного права (принципа сотрудничества, мирного разрешения споров, добросовестного выполнения обязательств по международному праву). Это подтверждает обращение к перечисленным в ст. 3 Венской конвенции о дипломатических сношениях от 18 апреля 1961 г. (далее – Венская конвенция) функциям дипломатического представительства (среди которых – представительство аккредитующего государства в государстве пребывания; защита в государстве пребывания интересов аккредитующего государства и его граждан в пределах, допускаемых

международным правом; ведение переговоров с правительством государства пребывания и ряд других) [4]. Поэтому посягательства на представителей дипломатического персонала в современном праве квалифицируются как преступления международного характера.

Формально основания охраны международно-правового принципа личной неприкосновенности дипломатических агентов в законодательстве Российской Федерации и Украины можно связывать с признанием этими государствами приоритета международного права (соответствующие обязательства отражены в их конституционных актах), с уважением принципа соблюдения международных договоров. Однако необходимость усиленной защиты неприкосновенности личности дипломатических агентов обусловлена и другими социально-политическими факторами – значением их деятельности в осуществлении репрезентативной политики аккредитующего государства, их ролью в защите прав его граждан за рубежом. Особую актуальность эти обстоятельства приобрели в условиях глобализации, когда все большее количество вопросов, касающихся обеспечения прав, свобод и законных интересов личности, обеспечения интересов государства и общества зависят от международных отношений. В новом веке значительно повысилась миграционная активность населения [5]. Российские (как и украинские) граждане все чаще выезжают за рубеж (для отдыха, лечения, получения образования, туризма, трудоустройства). В этой связи возрастает их заинтересованность в надежной защите своих прав и интересов за пределами государства, в помощи со стороны его официальных представителей. Наконец, следует учитывать, что именно сотрудники зарубежных органов внешних сношений государства (дипломатические, консульские работники) нередко становятся целью посягательств, направленных на нарушение либо обострение международных отношений. Подобных прецедентов достаточно и в истории (например, разгром в 1829 г. русского посольства в Персии и убийство нескольких десятков его служащих, в т.ч. посла А. С. Грибоедова), и в современных международно-политических реалиях (нападение на консульство США в Ливии осенью 2012 г., повлекшее гибель американских дипломатов).

Особый правовой статус дипломатического персонала, признание его привилегий и иммунитетов является одним из наиболее давно устоявшихся принципов в практике международных отношений (так, о неприкосновенности посла речь шла еще в Законах Ману [6]). Подробную регламентацию он получил в международно-правовых актах и внутреннем законодательстве многих стран в XIX-XX веке. Предпринимались и попытки обеспечения его уголовно-правовой охраны, в том числе и путем введения уголовной ответственности за нарушение неприкосновенности дипломатических агентов, посягательства на их личность. В этой связи заслуживает внимания разработанный во второй половине 1770-х гг. в проекте Уголовного уложения Екатерины II институт уголовной ответственности за нарушение «права всенародного», в том числе и за «нарушение посольского преимущества». Личность посла и его свиты рассматривались в этом случае как особый объект, посягательства на который квалифицировались по специальным уголовно-правовым нормам [7]. Однако реально в отечественном законодательстве специальные нормы, устанавливающие уголовную ответственность за посягательства против лиц, обладающих международной защитой (в число которых входят и дипломатические представители), появились сравнительно недавно – лишь в 60-х годах XX века, когда в УК РСФСР 1960 г. и УК УССР 1960 г. была предусмотрена ответственность за убийство либо причинение тяжкого вреда здоровью представителя иностранного государства с целью провокации войны или международных осложнений.

Источниками уголовно-правовых предписаний, направленных на защиту неприкосновенности личности дипломатических агентов в современном уголовном праве являются универсальные международные акты – кроме уже упомянутой выше Венской конвенции среди них необходимо прежде всего отметить Конвенцию о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов, от 14 декабря 1973 г. (далее – Нью-Йоркская конвенция) [8]. В связи с этим в современной юридической литературе преступления против лиц, пользующихся дипломатической

защитой, специалисты относят к компетенции международного уголовного права [9]. Однако это не свидетельствует о «выпадении» этих посягательств из сферы национальной уголовно-правовой юрисдикции России либо Украины, что связано со спецификой их внутреннего уголовного права, в частности, необходимостью строгого соблюдения при его применении требований четкости и формальной определенности запретов. Поэтому в уголовном праве этих государств настолько значительна роль уголовного закона как источника права. Так, в Украине «уголовно-правовой законоцентризм» закреплен в Конституции (согласно п. 22 ч. 1 ст. 92 ответственность за деяния, являющиеся преступлениями, определяется исключительно законами Украины) [10], и в УК (в соответствии с его ч. 1, 3 ст. 3 законодательство Украины об уголовной ответственности составляет только этот кодекс, и лишь он определяет преступность, наказуемость деяния и иные его уголовно-правовые последствия). В российском уголовном праве также достаточно авторитетно обоснована позиция, согласно которой «квалификация уголовно наказуемых деяний непосредственно по международным нормам исключается..., невозможно и назначение наказания за такие преступления» [11]. Таким образом, в пределах уголовно-правовой юрисдикции Российской Федерации и Украины вопросы квалификации нарушения принципа личной неприкосновенности дипломатических агентов, применения наказаний за такие преступления не могут решаться непосредственно на основании норм международного права. Для этого необходима национально-правовая имплементация соответствующих его положений [12].

Задачи данного исследования (осуществление сравнительного анализа норм уголовного законодательства России и Украины об охране неприкосновенности и личности дипломатических агентов, а также оценка соответствия этих предписаний актам, которыми данный принцип регламентирован в международном праве) требуют включить в его предмет соответствующие положения международного права и уголовного права указанных государств. Статья 29 Венской конвенции, провозглашая неприкосновенность личности дипломатического агента, обязывает государство пребывания «относиться к нему с должным уважением и принимать все надлежащие меры для предупреждения каких-либо посягательств на его личность, свободу или достоинство». Нью-Йоркская конвенция требует от ратифицировавших ее государств осуществления криминализации таких умышленных деяний, как убийство, похищение, иное нападение против личности или свободы лица, пользующегося международной защитой, насильственное нападение на официальное помещение, жилое помещение либо транспортные средства лица, пользующегося международной защитой, угрожающее личности или свободе последнего. Криминализации подлежат и угроза любого нападения (п. а, b ст. 2 Нью-Йоркской Конвенции). Оговаривается и необходимость установления уголовной ответственности за попытку такого нападения и соучастие в нем.

В уголовных законах России и Украины по содержанию родового объекта посягательства, направленные на причинение вреда дипломатическим агентам, отнесены к группе преступлений против мира и безопасности человечества. В этом позиции законодателей обеих стран совпали. Однако по объему и глубине имплементации положений указанных выше международных договоров уголовно-правовые нормы двух государств значительно отличаются. Так, в УК России (в ст. 360) предусмотрена ответственность за нападение на представителя иностранного государства или сотрудника международной организации, пользующегося международной защитой, а равно на служебные или жилые помещения либо транспортные средства лиц, пользующихся международной защитой; усиливает уголовную ответственность за совершение указанного деяния в целях провокации войны или осложнения международных отношений [2]. В число потерпевших от этого преступления входят и представители персонала дипломатических представительств (дипломатические агенты, дипломатические курьеры и пр.) [13]. В Особенную часть украинского уголовного закона также были имплементированы положения международного права, касающиеся охраны личности дипломатических агентов. При этом составы преступлений, направленных против лиц, пользующихся международной защитой, дифференцированы в нем с учетом непосредственного объекта посяга-

тельства. В ст. 443 УК Украины установлена ответственность за посягательство на жизнь (убийство или покушение на убийство) представителя иностранного государства либо лица, имеющего международную защиту, с целью воздействия на характер их деятельности либо на деятельность государств или организаций, которые они представляют, либо с целью провокации войны или международных осложнений, а в ст. 444 УК Украины – за преступления против лиц и учреждений, имеющих международную защиту (нападение на служебные или жилые помещения лиц, имеющих международную защиту, похищение или лишение свободы этих лиц с целью воздействия на характер их деятельности или на деятельность государств либо организаций, которые они представляют, либо с целью провокации войны или международных осложнений, а также угрозу совершения указанных действий).

Сравнение позволяет увидеть, что в российское уголовное законодательство были имплементированы не все имеющиеся в международных актах положения об охране дипломатического персонала, поскольку в качестве самостоятельного преступления посягательство на жизнь дипломатических агентов в УК России не выделяется. Использованный в диспозиции ст. 360 этого закона синтетический термин «нападение», хотя и охватывает причинение вреда физической неприкосновенности потерпевшего, нарушение анатомической целостности его организма, в то же время не свидетельствует об установлении особой уголовно-правовой охраны такого объекта, как жизнь дипломатического агента. Поэтому по российскому законодательству (в отличие от украинского) нападение на дипломатических агентов, повлекшее причинение смерти либо тяжкого вреда здоровью этого потерпевшего, требует дополнительной квалификации [13]. В то же время в современном международном уголовном праве посягательство на жизнь представителя иностранного государства признается одной из наиболее распространенных форм выражения преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, и при этом рассматривается специалистами как самостоятельная по отношению к нападению на указанных лиц форма посягательств подобного рода [14]. Представляется, что указанные обстоятельства могут послужить достаточно убедительными аргументами при обосновании установления в уголовном праве Российской Федерации специальной нормы об уголовной ответственности за посягательство на жизнь лица, имеющего международную защиту. Это позволит, в частности, более полно реализовать международные обязательства государства, касающиеся охраны на своей территории личности дипломатических представителей.

Далее следует обратить внимание, что указанные выше международные Конвенции среди объектов, определяющих неприкосновенность личности дипломатических агентов, называют и достоинство этих представителей государства (ст. 29 Венской конвенции, ч. 3 ст. 2 Нью-Йоркской конвенции). Однако сегодня ни российское, ни украинское уголовное законодательство не позволяют обеспечить его охрану. Разработчики УК Украины вообще отказались от идеи уголовно-правовой защиты достоинства личности как основного непосредственного объекта. Поэтому сегодня этот закон не содержит ни одной нормы об ответственности за посягательство на него, в том числе не называет и оснований уголовной ответственности за оскорбление дипломатического агента в связи с его статусом или профессиональной деятельностью. В праве Российской Федерации складывается несколько иная ситуация. Уголовный закон государства содержит несколько норм об ответственности за оскорбление, т.е. унижение чести и достоинства лица в неприличной форме (ст. 130 УК России), а также за оскорбление ряда потерпевших в связи с их профессиональной деятельностью либо служебным статусом – участников судебного разбирательства, судьи, присяжного заседателя, иного лица, участвующего в отправлении правосудия, представителя власти, военнослужащего (ст. 297, 319, 336 УК России). В связи с этим представляется, что в российском уголовном праве существуют достаточные системно-правовые предпосылки (в том числе и международно-правовая обусловленность) введения уголовной ответственности за публичное оскорбление лиц, пользующихся международной защитой, при исполнении ими своих должностных обязанностей или в связи с их исполнением.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что в законодательстве России и Украины имеется ряд правовых оснований для обеспечения уголовно-правовой охраны личности

дипломатических агентов как одного из принципов современного международного права. В то же время уголовные законы наших государств пока еще не в полной мере учитывают требования универсальных международно-правовых документов, регламентирующих данный принцип, – Венской конвенции о дипломатических сношениях от 18 апреля 1961 г. и Конвенции о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов, от 14 декабря 1973 г. Сравнительный анализ показывает, что российское и украинское уголовное законодательство не лишены недостатков в части имплементации их положений о всемерной охране личности дипломатических представителей уголовно-правовыми средствами. Такой фактор, как наличие международно-правовой обусловленности уголовной ответственности, требует от законодательной власти Российской Федерации и Украины криминализации оскорбления дипломатических агентов, а от российского – и дополнения национального уголовного законодательства специальной нормой о посягательстве на жизнь указанных лиц.

Литература

1. Зубкова В. И. Уголовное законодательство европейских стран: сравнительно-правовое исследование: монография. – М.: Юрлитинформ, 2013. – С. 34–35.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации // <http://base.garant.ru/10108000/17/#2016>
3. Уголовный кодекс Украины // Ведомости Верховной Рады Украины. – 2005. – № 25. – Ст. 131.
4. Венская конвенция о дипломатических сношениях от 18 апреля 1961 г. // Сайт Верховной Рады Украины: http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/995_048
5. Березовская Е.В. Международное и внутригосударственное правовое регулирование. Проблемы соотношения // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2012. – № 2 (8). – С. 77.
6. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран / сост.: Поликарпова Е.В., Савельев В.А.; Под ред.: Черниловский З.М. – М.: Юрид. лит., 1984. – С. 28.
7. Бабкова Г.О. Международное право в уголовно-правовой доктрине Екатерины II // Новый исторический вестник. – 2005. – № 14. – С. 91–92, 95–96.
8. Конвенция о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов, от 14 декабря 1973 г. // Сайт Верховной Рады Украины: http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/995_389
9. Костенко Н. И. Международное уголовное право: современные теоретические проблемы. – М.: Юрлитинформ, 2004. – С. 44.
10. Конституция Украины // Ведомости Верховной Рады Украины. – 1996. – № 30. – Ст. 141.
11. Кузнецова Н. Ф., Огурцов Н. А. О соотношении международного и внутреннего уголовного права // Законодательство. – 2007. – № 5 (май). – С. 69–77.
12. Мюллерсон Р. А. Соотношение международного и национального права. – М.: Международные отношения, 1982. – С. 74.
13. Кибальник А. Г., Соломоненко И. Г. Преступления против мира и безопасности человечества / под научн. ред. доктора юрид. наук, проф. А.В. Наумова. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004.
14. Лупу А. А., Оськина И. Ю. Международное уголовное право: учебн. пособ. – М.: Изд.-торг. корп. «Дашков и Ко», 2012. – С. 270, 271.

Гражданское образование в Польше на примере территориального самоуправления

Преобразование политической системы Польши в 1989 вызвало изменения и в структуре правительства государства. Муниципалитеты и округа получили возможность принимать независимые и ответственные решения относительно реализации своих потребностей и интересов. К сожалению, этот процесс не сопровождался соответствующим реформированием системы гражданского образования и обучения. Решение проблемы территориального самоуправления требует постоянного, хорошо скоординированного образовательного процесса, направленного на повышение гражданской активности, который должен быть организован учреждениями территориального самоуправления, правительственными институтами, а также с помощью средств массовой информации и неправительственных организаций.

Ключевые слова: самоуправление, гражданское образование, средства массовой информации, государственные организации

Проводимые в 1990 году преобразования в системе местного самоуправления, сопровождаемые дебатами и обсуждениями, были выгодны оппозиции того времени, которая стремилась получить власть из Польской объединенной партии рабочих и начать структурные реформы всех институтов польского государства.

Преследуя свои собственные интересы, оппозиция повлияла и на судьбу всей страны, поскольку территориальное и местное самоуправление стало одним из главных структурных элементов польской политической системы.

Мнение о преимуществах данного института власти изменялось вместе с изменением социополитической системы в Польше. Произошел возврат к классической теории территориального самоуправления, которая много лет существовала в Европе.

«Самоуправление – это форма удовлетворения коллективных потребностей определенной группы людей самостоятельно или избранными представителями. В формально-юридическом смысле самоуправление означает такую систему управления, где государство делегирует отдельным социальным группам выполнение определенных задач, касающихся публичной власти, ответственной за эффективность реализации данных задач. Самая широко распространенная форма самоуправления — территориальное или местное самоуправление. Самоуправление может иметь различный характер (...). Общие характеристики всех форм самоуправления следующие: (а) существование отдельных социальных групп, объединенных общими потребностями; (b) возможность назначения/избрания собственного представительного органа, имеющего право действовать от его имени; (с) возможность самостоятельной организации процесса удовлетворения определенной части потребностей и интересов данной социальной группы и (d) контроль со стороны органов исполнительной власти. Хотя самоуправление комплементарно государству (органы самоуправления не относятся к органам государственной власти), оно представляет собой форму публичной власти, которая вправе возложить обязанности на членов данного сообщества и регулировать их поведение»[1].

Довольно оригинальное и интересное суждение об идее самоуправления было представлено Людвигом Хабудой в работе «Проблема организационных и культурных условий демократии польского территориального самоуправления»: «Территориальное самоуправление обозначает демократию, осуществляемую в масштабе, меньшем, чем государство, в размере территориально и социально более ограниченном - региональном и локальном. Са-

моуправление, осуществляемое в таком ограниченном масштабе, действительно возможно только в структурах демократической политической системы (...)».[2]

Автор также подчеркивает тот факт, что реализация идеи самоуправления в этом значении была бы невозможна в иной системе, кроме демократической. Местное самоуправление - сущность демократии локальной, демократии развивающейся. Поэтому мы можем принять как аксиому то, что полная реализация концепции самоуправления и функционирование территориального самоуправления возможны только в демократической системе.

Элемент, который кажется важным и с точки зрения современных местных сообществ, и с точки зрения интересов государства, - развитие территориального самоуправления. Демократизация социополитической жизни в Польше привела к возникновению реальных полномочий у местных и региональных объединений. Они получили возможность принятия независимых и компетентных решений относительно реализации своих нужд и потребностей, а также достигли возможности свободно участвовать в осуществлении власти или оказывать влияние на процесс управления посредством выборов или референдума. Но реализация данной функции возможна лишь при внедрении программы гражданского образования в целях повышения уровня гражданской активности. В этом отношении законодатель не установил обязательных предписаний. Граждане сами должны принять решение, хотят ли они использовать соответствующие возможности или предпочитают быть пассивными и безразличными.

Только от граждан зависит, кого они выберут в качестве представителей власти от своего имени. Граждане получили возможность выбирать различных кандидатов из различных политических организаций, чего они не могли сделать до 1989 года. Кроме того, в 2002 г. они получили право непосредственно выбрать *wojt* (лицо, управляющее несколькими населенными пунктами), *burmistrz* (мэра) и президента города. [3] Рост полномочий и развитие демократии, однако, не принесли ожидаемого эффекта. Местные и региональные сообщества изъявили желание принимать решения вне каких-либо рамок и ограничений. Соответственно, часть электората не понимая важности каждого голоса на выборах, проявила пассивность, при этом продолжая жаловаться на власть и лиц, которые находятся у власти, но в то же самое время лишая себя возможности влияния на принятие решений. Периодичность подобного развития событий доказывает, что преобладающая часть польского общества не учится на своих ошибках. Это может также свидетельствовать о том, что политика гражданского образования среди населения, проводимая соответствующими учреждениями безрезультатна.

Такая ситуация обуславливает еще одно последствие – мобилизацию электората в моменты возникновения ситуации незначительной угрозы, созданной политическими партиями. Между тем подобное чувство гражданской ответственности может быть достигнуто через должным образом организованную систему гражданского образования, проводимого не только правительством и учреждениями самоуправления, но также и неправительственными организациями и средствами массовой информации. Мы засвидетельствовали мобилизацию электората во время парламентских выборов в 2007 г., президентских выборов в 2010 г. и во время выборов в органы местного самоуправления в 2010 г.

Решения, принятые в 1998 г., связанные с отменой иерархии в структуре территориального (местного) самоуправления, стали результатом негативного опыта, полученного в период существования Польской Народной республики, когда идея приоритетов и иерархий, фактически воплотилась в передачу решений, принятых на более высоком уровне власти, более низшему звену. Было признано, что это не соответствует принципам демократии - лишать единицы территориального самоуправления независимости в принятии решений.

Между тем, иерархия стала иной в демократической системе местного самоуправления и имеет следующую структуру: гмин (группа деревень) – повят (округ) – воеводство (область), без возможности распространения центральной власти. Именно здесь, на наш взгляд, кроется нехватка иерархизации. Иерархически упорядоченные структуры – намного более

сильные партнеры в отношениях с государственными органами, нежели отдельные единицы территориального самоуправления, не включенные в общую структуру. Введение иерархии определенно усилило бы не только территориальное самоуправление в целом, но и в то же время усилило бы местные и региональные связи. Это также положительно сказалось бы на системе управления и развитии отдельных регионов и их компонентов.

Реформа самоуправления 1990 года была ограничена только уровнем местных сообществ. Было много нерешенных проблем, таких, как муниципальная собственность на региональном уровне, число воеводств. Они могли бы вызвать даже провал реформы и разочарование в самой идее местного самоуправления. [4]

Реформы 1990, 1998 и 2002 гг. ввели много структурных и институциональных изменений. Прежде всего, процесс принятия решений относительно сообществ был децентрализован. Сообщества получили возможность самостоятельного принятия решений, что реструктуризировало систему исполнительной власти. Следующий момент - компетенция центральных государственных органов и компетенция государственных органов в воеводствах были изменены, включая также вопросы ведения главы воеводства. Жители гмин, повятов и воеводств получили также возможность свободно участвовать в осуществлении власти или оказывать влияние на процесс управления посредством выборов либо референдума.

Реформы полностью изменили характер административного деления государства. Предполагалось, что качество и эффективность управления улучшатся посредством соответствующего распределения власти и полномочий среди органов управления на местном, региональном и центральном уровнях. Однако были допущены некоторые ошибки. Самая серьезная из них была связана с учреждением слишком большого числа воеводств. Информация, подаваемая в неправильном ключе, привела ко многим малопонятным политическим решениям. Лучшее, что можно было сделать, это создать 9 сильных воеводств, имеющих большую площадь, достаточное количество населения, а также экономический потенциал, основанный на исторических и географических факторах. Существующие 16 воеводств не были основаны ни на одном из вышеупомянутых элементов. Они имеют слишком много отличий друг от друга в отношении территорий, населения и экономики. Это приводит к неравному развитию этих областей: кроме экономически развитых регионов, появляются также и отстающие. Меньшее число воеводств гарантировало бы равные условия для развития и более эффективное управление государством. Круг территориальных единиц промежуточного уровня, то есть повятов, находится в подобном положении. [5] Однако эффективность территориального самоуправления зависит не только от выполнения все большего количества задач и получения все большего количества полномочий, но прежде всего, от точного определения источников дохода и свободы в финансовых решениях. Эксплуатационная эффективность территориального самоуправления с самого начала ограничена финансовым барьером. Следовательно, это должно быть урегулировано законодательно и закреплено конституционно. Готовя новую конституцию в 1997 году, ее авторы установили очень общее и размытое регулирование данного вопроса, имеющее отсылку к иным нормативным актам. [6] Определенно, это ослабляет положение территориального самоуправления. Авторам следовало принять европейскую модель при разработке конституции и включить в ее текст порядок финансирования местного самоуправления. Таким образом, на наш взгляд, необходима всесторонняя реформа государственной финансовой системы, включая также вопросы финансирования местного самоуправления.

Государству, которое стремится к роли лидера в определенной части Восточной Европы, а в пределах Евросоюза - к статусу одной из ведущих стран, необходимо эффективное управление. Дальнейшая реформа территориального самоуправления может служить следующим целям.

(1) Прежде всего, необходимо сокращение количества воеводств (округов) или осуществление качественной реформы государственного административного округа.

(2) Необходимо внести изменения в закон о выборах в органы местного самоуправления повятов (районов) и воеводств (округов) и ввести прямые выборы для глав указанных административных единиц, что даст полномочия в осуществлении публичной власти. Подобные процессы можно наблюдать во многих странах, где есть район как ступень территориального самоуправления, к примеру, в Федеративной Республике Германия.

(3) Необходимо усилить статус районов посредством определения для них источников дохода.

(4) Следует вернуться к концепции иерархизации территориального самоуправления, но в ограниченной версии: гмина (самоуправляемое местное сообщество) – повят (район) – воеводство (округ). Это, конечно, усилит положение территориального самоуправления относительно органов государственной власти.

(5) В случае, если воеводство меняет свой статус, приняв полностью форму самоуправления, следует внести изменения в структуру центральной власти государства, преобразовав Сенат в представительный орган самоуправляемых воеводств (округов). Глава воеводства (округа), его представитель и председатель совета были бы единственными представителями административной единицы. Дополнительно можно включить в качестве представителя заместителя председателя совета округа, но только в ситуации, если область имеет большое количество населения, или же число представителей округа должно зависеть от количества его жителей.

– В случае, если воеводство (округ) меняет свой характер, становится частично самоуправляемым с совмещенной правительственной администрацией, следует сократить функции главы воеводства исключительно до функции представления правительства в округе и к роли проводника законов в жизнь территориальными органами самоуправления.

– Следует осуществить всестороннюю финансовую реформу. Порядок финансирования местного самоуправления должен быть определен в конституции и в актах, касающихся деятельности самоуправления на местах.

Стоит отметить, что продолжающаяся реформа территориального самоуправления не достигнет ожидаемых результатов, если экономические вопросы не будут должным образом отрегулированы. Без финансовой независимости местного самоуправления, то есть без его собственного дохода и бюджета, реформа самоуправления не будет иметь должного эффекта. Финансовая независимость также позволит достигнуть автономии от центральных органов государства. Эти вопросы должны найти свое место в конституции в качестве важного акцента для целой политико-административной системы государства.

Не менее важный элемент, который может поддержать успех реформ, - проведение подходящей образовательной кампании среди населения, главной целью которой должно стать стабильное государство и процветание местных и региональных сообществ.

Положительным элементом, который влияет на функционирование местного самоуправления с момента его восстановления, стала возможность установления деловых связей с единицами территориального самоуправления в зарубежных странах. Единицы самоуправления в Польше могут формировать ассоциации в целях осуществления определенных задач, решить которые самостоятельно не в силах. В этом отношении очень важный момент — возможность создания ассоциаций с иностранными административными единицами. Очень часто польские организации самоуправления, главным образом те, которые лежат в пограничной области, присоединяются к европейским регионам. Это обусловлено историческими причинами. Общее прошлое, так же как и похожие текущие проблемы, которые могут быть продуктивнее решены совместно, лежат в основе причин для ассоциации с еврорегиональными структурами. Самоуправления городов, разделенных во время войн, также часто сотрудничают друг с другом, например, Згоржеlec и Герлиц или Цешин и Тесин, постигая идею единства снова. В будущем это может привести к появлению одного общего органа самоуправления для таких городов.

Подобное сотрудничество принесло много положительных результатов. Новые возможности возникли для жителей пограничных сообществ, особенно после вступления Польши в Европейский союз. Свобода передвижения, поездки за товарами лучшего качества и более дешевыми - все это составляет практическую сторону прав и привилегий того, чтобы быть гражданином Евросоюза.

Проблема самоуправления и в законодательном плане, и в практической сфере, после почти 50 лет отсутствия в политической системе Польши, является все еще новой и требует постоянного изучения. Поэтому необходимо вести соответствующую политику повышения гражданской активности совместно с учреждениями местного самоуправления, правительственными учреждениями, средствами массовой информации и неправительственными организациями. И этот процесс должен идти постоянно, а не только по случаю выборов.

ЛИТЕРАТУРА

- Антосzewский А. Самоуправление: словарь политологии вместе с Приложением о реформе самоуправления, выборах в сейм, президентских выборах и правительственных кабинетах. коллективный редактор А. Антосzewский и Р. Хербута. Вроцлав, 2002. С. 397.
- Хабуда Л. Проблема организационных и культурных условий демократизма польского территориального самоуправления/ ред. А. Лутрзыковский. Торунь, 2009. С.40.
- Szewc A., Szewc T. Wójt, burmistrz, prezydent miasta. Warszawa, 2006; Habuda L. Wójt (burmistrz, prezydent) gminy. Menedżer i polityczny lider (Manager and political leader)//Wrocławskie Studia Politologiczne. 2007. № 8. P. 54-77.
- Панько В. Примечания по муниципальным реформам в Польше //Государственный контроль, 1992. № 1. С. 18-19; Мижук А. Административное разбиение на области 3-ьей польской республики. Теоретические концепции и действительность. Люблин, 2003. С. 113; Кулеса М. Польский язык экспериментирует в реформе и управлении децентрализацией//Местное самоуправление. 2002. № 9. С.9.
- Хабуда Л. Трансформационные решения и процессы принятия решений. Вроцлав, 2005 С.54-55, 57-59, 61-63; Он же. Шанс, который потерпел неудачу. Силезия – эта басня о Вас. Ополе, 2009. С. 442-449.
- Конституция Польской республики от 2-ого апреля 1997. Д. U. 1997. № 78; Буковский З. Структура территориального правительства. Торунь, 2003. С. 95; Ниевиадомский З. Территориальное самоуправление в условиях современной капиталистической системы. Варшава, 1988. С. 16-19.

**Судебный следователь в дореволюционной России:
сравнительно-правовой аспект**

В статье исследуются проблемы правового положения судебного следователя по Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. Автором выделяются 3 основные модели предварительного расследования в государствах романо-германской системы.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, романо-германская правовая система, судебная реформа, судебный следователь, следственный судья.

Одним из важнейших направлений судебной реформы, проводившейся в России в 60-ые годы XIX века, являлось введение института судебных следователей. Разработанные и принятые нормативные правовые акты исходили из признания необходимости законодательного закрепления предварительного следствия в качестве судебной функции и признания производящего его лица должностным лицом судебной власти. Опыт проведения данной реформы имеет колоссальную ценность. Как пишет Ю.В. Рощина, с помощью обращения к нему можно было бы преодолеть многие недостатки современного предварительного производства России [1].

В данной работе представляется целесообразным, во-первых, проанализировать сравнительно-правовые аспекты данного института посредством его сопоставления с иностранным уголовно-процессуальным законодательством того периода, и, во-вторых, рассмотреть уголовно-процессуальный статус судебного следователя, в частности его полномочия и функции. При этом ввиду ограниченности объема работы в ней не будут затрагиваться аспекты, выходящие за рамки уголовного процесса, в частности назначение следователей на должность, предъявляемые к ним требования, порядок прекращения полномочий судебных следователей, материальное обеспечение их деятельности. Кроме того, поскольку работа носит юридический характер, акцент будет сделан именно на нормативные, правовые и процессуальные аспекты статуса следователя, а не на исторические особенности той эпохи.

Основными методами произведённого исследования являлись сравнительно-правовой метод, поскольку в полной мере понять сущность категории «судебный следователь» можно лишь посредством обращения к иностранному законодательству, и историко-правовой метод, так как предметом данной работы является институт, существовавший в России в дореволюционную эпоху.

Тема, выбранная для исследования, представляет определённый интерес в связи с тем, что, во-первых, институт судебных следователей является краеугольным камнем любой уголовно-процессуальной системы, именно он позволяет её классифицировать и отнести к романо-германской или англо-саксонской модели, во-вторых, в современной России ведутся интенсивные дискуссии о необходимости возрождения института судебных следователей.

В рамках введения необходимо определиться со значением наиболее важных понятий, употребляемых в работе. Прежде всего, уместно изначально оговорить соотношение терминов «судебный следователь» и «следственный судья». Как справедливо пишут Н.Н. Ковтун и Т.С. Бухранова, без уяснения смысла данных терминов законодателю, соответственно, предлагают ввести в уголовное судопроизводство России то судебного следователя, то следственного судью, но отчего-то с аналогичными процессуальными функциями и не до конца определенными полномочиями следственного или юрисдикционного характера. В итоге нередко остается неясным, что именно предлагается реформировать: предварительное следствие или все же оперативный судебный контроль [2].

Если абстрагироваться от существующих в русском языке наименований, можно констатировать, что теоретически речь идёт о двух видах должностных лиц. В одном случае

имеется в виду судья, который входит в судейский корпус, является членом суда и при этом до рассмотрения дела судом по существу принимает данное дело к производству, ведёт предварительное следствие, проводит следственные действия, собирает доказательства и принимает участие в решении вопроса о том, будет ли дело в дальнейшем рассматриваться в суде по существу. В другом случае речь опять-таки идёт о судье, входящем в судейский корпус, но который не является лицом, ведущим предварительное следствие (следствие ведут другие органы, например, прокуратура или следственные отделы при различных органах исполнительной власти); при этом такой судья осуществляет функции, связанные с судебным контролем в досудебном производстве, которые выражаются в рассмотрении жалоб на действия следователя, в даче согласия на производство следственных действий и в избрании мер процессуального принуждения и т.д.; при такой процессуальной модели судья по большому счёту не проводит расследование, не выполняет следственных функций, а лишь контролирует их надлежащее осуществление в предусмотренном законом порядке со стороны следователя; по этой причине вызывает сомнения правильность называть такого судью «судебным следователем».

В отечественной литературе нет единого мнения о том, какими терминами («судебный следователь» или «следственный судья») необходимо обозначать каждого из этих судей. Отдельные авторы в своих научных работах вообще указывают их через запятую. Например, Н.Н. Ковтун, хотя и проводит между ними различия, пишет: «Дискуссии о необходимости введения в уголовное судопроизводство России фигуры "судебного следователя", или "следственного судьи", весьма остро возникают в российской уголовно-процессуальной доктрине» [2]. Ещё один учёный А.Г. Мамонтов в своей работе озаглавил один из параграфов «Следственный судья или судебный следователь» [3], но при этом в ней нет чёткого и однозначного указания на соотношение этих понятий.

Ситуация во многом осложняется и тем, что учёные, анализирующие соответствующий институт в уголовном процессе Франции, являющейся его родоначальницей, используют термин «следственный судья» [4]. При этом российский Устав уголовного судопроизводства 1864, предусмотрев участника, во многом сходного с ним, содержит понятие «судебный следователь» [5].

В связи с этим, как говорят юристы, давайте договоримся о терминах. Поскольку в литературе отсутствует чёткий и устоявшийся подход к соотношению данных понятий, очевидно, не будет большой ошибкой их рассмотрение в качестве синонимов (при необходимости каждый раз оговаривать, какой смысл мы в него вкладываем). Что же касается данной работы, то при анализе зарубежного законодательства будет использоваться термин «следственный судья», так как он наиболее употребим в сравнительно-правовой литературе, а при рассмотрении отечественного законодательства – «судебный следователь», поскольку именно этот термин встречается в Уставе уголовного судопроизводства 1864 года.

С точки зрения сравнительного правоведения, к середине XIX столетия сложилась «процессуальная карта Европы, ставшая итогом многовекового развития» [6. С.4]. В рамках её можно выделить несколько подходов к вопросу о формах предварительного расследования.

Англо-саксонскому уголовному процессу вообще было исторически не свойственно жесткое и формализованное разделение уголовного процесса на две равнозначимые части: досудебное производство и рассмотрение дела в суде. В связи с этим вопрос о дифференциации форм предварительного расследования для Великобритании и стран, воспринявших её правовую систему, никогда не был актуальным. В свою очередь в уголовном процессе романо-германских стран правовому регулированию досудебного производства законодатели всегда уделяли ничуть не меньше внимания, чем рассмотрению дела в суде. Если же говорить о конкретных формах континентального предварительного расследования, то принято выделять две такие формы: дознание и следствие. Дознание существует практически во всех странах, даже в англо-саксонских, поскольку без полицейской по своей природе деятельно-

сти ни одно государство обойтись не в состоянии. В свою очередь предварительное следствие в большинстве стран Европы понимается в качестве «элитарной» формы предварительного расследования, которая имеет место по наиболее сложным и значимым для общества категориям дел [7. С.325-331].

В романо-германских государствах теоретически можно выделить 3 основные модели определения места, которое занимает предварительное следствие в системе стадий уголовного процесса. Первым вариантом является континентальная модель предварительного производства с судебным предварительным следствием [7. С.331], как, например, во Франции, согласно Кодексу уголовного следствия 1808 года (*Code d'instruction criminelle*)[8]. Данную модель можно назвать классической, поскольку именно она стала исходной отправной точкой для уголовно-процессуальных систем многих европейских государств. Вторым вариантом выступает континентальный вариант предварительного производства с несудебным предварительным следствием[7], в частности именно такая модель имела место в некоторых швейцарских кантонах (например, со временем она возобладавала в Цюрихе (*zürcherische Strafprozessordnung*)[9], хотя изначально, как писал И.Г. Щегловитов, «одной из особенностей следственного института в Цюрихском кантоне является отсутствие в нём судебных следователей в качестве особых должностных лиц судебного ведомства, уполномоченных на производство предварительных следствий [10]»). Третьим вариантом является континентальный вариант предварительного производства без предварительного следствия [7. С. 325-351.], существовавший в отдельных скандинавских странах и в Дании [11]; впоследствии, с 1974 года, её символом стала Федеративная Республика Германия (*die Strafprozessordnung*).

Анализ российских Судебных уставов 1864 года показывает, что должность судебного следователя и модель предварительного следствия позволяют отнести отечественное досудебное производство дореволюционного периода к *романо-германской модели предварительного производства с судебным предварительным следствием*. При этом, как пишет Л.В. Головкин, «русский судебный следователь» во многом обязан своим происхождением французскому следственному судье»[6. С.5]. Это подтверждается присущими ему полномочиями и выполняемыми им процессуальными функциями. Как французский следственный судья, так и российский судебный следователь были уполномочены, обладая значительной самостоятельностью и независимостью, вести расследование, направлять производство по делу, допрашивать обвиняемого, выполнять осмотр, назначать экспертизу, совершать другие следственные и иные процессуальные действия, не относясь при этом к стороне обвинения.

Вместе с тем ещё в дореволюционной литературе справедливо отмечалось, что с точки зрения сравнительного правоведения нельзя не заметить весьма существенных различий между ними, которые позволяют утверждать, что суждения о полном заимствовании норм французского права и их перенесении на русскую почву содержат в себе серьёзные преувеличения.

Так, выдающийся дореволюционный специалист в области зарубежного уголовного процесса профессор И.Г. Щегловитов выделил три существенных особенности российского судебного следователя. Во-первых, «наше предварительное следствие выгодно отличается от французского тем, что в нем нет того всемогущества прокуратуры, которая во Франции поставлена во главе судебной полиции и располагает даже некоторыми следственными полномочиями»[12. С.50], во-вторых, «по своим задачам наше следствие шире французского, так как оно производится по поводу обнаруженного преступления, хотя бы в виду не было лица, подозреваемого в его совершении»[12. С.50], и в-третьих, «наше предварительное следствие при своём заключении знает особый обряд предъявления его обвиняемому, которого нет ни во Франции, ни в других государствах»[12. С.50]. Отсюда вытекает, что составители Судебных уставов 1864 года не только восприняли наиболее удачные положения Кодекса уголовного следствия (*Code d'instruction criminelle*) 1808 года, но и опосредовали иностранные уголовно-процессуальные нормы к отечественной действительности и к той почве, на которую они переносились, с необходимыми изменениями.

Любопытно и то, что принятый через 13 лет после Устава уголовного судопроизводства (УУС) Александра II Уголовно-процессуальный кодекс Германской империи (*die Strafprozessordnung*, StPO) также предусматривал введение института следственных судей, причём многие содержащиеся в нём нормы (§176-195) были весьма близки к положениям российского Устава уголовного судопроизводства (ст. 288-509). Прежде всего следует отметить, что, согласно данным нормативным правовым актам в их первоначальной редакции, предварительное следствие открывается и производится следователем (§ 182 StPO, ст. 289 УУС), о всяком следственном действии составляется протокол (§ 186 StPO, ст. 476 УУС), о заключении предварительного следствия обвиняемый поставляется в известность (§ 195 StPO, ст. 476 УУС), когда судебный следователь признает, что цель предварительного следствия достигнута, то он отсылает дело прокуратуре для составления ею предложений (§ 195 StPO, ст. 478 УУС). Схожесть данных норм очевидна. Главное же различие между ними состояло в том, что в Германии следствие могло быть начато только в отношении установленного лица (§177)[13], а по Уставу уголовного судопроизводства допускалось открытие следствия и по факту обнаружения преступного деяния (ст. 297) [14].

Отечественный законодатель предпочёл сконструировать УУС 1864г. по французскому образцу, при этом он не только заимствовал из него наиболее прогрессивные положения, но и внёс немаловажные новеллы, опосредовавшие данные нормы к российской системе судебных установлений. Возможно, отечественная модель предварительного следствия принималась во внимание при разработке проектов германского Уголовно-процессуального кодекса, поскольку их составители: Миттермаер, Ферстер, Штаудигер, Винер и другие юристы - были крупными специалистами в области сравнительного правоведения.

Считаем уместным акцентировать внимание на уголовно-процессуальном статусе судебного следователя, затронув вопросы 1) о понятии судебного следователя, 2) его функциях и 3) полномочиях.

Права и обязанности данного должностного лица подробно регламентировались в утверждённых 8 июня 1860 года «Учреждении судебных следователей», «Наказе судебным следователям», а также принятых 20 ноября 1864 года «Учреждении судебных установлений» и «Уставе уголовного судопроизводства».

Итак, кто же такие судебные следователи?

И.Я. Фойницкий отмечал, что «судебные следователи... есть особые должностные лица судебного ведомства, имеющие судейское звание с сопряжёнными с ним служебными преимуществами»[15]. В.К. Случевский писал, что ими являются «следователи, обязанные исследовать событие преступления, установить и охранить весь тот фактический материал, на основании которого должны затем разрешиться вопросы о предании суду, а также о виновности подсудимого» [16. С.302].

Большинство дореволюционных авторов, рассматривая уголовно-процессуальный статус судебных следователей, выделяли следующие присущие ему особенности:

1) данные должностные лица относятся именно к судейскому корпусу с вытекающими отсюда гарантиями, связанными с их статусом. Прежде всего, имеется в виду их независимость при осуществлении процессуальных полномочий;

2) судебные следователи были компетентны самостоятельно осуществлять предварительное следствие по делу;

3) полномочия, выполняемые судебными следователями, обусловлены целями стадии предварительного расследования – установление виновного лица и решение вопроса о том, должно ли дело быть направлено в суд.

Характеризуя функции судебного следователя, дореволюционные процессуалисты сходились в том, что он соединял в себе одновременно функции «обвинения, защиты и собственно судейские»[16. С.302]. Можно также утверждать, что он не выполнял ни функцию обвинения, ни функцию защиты, поскольку осуществлять обе вышеназванные функции зна-

чит не выполнять ни одну из них по отдельности; следовательно, в чистом виде он осуществлял только судебные функции.

Поскольку уголовный процесс в рассматриваемый период строился по-прежнему на «инквизиционных» началах, состязательность как таковая на данной стадии отсутствовала. Ярче всего это находит своё отражение именно в функциях судебного следователя, обязанного «с полным беспристрастием приводить в известность как обстоятельства, уличающие обвиняемого, так и обстоятельства, его оправдывающие» (ст. 265 УУС) [17].

Полномочия судебного следователя, по смыслу Устава уголовного судопроизводства (ст. 288-509), можно с некоторой условностью разделить на три группы.

1. Полномочия, связанные с началом следствия. Судебный следователь был уполномочен при наличии законных поводов «приступить к следствию» (ст. 289, 297), расспрашивать объявителя или жалобщика об обстоятельствах происшествия или об известных ему признаках преступного деяния (ст. 307), принимать явку с повинной (ст. 309), проверять, отменять и дополнять действия полиции по произведённому ею первоначальному исследованию (ст. 269), сообщать прокурору об отсутствии достаточных оснований к производству следствия (ст. 309) и т.д.

2. Полномочия, связанные с ведением следствия. Судебный следователь был уполномочен самостоятельно производить осмотры и освидетельствования (ст. 315-335), участвовать в осмотре и освидетельствовании через врачей (ст. 336-356), производить обыски и выемки в домах (ст. 357-370), собирать и сохранять вещественные доказательства (ст. 371-376), призывать и приводить обвиняемого к следствию (ст. 377-397), допрашивать обвиняемого (ст. 398-414), избирать в отношении обвиняемого способы уклониться от следствия (ст. 415-432), допрашивать свидетелей (ст. 433-453), производить на месте дознание через окольных людей (ст. 454-466), давать поручения полиции (ст. 271), составлять протоколы предварительного следствия (ст. 467-475).

3. Полномочия, связанные с заключением следствия. Судебный следователь был уполномочен по окончании предварительного следствия, предъявив обвиняемому следственное производство, спрашивать его: не желает ли он представить что-либо ещё в своё оправдание (ст. 476), проверять новые обстоятельства, на которые укажет обвиняемый (ст. 477), объявлять участвующим в деле лицам о том, что следствие закончено, и отсылать всё производство к Прокурору и его Товарищу (ст. 479), испрашивать через Прокурора разрешение Окружного суда на прекращение следствия (ст. 277).

По смыслу Устава уголовного судопроизводства, при осуществлении данных полномочий судебный следователь, не выполняя ни обвинительных, ни защитных функций, должен был беспристрастно расследовать преступление, устанавливать виновное лицо, решить вопрос о дальнейшем направлении дела.

Таким образом, полномочия, которыми был наделён следователь, в полной мере отвечали его процессуальным функциям, принимая во внимание судебный характер его деятельности, учитывая его принадлежность к судейскому корпусу и исходя из того, что суд – это орган, устанавливающий истину, а не обвиняющий или защищающий кого-либо. Не останавливаясь подробно на положительных, отрицательных и комплексных оценках данного института (например, А.Ф. Кони подчёркивал достоинства, связанные с введением должности судебных следователей, но при этом писал, что «предварительное следствие является у нас по своей постановке и по практическим результатам своим, по-видимому, одной из самых слабых сторон судебной организации» [18]), можно констатировать, что составителям Судебных уставов, по крайней мере на нормативном уровне, вполне удалось достигнуть данной цели.

В завершение уместно привести выводы, к которым автору удалось прийти в процессе проведённого исследования.

1. Судебная реформа императора Александра II во многом была связана именно с преобразованиями в области предварительного следствия. При этом её разработчикам в це-

лом удалось достигнуть таких задач, как определить оптимальное место следственных органов в системе правосудия, чётко зафиксировать выполняемые им функции и осуществляемые в целях их реализации полномочия, обеспечить процессуальную независимость следователя от органов исполнительной власти, урегулировать его взаимодействие с полицией.

2. Дискуссия о том, какое должностное лицо было введено в ходе судебной реформы – «судебный следователь» или же «следственный судья», - не имеет под собой глубокого теоретического основания и представляется нецелесообразной, поскольку юристам просто необходимо договориться о терминах.

3. Анализ уголовно-процессуального статуса судебного следователя даёт также представление о системе российского дореволюционного досудебного производства в целом, о котором можно утверждать, что оно относится к романо-германской модели предварительного производства с судебным предварительным следствием.

4. Безусловно, при конструировании статуса судебного следователя составители Уставов 1864 года учитывали иностранный опыт и даже заимствовали отдельные иностранные правовые нормы, при этом делали это со смыслом и учитывали ту действительность, на которую переносились результаты данной рецепции.

5. Полномочия следователя по Уставу уголовного судопроизводства гармонично сочетаются с его процессуальными функциями и вписываются в смешанный тип уголовного процесса с «инквизиционным» (несостязательным) предварительным производством.

Литература

1. Рощина Ю.В. Судебный следователь в уголовном процессе дореволюционной России. - М., 2006. - С.2.
2. Ковтун Н.Н., Т.С. Бухранова. Институт судебного следователя и специализированного следственного судьи в контексте опыта стран континентальной системы права // Доступ из справ.прав. системы «Консультант Плюс» [Дата обращения: 20.10.2012].
3. Мамонтов А.Г. Судебный следователь в истории российского судопроизводства. - М., 2003.- С. 10.
4. Головки Л.В. Материалы к построению сравнительного уголовно-процессуального права: источники, доказательства, предварительное производство / Труды юридического факультета.- М., 2007. - С. 333.
5. Судебные уставы императора Александра Второго. - СПб., 1883. - С. 39.
6. Головки Л.В. Допзнание и предварительное следствие в уголовном процессе Франции. - М., 1995. - С. 4.
7. Труды юридического факультета МГУ. Кн.11. Л.В. Головки. Материалы к построению сравнительного уголовно-процессуального права: источники, доказательства, предварительное производство. - М., 2009, С. 325-331, 331, 344.
8. Кодексу уголовного следствия 1808 года // URL:http://ledroitcriminel.free.fr/la_legislation_criminelle/anciens_textes/code_instruction_criminelle_1808.htm [Дата обращения: 20.10.2012]
9. [http://www2.zhlex.zh.ch/appl/zhlex_r.nsf/0/C32BAACE6E4CB628C12575D8004274B6/\\$file/321_4.5.19_65.pdf](http://www2.zhlex.zh.ch/appl/zhlex_r.nsf/0/C32BAACE6E4CB628C12575D8004274B6/$file/321_4.5.19_65.pdf)
10. Щегловитов И.Г. Реформа уголовного процесса в Цюрихском кантоне // Право. - 1904. - №25. – Ст.1343.
11. Подробнее: Стойко Г.Н., Шагина А.С. Уголовный процесс Англии и Уэльса, Бельгии и Дании: сравнительно-правовой аспект: учебное пособие. – Красноярск, 1997.
12. Щегловитов И.Г. Влияние иностранных законодательств на составление Судебных уставов 20 ноября 1864 года. - СПб., 1915. - С. 50.

13. §177 StPO: «Предложение прокуратуры об открытии предварительного следствия должно заключать в себе обозначение обвиняемого и приписываемого ему деяния».
14. Ст. 297 УУС содержал перечень «законных поводов к началу предварительного следствия» и многие из них не предполагали то, что лицо, которую инкриминируются в вину уголовно-наказуемые деяния, уже установлено.
15. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. - СПб., 1912.- С. 461.
16. Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. Введение. Ч.1 Судостроительство. - М., 2008. - С.302.
17. Судебные уставы императора Александра Второго. - СПб., 1883. - С.38.
18. Совещание старших председателей и прокуроров судебных палат относительно реформы предварительного следствия и реформы обвинительной процедуры / Журнал Министерства Юстиции. - 1894/1895 №11. - С. 37.

Досудебное соглашение о сотрудничестве в российском уголовном процессе: проблемы применения

Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве может стать весьма эффективным способом быстрого раскрытия преступлений, а соответственно, и защиты прав и законных интересов лиц, как потерпевших, так и обвиняемых и подозреваемых в совершении преступлений. Однако на сегодняшний день положения главы 40.1 УПК РФ не могут не вызывать ряд нареканий со стороны ученых. В данной статье нами рассмотрены лишь некоторые проблемы, возникающие в ходе применения особого порядка принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве.

Ключевые слова: процессуальное право, особый порядок судебного разбирательства, досудебное соглашение о сотрудничестве, судебные решения.

Федеральным законом от 29.06.2009 № 141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» введено новое основание для применения особого порядка судебного разбирательства, следовательно, расширены возможности применения данного института.

Согласно определению, закрепленному в п.61 ст.5 УПК РФ, данное нововведение представляет собой соглашение между сторонами обвинения и защиты, в котором они согласовывают условия ответственности подозреваемого или обвиняемого в зависимости от его действий после возбуждения уголовного дела или предъявления обвинения.

Здесь речь идет не просто о согласии обвиняемого с обвинением, а о более значительной степени его взаимодействия с органами предварительного следствия и правосудия, которое носит характер активного сотрудничества. Сущность досудебного соглашения о сотрудничестве состоит в том, что подозреваемый или обвиняемый берет на себя обязательство оказать содействие следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления, в обмен на существенное снижение наказания в соответствии с ч.2 и ч.4 ст.62 УК РФ. По смыслу главы 40.1 УПК РФ, заключение досудебного соглашения о сотрудничестве допускается только на предварительном следствии и невозможно при проведении расследования в форме дознания.

Следует отметить, что введение такого основания для применения особого порядка судебного разбирательства, как досудебное соглашение о сотрудничестве, воспринимается многими правоприменителями и учеными весьма неоднозначно. В целом большинство российских ученых-юристов сходятся во мнении, что процедура досудебного соглашения о сотрудничестве отображает общемировые тенденции развития уголовного судопроизводства и может стать весьма эффективной мерой отправления правосудия с наименьшими материальными и временными затратами. Но вместе с тем необходимо отметить ряд проблем, которые могут возникнуть при практическом применении норм главы 40.1 УПК РФ.

Первое, что вызывает вопросы, это непонятная логика законодателя, который поместил в главу 40.1, закрепляющую уголовно-процессуальную деятельность в стадии судебного производства, положения, касающиеся предварительного расследования. Так, ст. 317.1 закрепляет порядок заявления ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве; ст. 317.2 - порядок рассмотрения ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве; ст. 317.3 - порядок составления досудебного соглашения о сотрудничестве; ст. 317.4 - проведение предварительного следствия в отношении подозреваемого или об-

виняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, а также ст. 317.5, которая закрепляет полномочия прокурора по представлению об особом порядке проведения судебного заседания и вынесения судебного решения по уголовному делу в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве.

Все эти нововведения, на наш взгляд, закрепляют полномочия субъектов уголовно-процессуальной деятельности в сфере предварительного расследования и должны, соответственно, содержаться в разделе VII УПК РФ. Таким образом они будут в большей степени соответствовать нынешней системе уголовно-процессуального кодекса и не будут нарушать внутренней логики его построения.

Наиболее обсуждаемым и неоднозначным в рассматриваемой процедуре является положение о возможности, а точнее - о невозможности обжалования постановления следователя об отказе в удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве.

Согласно ч.4 ст. 317.1 УПК РФ, постановление следователя об отказе в удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве может быть обжаловано подозреваемым или обвиняемым, его защитником руководителю следственного органа. То есть обжалованию в суд постановление следователя не подлежит. А.С. Александров и И.А. Александрова считают, что «это важный момент в понимании механизма заключения соглашения между стороной защиты и обвинения. Суд не может принудить стороны к заключению такого соглашения» [1. С.7]. Никакого противоречия действующему уголовно-процессуальному законодательству в случае такого порядка обжалования решения следователя данные авторы не находят.

Схожего мнения придерживаются О.В. Карпов и И.В. Маслов, которые утверждают, что «...соглашение о сотрудничестве, как и любой вид иных сделок, должно основываться на свободном волеизъявлении сторон. Поэтому даже купированная возможность обжалования (только руководителю следственного органа) является недопустимой» [2. С.5].

Однако, на наш взгляд, положение ч.4 ст. 317.1 УПК РФ не может отменить права подозреваемого или обвиняемого и его защитника на обжалование решения следователя в суд в порядке ст. 125 УПК РФ.

В соответствии с этой нормой все решения и действия (бездействия) следователя, руководителя следственного органа и прокурора, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию, могут быть обжалованы в районный суд по месту производства предварительного расследования.

В качестве объекта нарушения здесь может выступать положение, закрепленное в ч. 1 ст. 46 Конституции РФ, согласно которому каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод, а также ст. 45 Конституции РФ, которая закрепляет право на государственную защиту прав и свобод и право каждого защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом.

Кроме того, Конституционный Суд РФ в постановлении от 23.03.99 №5-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 133, части первой статьи 218 и статьи 220 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР <...>» признал необходимость обеспечивать заинтересованным лицам еще в ходе предварительного расследования по уголовному делу возможность обратиться в суд с жалобой на действия и решения дознавателя, следователя или прокурора, если они не только затрагивают собственно уголовно-процессуальные отношения, но и порождают последствия, выходящие за их рамки, существенно ограничивая при этом конституционные права и свободы личности [3. С.10].

Конституционный Суд РФ при этом исходил из того, что отложение проверки законности и обоснованности таких действий и решений до завершения предварительного расследования по уголовному делу и до его направления в суд с обвинительным заключением (чтобы такая проверка была осуществлена в ходе судебного разбирательства по делу) может

причинить правам и свободам граждан ущерб, восполнение которого в дальнейшем окажется невозможным.

Учитывая, что соглашение о сотрудничестве может быть заключено лишь до объявления об окончании предварительного следствия, восполнение вреда интересам обвиняемого, причиненного неправомерным отказом в заключении такого соглашения, когда дело уже находится в суде, действительно невозможно.

Говоря о роли суда при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, следует отметить, что в ч.4 ст.317.7 закреплена обязанность суда в ходе судебного разбирательства исследовать исполнение обвиняемым взятых на себя обязательств. Однако законодатель не поясняет, означает ли это, что суд, придя к выводу, что качество и количество представленных обвиняемым сведений недостаточно для смягчения ответственности и наказания, соответствующее соглашение аннулируется, а дело подлежит рассмотрению в общем порядке.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что удостоверение прокурором полноты и правдивости сведений, сообщенных обвиняемым, не является их окончательной оценкой (ч.2 ст. 317.5 УПК РФ), а представляет собой лишь мнение прокурора о том, насколько заявленные в соглашении намерения о содействии обвиняемого подтвердились в ходе предварительного следствия. Для суда оценка прокурора не более чем довод, который должен быть оценен наряду с доводами защиты, по совокупности и со всеми доказательствами по делу на момент рассмотрения дела по существу. В связи с этим возникает вопрос, каким образом такой порядок принятия судебного решения соотносится с самим понятием соглашения как своего рода сделки между двумя равноправными сторонами (защиты и обвинения)?

Определенные вопросы вызывает предусмотренный главой 40.1 порядок обжалования приговоров, постановленных в отношении подсудимого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве.

При применении особого порядка принятия судебного решения в случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве фактическая сторона уголовного дела выясняется в той же мере, что и при применении особого порядка судебного разбирательства, предусмотренного главой 40 УПК РФ. То есть не предполагается исследование судьей в судебном разбирательстве доказательств, собранных по уголовному делу в общем порядке. Суд самостоятельно не устанавливает фактические обстоятельства дела. Он лишь сопоставляет эти обстоятельства в том виде, в каком они установлены органами предварительного расследования, с имеющимися в деле доказательствами. Но если в ст. 317 УПК, закрепляющей пределы обжалования приговора, постановленного в порядке главы 40 УПК РФ, содержится положение о том, что приговор не может быть обжалован в апелляционном и кассационном порядке по основанию, предусмотренному п. 1 ч.1 ст. 379 УПК РФ (то есть в связи с несоответствием выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела), то в главе 40.1 вообще не предусматривается никаких исключений, которые касались бы оснований обжалования приговоров. Вместо этого в ч. 7 ст. 317.7 УПК РФ указано, что после провозглашения приговора судья разъясняет сторонам право и порядок его обжалования, предусмотренный главой 43 УПК РФ, из чего можно заключить, что стороны вправе без каких-либо ограничений обжаловать постановленные в порядке главы 40.1 Кодекса приговоры в апелляционном, кассационном и надзорном порядке.

Безусловно, это является упущением законодателя и в главе 40.1 следовало бы закрепить положение о том, что осужденный, его защитник, государственный обвинитель и вышестоящий прокурор не вправе обжаловать приговор, постановленный в порядке, установленном главой 40.1, по основанию, предусмотренному п.1 ч.1 ст. 379 УПК РФ.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве», безусловно, разъясняет некоторые вопросы, возникающие при применении норм главы 40.1 УПК РФ, однако многие положения данной главы до сих пор остаются неразрешенными.

В целом следует отметить, что процедура досудебного соглашения о сотрудничестве может стать весьма эффективным способом быстрого раскрытия преступлений, а соответственно, и защиты прав и законных интересов лиц, как потерпевших, так и обвиняемых и подозреваемых в совершении преступлений. Однако на данный момент следует констатировать тот факт, что практические работники применяют нормы главы 40.1 не слишком охотно ввиду недостаточно четкой регламентации некоторых ее положений. И хотя уголовно-процессуальная практика значительно расширилась с момента введения в действие главы 40.1, тем не менее говорить о досудебном соглашении о сотрудничестве как об институте, занимающем одно из значимых мест в уголовном судопроизводстве, не приходится. Об этом свидетельствует и статистика. Так, по данным Верховного Суда РФ, в 2011 г. судами Российской Федерации рассмотрено 1,1 млн уголовных дел, из них досудебные соглашения о сотрудничестве были заключены только по 2969 делам (0,3%).

ЛИТЕРАТУРА

1. Александров А.С., Александрова И.А. Соглашение о досудебном сотрудничестве со следствием: правовая сущность и вопросы толкования норм, входящих в главу 40.1 УПК РФ // Уголовный процесс. 2009. №8. С.3-11.
2. Карпов О.В., Маслов И.В. Досудебное соглашение о сотрудничестве: проблемы правового регулирования и вопросы порядка применения // Уголовный процесс. 2009. №9. С. 3-7.
3. Смирнов А.В. Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Уголовный процесс. 2009. № 10. С. 5-14.
4. Великий Д. П. Досудебное соглашение о сотрудничестве в российском уголовном процессе // Журн. рос. права. – 2010. – № 2.

**Международный научно-практический семинар
«Транснациональная организованная преступность. Отмывание денег, розыск
финансов и изъятие незаконной прибыли» (26-27 сентября 2012 г.)**

В соответствии с пунктом 1.45 Плана командирований специалистов МВД России за границу и приемов иностранных делегаций во втором полугодии 2012 года, утвержденного приказом Министра внутренних дел России генерал-лейтенанта полиции В. А. Колокольцева 27.07.2012 года (№1/6510), письмом ДГСК МВД России от 05.07.2012 года № 21/14/6557 Казанский юридический институт МВД России с 25 по 29 сентября принимал делегацию Министерства внутренних дел и коммунальных вопросов земли Северный Рейн-Вестфалия (ФРГ).

26 сентября в институте состоялся международный научно-практический семинар на тему «Транснациональная организованная преступность. Отмывание денег, розыск финансов и изъятие незаконной прибыли»

Семинар начался со вступительного слова начальника института кандидата психологических наук, доцента генерал-майора полиции Фюата Канафиевича Зиннурова. Он отметил, что проведение семинара в стенах Казанского юридического института МВД России – это возможность обмена опытом с нашими немецкими коллегами, и выразил признательность руководству МВД России за выбор нашего института в качестве учебного заведения, достойного принимать иностранные делегации самого высокого уровня.

За последние три года в вузе не в первый раз проходят столь значительные мероприятия не только по линии МВД России, но и в рамках сотрудничества по программам Международной полицейской ассоциации.

Поэтому приезд лучших специалистов в своей области - прекрасная возможность определить направления нашего дальнейшего развития, наладить эффективный информационный обмен с коллегами из Германии и, безусловно, поделиться накопленным практическим опытом. Ведь как сказал немецкий поэт и мыслитель Иоганн Вольфганг Гёте: «Недостаточно только получить знания, необходимо найти им применение».

Ф.К. Зиннуров сказал, что Казанский юридический институт МВД России, в стенах которого проходит сегодняшний семинар, является ведущим образовательным, научно-методическим центром подготовки и повышения квалификации специалистов для органов внутренних дел не только Республики Татарстан, но еще более 23-х регионов Российской Федерации. Основной упор в своей деятельности мы делаем на использование передовых технологий, методов и форм обучения и воспитания курсантов, студентов и слушателей. Руководство МВД России высоко отмечает положительный опыт взаимодействия Казанского юридического института МВД России с территориальными органами внутренних дел в плане повышения практической направленности в обучении.

В выступлении было отмечено, что подобные встречи дают значительный практический результат, позволяя использовать накопленный вузами за многие годы опыт учебно-методической и научно-исследовательской работы по улучшению подготовки сотрудников органов внутренних дел.

Первое слово по традиции было предоставлено нашему коллеге из Министерства внутренних дел и коммунальных вопросов земли Северный Рейн-Вестфалия Хансу-Йоахиму Янсону, старшему советнику Управления полиции города Мёнхенгладбах.

Затем выступил начальник кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Казанского юридического института МВД России кандидат юридических наук, доцент подполковник полиции Шалагин А.Е. Тема его доклада: «Транснациональная преступность, как угроза общественной безопасности».

Вопросы организации и деятельности уголовной полиции земли Северный Рейн-Вестфалия рассмотрел в своем выступлении Марк-Андре Эстер, Верховный комиссар уголовной полиции Управления уголовной полиции города Дюссельдорф.

В семинаре приняли участие также сотрудники МВД по РТ. Слово для доклада было представлено заместителю начальника подразделения по борьбе с организованной преступностью Министерства внутренних дел по Республике Татарстан подполковнику полиции Фаттахову З.Н. Он осветил вопросы организации работы по противодействию организованной преступности в Министерстве внутренних дел по Республике Татарстан.

Далее на немецком языке выступил адъюнкт кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Казанского юридического института МВД России старший лейтенант юстиции Абдулганеев Р.Р. Он раскрыл проблему религиозного экстремизма как одну из угроз современного общества.

Организацию противодействия отмыванию денег, розыск финансов и изъятие незаконной прибыли в ФРГ рассмотрел в своем выступлении Себастиан Фидлер, главный комиссар Ведомства земельного правительства по подготовке и повышению квалификации

Вопросы отмывания денег в России были предметом доклада начальника отдела Управления экономической безопасности и противодействия коррупции Министерства внутренних дел по Республике Татарстан подполковника полиции Акчурина Р.К.

Проблемы противодействия налоговым преступлениям и налоговым правонарушениям во внешнеэкономической сфере раскрыла в своем выступлении профессор кафедры экономической теории, правовой статистики, математики и информатики доктор экономических наук полковник полиции Хадиуллина Г.Н.

По материалам семинара будет подготовлен информационный бюллетень, такие встречи способствуют развитию международного сотрудничества нашего института и усилению практической направленности обучения будущих офицеров полиции.

Начальник НИиРИО
полковник полиции
Д.Э. Кабиров

Об участии в IV Всероссийском социологическом конгрессе «Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие»

23-25 октября 2012 года в г.Уфе состоялся очередной социологический конгресс – одно из самых крупных научных мероприятий, которое организуют Российское общество социологов и Институт социологии РАН при содействии сообщества профессиональных социологов, ВЦИОМ, Левада-Центра, АН РБ и других заинтересованных сторон.

В работе конгресса приняли участие более 600 представителей из всех регионов страны, а также стран ближнего (Украина, Беларусь, Казахстан, Армения, Кыргызстан и др.) и дальнего зарубежья (Индия, Бразилия, ЮАР, Чехия, Польша и др.).

Работа конгресса была организована в рамках 2-х пленарных заседаний, 14 сессий, причем одна из них была ориентирована на студентов – Student Workshop (мастер-классы, лекции, презентации). Основная проблематика для обсуждений была построена в рамках дискурсов модернизации российского общества с оценкой глобальных, региональных вызовов и рисков в социально-политическом, социально-экономическом и социокультурном измерениях, реформ вертикали власти, процессов социальных и экономических трансформаций, проблемного поля идентичностей, развития масс-медиа и кризиса количественной методологии исследования общественного мнения.

На пленарном заседании наибольший интерес вызвали доклады члена-корреспондента РАН профессора Н.И.Лапина на тему «Модернизация в мире. Ее состояние в регионах России», профессора В.А.Ядова «Теоретические проблемы мировой социологии», члена-корреспондента РАН профессора Ж.Т.Тощенко «Качество социологических исследований. Современные проблемы», профессора Л.М. Дробижевой «Государственно-гражданская идентичность в республиках в общероссийском контексте».

Было проведено 27 круглых столов для дискуссии по ключевым проблемам современного российского общества.

Большая часть программных докладов и сообщений были сделаны в формате специальных секций, число которых перевалило за 40.

В работе конгрессе приняли активное участие социологи из вузов и научных учреждений системы МВД, ФСКН, ФСБ и других правоохранительных органов. В частности, ведомственную социологию по линии МВД на секции «Социология девиантности и социального контроля» представляли: Казанский юридический институт МВД России (профессор Ю.Ю.Комлев с докладом «Рестриктивный социальный контроль: основы теории и перспективы в условиях транзитивного российского общества») и Санкт-Петербургский университет МВД России (профессор Готчина Л.В. с сообщением «Молодежная наркопреступность: проблемы социального контроля»).

Впервые в рамках конгресса была сформирована новая перспективная секция «Социология права и правоохранительной деятельности» (сопредседатели: В.Б.Коробов, С.В.Егорышев, Ю.Ю. Комлев).

IV Всероссийский социологический конгресс «Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие» стал важной вехой на пути развития социологического знания. Его работа способствовала осмыслению острых проблем модернизации и функционирования российского общества в глобальном, национальном и региональном контекстах, а также диагностике и поиску решений актуальных социальных проблем современности.

Начальник кафедры ФПСП
доктор социологических наук, профессор
полковник полиции

Ю.Ю.Комлев

Межведомственный круглый стол «Профилактика экстремистских проявлений среди несовершеннолетних в современных условиях» (30 ноября 2012 г.)

30 ноября в зале Ученого совета института состоялся межведомственный круглый стол «Профилактика экстремистских проявлений среди несовершеннолетних в современных условиях», целью которого было всестороннее обсуждение этой актуальной проблемы, в том числе в рамках реализации мероприятий по подготовке к проведению в г. Казани XXVII Всемирных летних студенческих игр – Универсиады 2013 года.

В работе круглого стола приняли активное участие представители Комитета Государственного Совета Республики Татарстан по законности и правопорядку, сотрудники МВД по РТ, прокуратуры РТ, Министерства образования и науки республики, сотрудники Казанского юридического института МВД России и группы по Республике Татарстан филиала по ПФО ВНИИ МВД России.

Вел заседание О.Ф. Павлов, руководитель группы по Республике Татарстан филиала по Приволжскому федеральному округу ФГКУ «ВНИИ МВД России», кандидат юридических наук.

С приветственным словом к участникам круглого стола обратились Р.Г. Нугуманов, заместитель председателя Комитета Государственного Совета Республики Татарстан по законности и правопорядку, генерал-майор милиции в отставке; полковник полиции С.Н. Миронов, заместитель начальника Казанского юридического института МВД России по научной работе, кандидат исторических наук, доцент; М.А. Зарипов, начальник УОООП и ВОИВ РТ и ОМС МВД по Республике Татарстан.

Характеристику преступлений экстремистской направленности, совершенных несовершеннолетними, дала в своем выступлении старший научный сотрудник группы по РТ филиала по ПФО ФГКУ ВНИИ МВД России Л.В. Кокорева.

Заместитель начальника УОООП и ВОИВ РТ и ОМС МВД по Республике Татарстан Л.Ю. Осипова рассказала о предупреждении преступлений экстремистской направленности среди несовершеннолетних сотрудниками подразделений по делам несовершеннолетних ОВД Республики Татарстан.

Е.П. Шляхтин, начальник кафедры оперативно-розыскной деятельности КЮИ МВД России, осветил вопросы совместной деятельности государственных и правоохранительных органов, институтов гражданского общества в профилактике преступлений террористического и экстремистского характера, совершаемых на религиозной почве в молодежной среде. В выступлении была подчеркнута актуальность этой проблемы, а также необходимость тесного взаимодействия всех структур в борьбе с проявлениями молодежного экстремизма.

Начальник отдела Центра по противодействию экстремизму МВД по Республике Татарстан М.М. Махмутов рассказал о борьбе с проявлениями молодежного экстремизма, осуществляемой Центром. Он отметил, что это подразделение, созданное на базе МВД, решая поставленные задачи противодействия экстремистским проявлениям, не в состоянии охватить весь объем работы по профилактике этого вида правонарушений.

Вопросы работы прокуратуры Республики Татарстан по надзору за исполнением законодательства о противодействии экстремистской деятельности осветила помощник прокурора Республики Татарстан по надзору за процессуальной деятельностью органов безопасности Э.В. Зарипова.

О мерах, предпринимаемых Министерством образования и науки РТ в рамках профилактики проявления экстремизма в молодежной среде, рассказала в своем докладе Э.Р. Сафина, начальник отдела воспитания и дополнительного образования детей МОиН РТ. Ее доклад об основных направлениях деятельности системы образования по профилактике экстремизма, сопровождаемый презентацией, вызвал неподдельный интерес участников круглого стола.

А.Е. Шалагин, начальник кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права КЮИ МВД России, в своем докладе «Предупреждение органами внутренних дел деятельности молодежных объединений асоциальной направленности» дал краткую характеристику этих объединений, привел их классификацию и степень опасности для общества.

Преподаватель кафедры административного права, административной деятельности и управления ОВД А.В.Ерохина осветила меры административного воздействия на молодежные экстремистские группировки.

Начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин КЮИ МВД России М.М. Шакирьянов рассказал о внешних атрибутах молодежных экстремистских объединений, дал характеристику самым распространенным символам нацистских группировок.

Все выступающие отметили сложность и важность заявленной проблемы, ее актуальность в преддверии проведения в нашем городе XXVII Всемирных летних студенческих игр – Универсиады 2013 года, пришли к выводу, что профилактика среди подрастающего поколения любых проявлений экстремизма, выявление асоциальных группировок – это задача всего общества: психологов, педагогов, правоохранительных органов.

Подводя итоги круглого стола ««Профилактика экстремистских проявлений среди несовершеннолетних в современных условиях» О.Ф. Павлов выразил уверенность, что научное сообщество, правоохранительные органы, ведомства, осуществляющие образовательно-воспитательный процесс, продолжат активную деятельность по разработке и внедрению в практику результатов исследований по профилактике экстремистских проявлений в молодежной среде.

Межведомственный круглый стол «Научно-методическое обеспечение антикоррупционной деятельности» (7 декабря 2012 г.)

7 декабря в институте состоялся межведомственный круглый стол «Научно-методическое обеспечение антикоррупционной деятельности», организованный совместно с группой по Республике Татарстан филиала по Приволжскому федеральному округу ФГКУ ВНИИ МВД России.

С приветственным словом к участникам обратились Миронов С.Н., заместитель начальника КЮИ МВД России по научной работе, и Кушнирык В.В., начальник научно-исследовательского отдела №2 ФГКУ ВНИИ МВД России.

Работа круглого стола началась с выступления Кабанова П.А., доктора юридических наук, профессора, директора научно-исследовательского института противодействия коррупции Института экономики, управления и права (г. Казань) на тему «Перспективные направления научно-методического обеспечения противодействия коррупции на региональном уровне».

С докладом «Основные результаты деятельности МВД по Республике Татарстан по противодействию коррупции в 2012 году» выступил Акчурина Р.К., начальник отдела Управления экономической безопасности и противодействия коррупции МВД по Республике Татарстан.

Острую дискуссию вызвало выступление Латыпова Р.Н., начальника отдела по надзору за исполнением законодательства о противодействии коррупции Прокуратуры Республики Татарстан, посвященное актуальным проблемам назначения судом наказания в виде штрафа и его исполнения.

Проблемы научно-методического обеспечения антикоррупционной деятельности осветил Лабутина А.А., старший научный сотрудник группы по Республике Татарстан филиала по Приволжскому федеральному округу ФГКУ ВНИИ МВД России.

Большой интерес присутствующих вызвал доклад Лихачева Ю.Л., главного советника Управления Президента Республики Татарстан по вопросам антикоррупционной политики, посвященный состоянию работы по борьбе с коррупцией в республике.

Самигуллин Р.И., старший инспектор отдела процессуального контроля Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Республике Татарстан, сделал доклад на тему «Практика расследования преступлений коррупционной направленности», в том числе и совершенных сотрудниками ОВД.

Харитонов К.Ю., инспектор по особым поручениям инспекции по личному составу Управления по работе с личным составом МВД по Республике Татарстан, рассказал о ходе реализации инспекцией по личному составу Управления по работе с личным составом МВД по Республике Татарстан мероприятий по противодействию коррупции.

Ильин И.В., доктор юридических наук, доцент, начальник филиала по Приволжскому федеральному округу ФГКУ ВНИИ МВД России, осветил научное обеспечение деятельности органов внутренних дел по противодействию коррупции.

Затем выступили сотрудники института: Миронов С.Н., заместитель начальника Казанского юридического института МВД России по научной работе, сделал доклад «Стратегия антикоррупционной политики» в правовом обеспечении противодействия коррупции в Республике Татарстан»; Шевко Н.Р., кандидат экономических наук, начальник кафедры экономической теории, правовой статистики, математики и информатики КЮИ МВД России, – на тему «Информационное обеспечение антикоррупционной деятельности»; Крылова Е.С., кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права КЮИ МВД России, – на тему «Предмет взятки и коммерческого подкупа: вопросы квалификации»; Мазуренко П.Н., кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики КЮИ МВД России, – на тему «Особенности противодействия коррупции в ОВД»; Хайдаров А.А., кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса КЮИ МВД России, – на тему

«Отсутствие четких законодательных пределов судейского усмотрения как основное условие коррупционного поведения судей при рассмотрении уголовного дела в суде первой инстанции»; Файзрахманова Л.И., преподаватель кафедры административного права, административной деятельности и управления ОВД КЮИ МВД России, - на тему «Коррупционные проявления среди личного состава и антикоррупционные мероприятия ОВД»; Шакирьянов М.М., кандидат юридических наук, начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин КЮИ МВД России, – на тему «Коррупция в системе государственной гражданской службы РФ в современных условиях»; Фазлиева Л.К., кандидат химических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин КЮИ МВД России, – на тему «Современное правовое определение коррупции и меры по его предупреждению»; Хафизова Л.С., кандидат юридических наук, доцент, старший преподаватель кафедры уголовного права КЮИ МВД России, – на тему «Актуальные проблемы противодействия преступлениям коррупционной направленности в сфере государственного управления»; Ерохина А.В., преподаватель кафедры административного права, административной деятельности и управления ОВД КЮИ МВД России; Шайхутдинов Р., курсант 091 группы КЮИ МВД России, – на тему «Антикоррупционная деятельность сотрудников ГИБДД путем использования мер убеждения».

Профилактике проявлений коррупции в деятельности сотрудников института было посвящено выступление заместителя начальника отдела кадров полковника полиции Коренкова В.М.

Многие выступления вызвали острые дискуссии, в ходе которых высказывались самые разные мнения о современном состоянии коррупции, ее причинах и путях минимизации.

По результатам работы круглого стола были приняты практические рекомендации, которые вместе со сборником материалов будут разосланы во все заинтересованные ведомства.

Уважаемые коллеги!

Приглашаем ученых, адъюнктов, аспирантов и соискателей, а также сотрудников органов внутренних дел принять участие в опубликовании научных трудов в журнале «Вестник Казанского юридического института МВД России».

Журнал издается раз в квартал, срок представления материалов: до 1 марта, до 1 июня, до 1 сентября, до 1 декабря.

Требования, предъявляемые к статьям, направляемым в журнал «Вестник Казанского юридического института МВД России»

1. Статья представляется в редакцию журнала в распечатанном и электронном виде.
2. К статье должна быть приложена внешняя рецензия, подпись рецензента должна быть заверена кадровым аппаратом соответствующего учреждения.
3. Согласно ГОСТ 7.5-98 «Журналы, сборники, информационные издания, издательское оформление публикуемых материалов», элементы издательского оформления включают:
 - сведения об авторах: фамилия, имя, отчество (полностью), ученое звание, ученая степень, должность или профессия, место работы (наименование учреждения или организации, населенного пункта);
 - заглавие публикуемого материала;
 - **аннотацию** текста публикуемого материала (не более четырех предложений) и **ключевые слова** (не более семи речевых единиц) (*на русском и английском языке*). Аннотация в целом и любая ее часть не должны быть перифразом заглавия статьи;
 - примечания (сноски), оформленные по ГОСТ 7.0.5-2008.
4. Объем статьи – 10-15 страниц текста, набранного в соответствии с указанными ниже требованиями.
5. Технические требования:
 - текстовый редактор Microsoft Word, шрифт Times New Roman, кегль 14 пунктов, междустрочный интервал 1,5;
 - параметры страницы: поля верхнее, нижнее – 2 см, правое -2,5см, левое – 1,5 см;
 - абзацный отступ 1,25 см, выравнивание по ширине;
 - сноски концевые.
6. Статья должна быть подписана автором. На статьях адъюнктов, аспирантов и соискателей должна стоять также подпись их научного руководителя.
7. Перед подписью автора и научного руководителя в свободной форме дается разрешение на публикацию в Интернете, например: «Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю».
8. Редакция рекомендует авторам проверять рукописи на сайте antiplagiat.ru

Редакция оставляет за собой право на редактирование статей, без изменения их научного содержания. Статьи, не соответствующие указанным требованиям, решением редакционной коллегии не публикуются и не возвращаются. К рассмотрению не принимаются работы, опубликованные в других изданиях.

Редакционная коллегия оставляет за собой право направлять на рецензирование, дополнительное рецензирование или отклонять предлагаемые к публикации работы.

Гонорар за публикации не выплачивается, статьи публикуются на безвозмездной основе.

Авторы полностью несут ответственность за подбор и достоверность излагаемых фактов, цитат, а также отсутствие сведений, не подлежащих опубликованию в открытой печати.

Рукописи принимаются ответственным секретарем редколлегии Кабиловым Дмитрием Эрнстовичем (тел. (843) 2777-800, электронный адрес vestnikkui@mail.ru)